

к 76.12

Т33

22445-к

И. Я. ТЕНЮШЕВ

**И. Я. ЯКОВЛЕВ-
ПУБЛИЦИСТ**

Национальная библиотека ЧР

k-022475

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ Д

обозначенного здесь срока

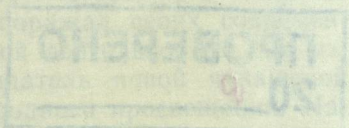
[illegible]

И. Я. ТЕНЮШЕВ

76,12
Т 33

И. Я. ЯКОВЛЕВ- ПУБЛИЦИСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чебоксары

Чувашское книжное издательство
1990

76.123(2)
ББК 76.1
Т 33

Обязат. экз.

Рецензенты:

доктор филологических наук **Н. П. Емельянов,**

доктор исторических наук **Р. П. Овсепян,**

кандидат филологических наук **В. Я. Каныков**

ПРОВЕРЕНО
20 *р*

Тенюшев И. Я.

22475-кр
Т 33 **И. Я. Яковлев** — публицист. Чебоксары: Чув.
кн. изд-во, 1990. — 144 с.

В книге выдающийся чувашский просветитель-демократ **И. Я. Яковлев** предстает перед читателем с новой, малоисследованной стороны — анализируется его благотворная литературно-публицистическая деятельность. Богатое творческое наследие педагога рассматривается в органической связи с периодами возникновения и развития чувашской публицистики и журналистики, выявляются особенности его публицистического мастерства.

Рассчитана на журналистов, филологов, историков, студентов и широкий круг читателей.

ББК 76.1

Т 1502010000 —

М 136 (03) — 90 120 — 90

Чувашская
Республиканская
Библиотека
им. М. Горького

ISBN 5-7670-0324-6

«Не то важно, что ты сказал, а то, как тебя поняли. Поэтому учитесь ясно и точно выражать свои мысли. Неточно выраженная мысль может привести к досадному недоразумению. Ко всякому делу надо прилагать разум».

«Любезный Алексей Васильевич! Писание твое положительно интересно и важно для истории нашей Симбир(ской) чуваш(ской) школы, которой ты есть первый воспитанник; твоя судьба есть ее история. Настоятельно прошу продолжать, а написанное пополнять и исправлять. Поверь, выйдет из твоего труда очень, очень интересное произведение...

Хорошо писать — это дело нелегкое, но очень возможное при старании и терпении».

Из высказываний И. Я. Яковлева, из его писем А. В. Рекееву

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев (1848—1930) поражал своих современников многогранной неутомимой деятельностью. Он известен прежде всего как создатель новой чувашской письменности, организатор народного просвещения. Наряду с этим Яковлев был собирателем и исследователем чувашского фольклора, автором букварей и книг для чтения на родном языке, переводчиком, первым чувашским детским писателем и литературным критиком, активным корреспондентом газет и журналов. Недаром В. И. Ленин сказал о нем: «Богатырский был дух у этого человека. Пятьдесят лет тянул к свету свой народ, и в каких условиях»¹.

Публицистические произведения Яковлева, разнообразные по тематике и жанру, печатались в Симбирске, Казани. Несколько статей было опубликовано им в столичных изданиях. К ним относятся «Очерк возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища», «Соображения о распространении женского образования между чувашами», «К вопросу о должностях окружных инспекторов инородческих школ при управлении Казанского учебного округа» и др.

Все, что написано Яковлевым, согрето огнем любви к родному чувашскому народу, продиктовано желанием самозабвенно служить ему. Как верным и надежным

¹ Цит. по кн.: И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968. С. 19.

средством пользовался педагог публицистикой в борьбе со своими идейными противниками, в отстаивании дела национального подъема чувашей. Литературно-публицистическая деятельность Яковлева была связана с живыми потребностями общества того времени.

В. И. Ленин, узнав о попытке чувашских националистов отстранить видного педагога от руководства созданной им школой, 20 апреля 1918 г. телеграфировал председателю Симбирского Совдепа: «Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и перенесшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни»². К работе «над национальным подъемом чуваш», несомненно, относится и литературно-публицистическая деятельность Яковлева. Однако этот вид деятельности как предмет специального анализа никем до сих пор не выделялся и получил лишь частичное освещение в имеющихся трудах о Яковлеве. Совершенно не раскрыта его роль в развитии чувашской журналистики.

Таким образом, литературно-публицистическое творчество видного педагога вплоть до настоящего времени остается в тени. Приведем характерный пример. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР недавно предпринял два издания «Воспоминаний» И. Я. Яковлева. Составители «Предисловия» к этой книге, безусловно, прекрасно видят многогранность благотворной деятельности чувашского просветителя, но литературно-публицистическое наследие его почему-то упорно обходят. Показывая разносторонние дарования «поборника национального подъема родного народа в тяжелых условиях царизма», литературно-публицистическую деятельность его даже не упоминают. И зря. Ведь именно Яковлев был первым чувашским детским писателем, одним из первых публицистов и критиков. Когда логика фактов все-таки вынуждает авторов «Предисловия» обратить внимание на упущенное, тогда из-за неизученности темы вкрадывается неточность: неверно указывается время приобщения молодого Яковлева к публицистической деятельности. «В гимназические годы он изучал русскую и зарубежную классику, читал Белинского, Писарева и Добролюбова. К этому времени относится начало его публици-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 61.

стической и переводческой деятельности», — читаем здесь³. Однако публицистическая деятельность Яковлева началась раньше, еще в период подготовки к поступлению в гимназию. Первые публицистические произведения его были опубликованы газетой «Симбирские губернские ведомости»: очерк «Чувацкий праздник учюк» — 28 марта и 4 апреля 1867 г., а рецензия «Солдалык кнеге» — 13 мая того же года. Сам И. Я. Яковлев вспоминает так: «Ко времени подготовки в гимназию относятся мои первые попытки сотрудничать в газете»⁴. И напрасно составители «Воспоминаний» раздел «Первые шаги в публицистике» отнесли к главе «Гимназия».

Литературно-публицистическое наследие Яковлева довольно богатое. Необходимость специального и более тщательного исследования этого наследия продиктована следующими обстоятельствами:

— История культуры любого народа будет не полной; если в ней не рассмотрена история зарождения и становления печати. В истории чувашской печати творческое наследие Яковлева составляет заметную веху и является ее неотъемлемой составной частью.

— Как известно, ни одна наука не может существовать и развиваться без изучения и использования опыта прошлого. Для журналистики также важны учет и обобщение данных истории.

— Широкий круг советских людей пока знает Яковлева только как педагога, мыслителя и писателя. До последнего времени не было специальной работы, характеризующей его публицистическую деятельность.

— Исследование литературно-публицистического творчества Яковлева мы рассматриваем как источник познания дореволюционной культуры чувашского народа и как одно из средств воспитания молодого поколения в духе бережного отношения к богатствам культуры прошлого, его прогрессивным деятелям.

— Изучение тематики и идейной направленности произведений Яковлева, выявление особенностей публицистического мастерства его полезны не только для журналистов, но и для любого специалиста гуманитарного профиля — историка, литературоведа, философа, лингвиста и др.

³ Яковлев И. Я. Воспоминания. Изд. второе, доп. Чебоксары, 1983. С. 8.

⁴ Там же. С. 67.

— Наконец, рассмотрение литературно-публицистического творчества Яковлева в какой-то степени внесет ясность в продолжающиеся споры относительно общей оценки его деятельности, творческого наследия и мировоззрения.

Из сказанного следует, что обращение к творческому наследию Яковлева, изучение его публицистических выступлений имеют актуальное значение как в теоретическом, так и в практическом плане. То, что уже подвергнуто обобщению, необходимо сделать достоянием читателя.

Многосторонняя деятельность чувашского просветителя всегда вызывала к себе живой интерес. В оценке деятельности и мировоззрения не было единства мнений, и оно все еще не выработано. Некоторые исследователи склонны рассматривать Яковлева как убежденного, последовательного демократа. Так, С. С. Спиридонов заявляет: «Он демократ, притом убежденный демократ... Особенно большое воздействие на мировоззрение И. Яковлева оказали философские взгляды русских революционных демократов Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова»⁵. Здесь исследователь слово в слово повторяет то, что написано самим И. Я. Яковлевым о себе 12 ноября 1919 г. в «Объяснительной записке В. И. Ленину». Авторы «Педагогической энциклопедии» идут еще дальше. Ими явно приукрашены взгляды чувашского просветителя в статье «Яковлев Иван Яковлевич»: «Познакомившись с трудами русских революционных демократов, Яковлев еще в университете становится горячим пропагандистом их идей»⁶.

Можно ли все это принимать за истину? Действительно, мировоззрение Яковлева формировалось под влиянием усиления борьбы крестьян в пореформенный период и деятельности революционной разночинной интеллигенции. В деревнях педагог «натывался на случаи поразительной бедности, ютившейся притом чуть не рядом с чувашским училищем». Видел он и классовое расслоение деревни. Своими глазами наблюдал, как «появились по деревням богатые крестьяне — кулаки, эксплуатировавшие крестьянскую бедноту тем, что, арендуя землю у помещиков, в удельном ведомстве на

⁵ Спиридонов С. С. Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848—1930 гг.). М., 1965. С. 29.

⁶ Педагогическая энциклопедия: В 4 т. М., 1968. Т. 4. С. 841.

сроки, отдавали ее в пользование крестьянам на тяжелых условиях». Сочувствовал истощенным «изнурительной, в негигиенической обстановке, работою», тем, у кого «бледные лица, впалые груди и другие признаки тяжелой нужды», какие он увидел на ярославской мануфактурной фабрике. Удивлялся Яковлев той неосведомленности в народных нуждах, которую проявляла тогдашняя печать во главе с реакционным публицистом М. Н. Катковым⁷. «Принести пользу бедным и темным чувашам и просветить их по мере своих сил» он мечтал еще в юности. К этому призывал и своих учеников⁸. Более того, именно желание оказать помощь трудовому народу обуславливало и идейные принципы публициста. Оно постоянно находило свое отражение и в печатных выступлениях, и в официальных представлениях, и в эпистолярном наследии. В его творчестве четко выражены народно-демократические тенденции. Вся долготлетняя деятельность Яковлева является образцом самоотверженного служения трудовому народу. Он желает ему лучшей доли, защищает его интересы, стремится облегчить жизнь всех обездоленных, прежде всего крестьян, всячески оказывает им практическую помощь.

Вся общественно-гражданская и литературно-публицистическая деятельность Яковлева посвящалась делу национального возрождения чувашей, что означало «внести свет и культуру в малоподвижные и темные силы народных масс»⁹, добиться широкого распространения мужского и женского образования, пробудить национальное самосознание родного народа, постепенно приобщать его к передовой русской и мировой культуре, повысить агротехнический уровень ведения крестьянского хозяйства и стремиться к подъему материального благосостояния всего трудового народа. Чувашский публицист осуждал и смело разоблачал бюрократическое царское чиновничество и корыстолюбивое духовенство, выступал против насильственной русификации нерусских народов. Он был страстным поборником

⁷ См.: Яковлев И. Я. Воспоминания. Изд. второе, доп. Чебоксары, 1983. С. 187, 188, 203, 208.

⁸ См.: Яковлев И. Письмо А. В. Рекееву от 23 апр. 1871 г. // Яковлев И. Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 138.

⁹ Яковлев И. Я. Представление в Симбирскую губернскую земскую управу от 15 янв. 1917 г. // Центральный государственный архив Чувашской АССР (в дальнейшем: ЦГА ЧАССР), ф. 207, оп. 1, д. 1156, л. 74.

дружбы народов, верным приверженцем идеалов воинствующего гуманизма и деятельного добра.

Чтобы правильно оценить деятельность чувашского просветителя, обратимся к высказываниям В. И. Ленина. «... Быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства».¹⁰ ... Яковлев выступал за улучшение жизни всего трудового народа. Следовательно, он выражал интересы большинства, а не меньшинства, и в том, что его считают демократом, ошибки быть не может. Однако публицист в силу ряда причин не поднялся до уровня последовательного или убежденного демократа. По Ленину, «... демократ верит в движение масс, его силу, его правоту, нисколько не боясь этого движения»¹¹. Яковлев же исключал необходимость решения социальных вопросов таким путем. Он не был сторонником революционных методов борьбы с царизмом; «всегда считал, что всего можно достигнуть без потрясений, насилий, мирным путем»¹². Значит, Яковлев не мог быть пропагандистом идей революционных демократов. Его усилия направлялись на то, чтобы добиться улучшения жизни народа в рамках существовавшего строя. Ему как просветителю было свойственно идеалистическое преувеличение роли знаний и просвещения в истории общественного развития. Публицист полагал, что от распространения знаний зависит не только успешное развитие производительных сил, но и перестройка общества на новых началах. Он добивался улучшения жизни народа посредством просвещения и подъема культуры, действовал с позиций демократического просветительства, и сущность социально-политических взглядов его было бы правильнее охарактеризовать словами «демократ-просветитель».

Недостаточная изученность литературно-публицистической деятельности чувашского просветителя помешала исследователям правдиво показать сложность и противоречивость его взглядов и дать точную периодизацию творческого пути с учетом этапов становления его мировоззрения и особенностей литературно-публицистической деятельности в различных исторических условиях.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 166.

¹¹ Там же. Т. 22. С. 48.

¹² Яковлев И. Я. Моя жизнь // Научный архив Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР (в дальнейшем: НА ЧНИИ), отд. вр. хр., ед. хр. 361. С. 486.

Деятельность Яковлева протекала в основном в период нарастания борьбы чувашского народа с остатками крепостничества, против гнета капитала, за свою национальную самостоятельность. При всем этом Яковлев неизменно выступал как защитник бедных и забытых чувашей. Интересы и потребности их стали той основой, на которой формировалось мировоззрение Яковлева. Взгляды его выражали интересы не одного какого-либо класса, а всего униженного темного народа, страдавшего в то время под двойным гнетом — социальным и национальным. Отсюда и исходят особенности мировоззрения Яковлева. В зависимости от хода развития Чувашского края жизнь ставила перед ним все новые и новые задачи, за осуществление которых приходилось бороться в различных исторических условиях. С учетом особенностей литературно-публицистической деятельности в различных исторических условиях и этапов становления мировоззрения творческий путь Яковлева можно разделить на четыре периода: 1. Начальный период творческого пути (1867—1875 гг.). 2. Период выработки программы по национальному возрождению чувашей (1875—1893 гг.). 3. Творчество народного просветителя в годы усиления гонений на чувашские школы и печать (1894—1917 гг.). 4. Литературная деятельность после победы Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1922 гг.). Творческое наследие Яковлева рассматривается в книге по этим периодам.

В процессе изучения документальных источников в государственных архивах нами выявлен ряд новых, ранее не известных материалов, позволяющих шире и глубже освещать затронутые вопросы. Сюда относятся отзыв на книгу И. Н. Юркина «Лирические произведения, песни на чувашском языке» от 13 января 1889 г.; представление управляющему акцизными сборами Симбирской губернии А. В. Римскому-Корсакову от 31 января 1907 г., содержащее ответ по поводу рецензии О. Г. Романова в газете «Симбирянин» на изданные И. Н. Юркиным сказки; неопубликованная статья «Чувашская учительская школа и мое отношение к ней» (1906), осуждающая политику насильственной русификации нерусских народов в царской России; публикация под названием «Сведения, доставленные г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа Симбирской уездной управе сентября 17 дня 1877 года»

(состоит из двух корреспонденций, условно озаглавленных нами «К вопросу об открытии школы в Средних Алгашах» и «Дружная семья»); рецензия на рукопись Т. Толмасова «Начальные прописи для сельских инородческих (чуваш.) школ и для домашнего обучения»; рукопись Т. Земляницкого «История чувашских переводов в связи с историей религиозно-нравственного просвещения инородцев вообще» и некоторые другие.

Произведения Яковлева и других авторов цитируются в книге по современным нормам правописания, однако отдельные грамматические формы этого времени оставлены без изменения. Так, слово «чуваш» встречается в именительном падеже единственного числа в форме «чувашин» или «чувашенин», в родительном падеже множественного числа — «чуваш» вместо современного «чувашей». В приведенных текстах сохранены также стилистические особенности русского и чувашского языков того времени.

Известно, что школа, созданная Яковлевым, называлась по-разному: в 1868—1877 гг. — Симбирской чувашской школой, в 1877—1890 гг. — Симбирской центральной чувашской школой, в 1890—1917 гг. — Симбирской чувашской учительской школой и т. д. В нашей книге дано предпочтение последнему названию, так как именно оно полнее раскрывает назначение школы.

Книга рассчитана на работников печати, телевидения и радиовещания, студентов, изучающих журналистику, рабочих и сельских корреспондентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами истории и теории печати, журналистского мастерства и полемического искусства.

РАЗРАБОТКА ПУБЛИЦИСТОМ ИДЕЙНЫХ ОСНОВ ЧУВАШСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Отражение формирования мировоззрения И. Я. Яковлева в публицистических выступлениях начального периода (1867—1875 гг.)

19 февраля 1861 г. был издан манифест об отмене крепостного права. В те же годы проводятся и другие реформы. Утверждаются «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Вводятся «Положения о начальных училищах», разрешавшие открывать, наряду с церковно-приходскими и религиозно-миссионерскими, светские школы, 26 марта 1870 г. были приняты «Правила о мерах к образованию инородцев», допускавшие в школу язык нерусских народностей. С усилением развития капитализма в России грамотность становилась прямой потребностью. В связи с этим дается толчок делу народного образования и среди чувашского народа. Заметно растет сеть школ.

Одним из организаторов народного просвещения стал И. Я. Яковлев. Он же развернул энергичную литературно-публицистическую деятельность. Начальный период творчества Яковлева охватывает время подготовки к поступлению в Симбирскую гимназию, годы учебы в гимназии и Казанском университете. Развитие его творчества от первых выступлений в симбирской губернской газете идет к колоритным детским рассказам для букваря, имеющим прямую педагогическую направленность. Тематика его произведений еще не легла в определенное русло, поэтому она очень широка и пестра.

Общественно-политические взгляды Яковлева формировались в условиях 60-х годов XIX в. «Настоящее безотрадное положение рано заставило меня задуматься над положением моих сородичей», — записал он 25 августа 1870 г.¹ Еще до поступления в гимназию он

¹ Яковлев И. Докладная записка на имя директора гимназии и училищ Симбирской губернии И. В. Вишневого // Материалы к истории Симбирской чувашской школы. Симбирск, 1915. С. 4.

убеждается в том, что необходимо обучать своих соплеменников грамоте. Если «в первой половине XIX в. вопрос обучения чувашских детей грамоте связывался всего лишь с привитием им умения читать новокрещенскую литературу», а в середине века «С. М. Михайлов мечтал через школу готовить писарей из народа и тем установить справедливое обращение к нерусским народностям, передав управление ими в руки «своей» администрации»², то в 60-х годах XIX в. И. Я. Яковлев в обучении грамоте видит путь избавления чувашей от невежества и темноты. Считая основной причиной отсталости народа его непросвещенность, Яковлев, подобно своему предшественнику в просветительской деятельности С. М. Михайлову, начинает мечтать о просвещении хотя бы нескольких чувашей. «Понимание верных задач и приемов инородческого образования,— пишет он потом,— далось не сразу, вначале хотелось просто провести через русскую школу сколько возможно мальчиков-чуваш и только»³.

Будущий педагог полагал так: «Если нельзя провести к гимназии и университету весь чувашский народ, то надо сделать это по отношению хотя бы к отдельным, более способным единицам чувашского племени»⁴. Это должно было развеять «убеждение в том, что будто бы приволжские инородцы вообще не могут воспринять образования наравне с русскими, подняться до общерусской культуры»⁵. Кроме того, Яковлев надеялся на то, что народ, движимый образованными людьми, вышедшими из своей среды, заживет лучше. Исходя из таких соображений, он начинает готовить юношей к экзаменам на звание учителя. В Казани Н. И. Ильминский стал ему доказывать: «Надо сделать что-либо для всей массы чувашского народа», а «возиться же с отдельными личностями — значит размениваться на мелочи». У Яковлева постепенно утвердилось желание поднять «всех чуваш на вершок, на два от земли» в целях принесения блага для них⁶.

² Канюков В. Я. К вопросу о фольклоризме и типологии реализма в новописьменной чувашской литературе XIX в. /Рукопись. 1979 //НА ЧНИИ, отд. вр. хр., с. 9.

³ Яковлев И. Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы. Симбирск, 1908. С. 3.

⁴ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525. С. 369.

⁵ Там же, ед. хр. 526. С. 539.

⁶ См. там же.

В начальный период литературно-публицистической деятельности сравнительно большая часть творений Яковлева не имеет прямого отношения к задачам народного просвещения, но в них красной нитью проходит желание автора помочь родным чувашам в отстаивании своих славных традиций, избавлении от невежества и темноты. Первое выступление его в периодической печати называлось «Чувашский праздник учюк». Оно было напечатано 28 марта и 4 апреля 1867 г. в газете «Симбирские губернские ведомости» со следующим примечанием редактора: «Статью эту мы писали вдвоем с г[осподином] Я[ковлевым]. Высокий этнографический интерес содержания заставил нас принять участие в составлении этой статьи». Впоследствии произведение включается в четвертый выпуск «Материалов для истории и статистики Симбирской губернии». В сноске снова дается аналогичное примечание: «Статью эту мы писали вдвоем с г[осподином] Я[ковлевым], природным чувашенином. М. Арнольдov»⁷.

Редактор неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», секретарь Симбирского статистического комитета, один из организаторов первой воскресной школы в Симбирске М. В. Арнольдov принял деятельное участие в судьбе Яковлева: помогал юноше не только готовиться к поступлению в гимназию, но и открыл ему путь в периодическую печать. Историко-этнографический очерк «Чувашский праздник учюк» написан одним Яковлевым, а затем отредактирован Арнольдovым. Достоверность этого предположения подтверждается тем, что изложение материала ведется от имени одного лица. После описания состязаний, например, сказано: «И я принимал во всем участие». Разумеется, участником праздника учюк был сам Яковлев.

Поводом для выступления Яковлева в печати, видимо, послужили статьи о чувашских обрядах и поверьях, появившиеся в то время в газетах «Справочный листок города Казани» и «Симбирские губернские ведомости». Сам Яковлев указывает на статью В. Магницкого «Празднование чувашами нового года (соргоры)»⁸, причем против этой статьи у него имелись возражения. «В «Казанском справочном листке» мы прочли известие о чувашском празднике «соргоры»...

⁷ Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 93.

⁸ Справочный листок города Казани. 1867. 7 февр.

Нам кажется, что автор этой статьи придает празднику соргоры слишком большое значение», — пишет он в рассматриваемом очерке.

Надо полагать, не мог также одобрить Яковлев выступление симбирского дворянина, деятеля земских учреждений А. Пантусова со статьей «Чувашские поверья в Курмышском уезде» в газете «Симбирские губернские ведомости» 23 и 28 февраля 1867 г. Обычай народа им представлены неприятными, отталкивающими, а сами чуваши — почти дикарями. В статье чувствуется явная предубежденность ее автора. Жизнь чувашей он исказил преднамеренно. Это делалось для того, чтобы трудолюбивых чувашей со славным прошлым, с древними традициями выдавать за неполноценный народ, который якобы не вправе претендовать на развитие своей собственной культуры.

Надо было показать чувашей такими, какие они есть. Эту задачу и выполнил Яковлев своим выступлением в газете. Особенностью его произведения является скрытая напряженная полемичность. Учюк он трактует как пышный праздник, по неписаным законам ставший народной традицией. «Освященный веками этот праздник представляет собой замечательный остаток язычества, остаток, сохранением которого в целости гордится чувашенин...» — заявляет Яковлев в начале очерка. Особенно живо и колоритно описывается в нем нерелигиозная сторона праздника — различные игры, состязания в силе и сноровке.

Изложение намного выигрывает от сопоставления им двух чувашских праздников: сурхури и учюк. Сурхури (в очерке И. Я. Яковлева: соргоры) — зимний праздник молодежи. Он сопровождался гаданиями. «На наш взгляд, соргоры даже не религиозный праздник. Это просто освященный временем обычай гадать преимущественно об урожае в ночь на новый год. Соргоры, впрочем, у чуваш называется еще обычай собираться для пляски», — пишет автор. Далее он продолжает: «Понятно, что празднование соргоры, если мы даже допустим такое выражение, не имеет никакого: ни религиозного, ни общественного — значения». Яковлев-этнограф здесь совершенно прав: во время сурхури жертвы не приносились, моления не проводились, не созывались и общественные советы. Этот праздник возник на базе поклонения различным духам, покровителям земледелия и животноводства. Само гадание

также связывалось с верой в сверхъестественные силы. Они представлялись недоступными человеческому пониманию. Считалось, что их намерения можно постичь лишь гаданиями. Такое суеверие вело к тому, что люди, придавленные жизненными условиями, переставали чувствовать себя хозяевами своей жизни. Праздник сурхури, связанный с гаданиями, для общества пользы не приносил. Так следует понимать приведенное высказывание Яковлева. Иным является учюк — общественно-религиозный языческий праздник чувашей. Он имеет «громадную важность в глазах чувашенина», «в нем вполне выражаются все национальные особенности чувашенина, все основы их языческих верований и общественного быта». Учюк справлялся перед началом полевых работ. Здесь крестьяне договаривались о совместной работе, оказании помощи друг другу. Бедные занимались батрачить у толстосумов.

Автор привлекает внимание читателя зрительностью эпизодов, созданием картин праздника в форме репортажа. «На том месте, где варились бык или корова, зажигались костры,— пишет Яковлев.— ... Всю ночь горит огонь, над которым висят котлы с жертвенным мясом; жертва варится почти всю ночь; каждый веселится в то время по-своему: девицы и парни пляшут и поют песни; всюду слышится шум, гам и хохот; молодежь пробует силу: борются. Старики ведут себя солиднее: образуют кружки и, попивая пиво, толкуют о своих делах». Такая подача материала вызывает у читателя живое представление о празднике и как бы превращает его в участника этого древнего шумного обряда.

Однако основной смысл очерка заключается не в красочном показе народного праздника. Чтобы до конца выяснить всю важность и злободневность публичного выступления, необходимо ясно представить те условия, в которых длительное время находились чуваша. Тяжелой оказалась их участь. По отношению к народам Поволжья, в том числе и к чувашам, царизм вел русификаторскую политику, насильственно обращал их в христианство. Как видно из очерка, взгляды Яковлева на христианскую религию тогда еще не определились. Он тепло изображает языческие обычаи и поверья, показывает, что они имеют крепкие корни. Принудительное упразднение древних традиций народа он считает нежелательным.

В очерке «Чувашский праздник учюк» пытливый взгляд Яковлева обращен на быт, культуру, обычаи родного народа, вместе с тем сделана попытка заступиться за него. Значение этого произведения заключается и в том, что оно обратило внимание на трудолюбивый чувашский народ перед важным для него событием — открытием в Симбирске чувашской школы, осуществленным через полгода с помощью прогрессивной общественности города.

В той же газете «Симбирские губернские ведомости» 13 мая 1867 г. Яковлев опубликовал рецензию на первый чувашский календарь, составленный Н. И. Золотницким и выпущенный в Казани. Сначала рецензент знакомит с содержанием издания, отмечает его полезность для «развития малопросвещенного и малограмотного чувашского народа», затем указывает и недостатки календаря. Автор его, пишет Яковлев, не принимает во внимание кругозор чуваша: сообщает малоизвестные факты без должных пояснений, поэтому они читателю непонятны; употребляет обороты, вовсе не свойственные чувашскому языку; не находит слов для выражения известных понятий, а «через это совершенно извращается смысл рассказа». Рецензент также считает, что обозначение Золотницким чисто чувашских звуков русскими буквами не достигает цели. Он тогда еще высказал мысль создать чувашский алфавит на основе русской графики с применением дополнительных знаков: «Я полагаю, что для выражения чувашских звуков необходимо составить некоторые условные знаки, без которых нельзя обойтись при выражении чувашских звуков, заменяя их русскими буквами». Таким образом, при рассмотрении предпринятого Золотницким издания рецензент проявил критический подход, выразил желание создавать книги, понятные народу.

Мы остановились на первой рецензии начинающего автора еще и потому, что она опровергает устоявшуюся версию о том, будто Яковлев выступал против мысли обучать детей в школах на родном языке. Заявляя об этом, почти все исследователи ссылаются на его статью, якобы напечатанную в газете «Симбирские губернские ведомости». Например, Ильминский в свое время писал: «... Нас положительно убеждает, что он (И. Я. Яковлев. — И. Т.) был далеко не в пользу своего родного языка, следующее обстоятельство: в 1868 году он написал статью против употребления чувашского

языка в школах, которая напечатана была тогда же в «Симбирских губернских ведомостях»⁹.

Такая же ссылка имеется в рукописи «История чувашских переводов в связи с историей религиозно-нравственного просвещения инородцев вообще», принадлежащей перу священника с. Хыркасов Козьмодемьянского уезда Транквиллина Земляницкого. «Вот, когда шла сильная полемика относительно образования инородцев, воспитанник о. Баратынского И. Я. Яковлев, природный чувашин, написал статью против употребления чувашского языка в школах (статья была напечатана в «Симб. губ. ведомостях», кажется, за 1868 г.). Но потом, когда Яковлев поступил в Казанский университет и познакомился с Ильминским, он является уже сторонником его системы», — писал Земляницкий в июне 1906 г.¹⁰

Вслед за Ильминским, Земляницким и др. уже в наше время А. Ф. Эфиров пишет: «Внимание И. Я. особенно привлекала центральная школа. На основании опыта этой школы И. Я. Яковлев пришел к убеждению о необходимости строить первоначальное преподавание в нерусских школах на родном языке учащихся»¹¹. Автор имеет в виду Казанскую центральную крещено-татарскую школу, но Яковлев знакомится с нею лишь после поступления в университет. Примерно такую же ошибку повторяет Г. Н. Волков: «Однако у Яковлева на этот счет были еще сомнения, колебания, и эта правильная мысль стала твердым убеждением несколько позже. О том, что у Яковлева до университета были еще колебания, свидетельствует его статья, помещенная в 1868 г. в «Симбирских губернских ведомостях» об обучении чуваш с самого начала на русском языке»¹².

Однако ни один исследователь не указал ни номера газеты, ни названия предполагаемой статьи молодого Яковлева. Как показали наши разыскания, такой статьи просто не было. Как же тогда появилась версия, приписывающая ему упоминаемую статью? Возникла она

⁹ Ильминский Н. К истории инородческих переводов. Казань, 1884: С. 4.

¹⁰ Центральный государственный архив Татарской АССР (в дальнейшем: ЦГА ТАССР), ф. 967, ед. хр. 177, л. 3.

¹¹ Эфиров А. Ф. Чувашский педагог Иван Яковлевич Яковлев // Записки ЧНИИ, вып. 3. Чебоксары, 1949. С. 12.

¹² Волков Г. Н. Формирование демократической педагогики чуваш. Часть вторая /Рукопись //НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 461. С. 43—44.

не случайно. В то время великодержавные шовинисты выступали против применения в школах родного языка при обучении детей нерусских народов. Такого же мнения придерживался председатель Буинского училищного совета А. И. Баратынский. Он считал, что в чувашских и татарских школах детей надо учить сначала же по-русски с тем, чтобы они быстрее усвоили закон божий. Свои мысли он изложил в «Записке о введении русского языка и русской грамотности в татарских училищах»¹³, представленной в управление Казанского учебного округа. Кроме того, Баратынский 19 августа 1867 г. выступил в газете «Современный листок политических, общественных и литературных известий» со статьей «Об улучшении начальных инородческих училищ Буинского уезда». К ней была предпослана передовица, одобряющая позиции крайнего сторонника обрусения «инородцев».

Редакция «Симбирских губернских ведомостей» придерживалась тех же взглядов и попросила своего автора И. Я. Яковлева написать материал по данному вопросу в желательном ей духе. Это подтверждается самой газетой. В номере от 2 марта 1868 г. под заголовком «Наши новости» она сообщила: «Вопрос об образовании и обрусении инородцев играл и играет у нас не последнюю роль. На него обращены заботы правительства. Мы слышали, что наш губернский училищный Совет постановил, чтобы обучение инородцев происходило исключительно на русском языке. Действительно, неужели кому-нибудь придет в голову серьезно думать о чувашской и мордовской литературе? Единственной мечтой инородцев должно быть перерождение в русских. Великая русская народность, во имя цивилизации, блага самих инородцев, должна поглотить их, претворить в русских. По этому предмету у нас готовится статья, принадлежащая перу лица, компетентного в этом вопросе. Эта статья не родная тем, которые пишутся различными путешественниками с высоты птичьего полета. Напротив, ее писал человек, хорошо знакомый с чувашским языком. (Ред.)».

Можно полагать, что «человеком, хорошо знакомым с чувашским языком», был уже дважды выступавший в газете И. Яковлев. На это проливает свет его письмо А. И. Баратынскому, написанное, как нам удалось ус-

¹³ См.: Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. Спб., 1869. С. 174—177.

тановить, 31 марта 1868 г. В нем говорится, что автор письма работает над статьей о чувашских училищах, но пока ее не завершил, «для этого надобно подобрать много удобного времени»¹⁴.

По всей вероятности, в подготавливаемой статье Яковлев был далек от мысли обучать чувашей с самого начала на русском языке. Это видно из ответа Баратынского: «Суждения твои о введении грамотности на чувашском языке неправильны; это послужило бы не переходом чуваш к русской народности, а отделением от нее... Чувашской грамоты не должно быть, хотя и могут быть допущены некоторые книги на чувашском и русском языках, как средство к усвоению чувашами русского языка. Советую и Вам так думать. Не советую тебе терять время на написание особой статьи об образовании чуваш, а лучше заниматься своим делом к экзамену»¹⁵.

Как и следовало ожидать, священник не одобрил суждения своего ученика об обучении чувашских учащихся на их родном языке, а Арнольдов сообщил читателям о статье Яковлева еще до поступления ее в редакцию, без выяснения позиции автора в обсуждаемом вопросе. Это сообщение редактора и ввело в заблуждение современников Яковлева, вслед за ними и исследователей его творческого наследия относительно публикации статьи против употребления чувашского языка в школах.

Вполне понятно, редакция так и не дождалась заказанной статьи. Вместо обещанного читателям материала Арнольдову самому пришлось написать корреспонденцию под названием: «К вопросу об обрусении и образовании инородцев», которую он опубликовал в номере от 11 июня 1868 г. В доказательство своих мыслей автор здесь ссылается на то, что в удельных училищах учатся и «инородцы». Есть и окончившие. «Понятно, что инородцы эти совершенно переродились в русских», — пытается уверить читателей Арнольдов. В конце корреспонденции им высказаны добрые слова в адрес гимназиста И. Яковлева: «В настоящее время блис-

¹⁴ См.: ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 1 // Цит. по рук.: Василенко М. Д. Педагогическая деятельность И. Я. Яковлева. Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в дальнейшем: ОР ГБЛ). С. 96.

¹⁵ Государственный архив Ульяновской области (в дальнейшем: ГАУО), ф. 332, св. 3, л. 226—227.

тательно проходит курс учения в гимназии природный чувашенин».

Несостоятельность версии о колебаниях Яковлева относительно языка преподавания в нерусских школах видна также из следующего высказывания его: «Слишком три года тому назад, тогда, когда я еще не знал о существовании в периодической литературе так называемого инородческого вопроса, сложилось у меня убеждение, вначале, может быть, инстинктивное, что просвещение и обрусение чуваш может идти успешно не иначе как посредством школ и при посредстве людей, вышедших из среды **самих же чуваш**». (Подчеркнуто нами.— *И. Т.*)

Ясней выражает свои мысли Яковлев далее: «Необходимо пользоваться родным языком чуваш для того, чтобы успешнее распространять христианские понятия в массе их; нужно сделать на понятном чувашском языке переводы религиозно-нравственных книг, священного писания и даже богослужения»¹⁶.

Итак, Яковлев ни в юношеские годы, ни позже не выступал в печати против употребления родного языка в школах. Сказанное полностью подтверждается самим публицистом в мемуарах «Моя жизнь». Здесь Яковлев подчеркивает: «... Вопрос, верно ли сообщение братчика братства святителя Гурия П. Знаменского в его книге «На память о Н. И. Ильминском (к 25-летию братства святителя Гурия)», что я в 1868 году будто бы напечатал в «Симбирских губернских ведомостях» статью против употребления чувашского языка в школах,— такой статьи я никогда не писал и не печатал. Я возражал в этой газете на статью Золотницкого, доказывая, что он не понимает чувашского языка. Под ложным влиянием Баратынского я мог смотреть его глазами на преобладающее значение в чувашских школах русского языка, но против чувашского языка не мог иметь что-либо враждебное»¹⁷. Будучи гимназистом, он взялся писать статью «о чувашских училищах», но она осталась незавершенной. Можно полагать, что наброски ее легли в основу однотипных эпистолярных произведений

¹⁶ Докладная записка студента Казанского университета И. Я. Яковлева попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову от 22 декабря 1870 г. //Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70 гг. XIX века: Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. М.—Л., 1936. С. 332—334.

¹⁷ Яковлев И. Я. Воспоминания. С. 68.

«Первые шаги Симбирской чувашской школы» и «Школа-семья и ее нужды», о которых речь пойдет дальше.

О пытливости и начитанности юноши, о широте размышлений и целеустремленности будущего педагога-публициста дает представление и его гимназическое сочинение «О влиянии театра» (1870)¹⁸, где высказаны взгляды о роли и значении искусства в воспитании молодого поколения. Яковлев понимает, что театральное искусство является составной частью культуры народа. «В настоящее время,— пишет он,— театр составляет одну из необходимых принадлежностей каждого образованного общества...» В сочинении автор приходит к такому выводу: прямое назначение театра — служить человеку. Прежде всего Яковлев высоко оценивает роль театра в эстетическом воспитании людей. Этот вид искусства «производит на наши чувства сильное впечатление... Театр может возбудить в нас и развить эстетическое чувство, т. е. чувство ко всему прекрасному и возвышенному». Впечатления, производимые театром, оказывают влияние не только «на наши чувства», но и на психические свойства. Театральные постановки, утверждает Яковлев, «есть немаловажное средство для проведения в народ хороших понятий и высоких целей», они должны «возбуждать умы людей к высоким стремлениям и хорошим поступкам». В театре зрители «проклинают злодея и зло», у них появляется «непримиримая вражда против зла». В их душе может восторжествовать добродетель, в их глазах добро и истина могут стать такими высокими, что за них «стоит страдать, терпеть, перенести все, даже пожертвовать жизнью». Значит, велико значение театра и в нравственном воспитании. В сочинении указаны факторы, усиливающие воспитательную роль театра. По Яковлеву, ими являются содержание пьесы, талантливость исполнителей и соразмерная обстановка самой театральной сцены. Автор также пытается уловить нити духовной связи между артистом и зрителем. Зрители «зорко следят за каждым движением и словом действующих лиц; несчастья и страдания героя становятся их собственным несчастьем и страданием. Всякий замысел против героя заставляет зрителей трепетать». Эти рассуждения автора подводят к мысли о том, что

¹⁸ ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, д. 2.

чувства персонажей переживаются зрителем вместе с актерами.

По тексту сочинения нетрудно определить источник рассуждений гимназиста о предназначении искусства, о природе театра. Как писал Яковлев в своих воспоминаниях, в эти годы он изучает произведение Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», статьи В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева. Знакомство с эстетической теорией революционных демократов помогло юноше понять тесную связь искусства с жизнью и его главное назначение — служить человеку. Разумеется, представления молодого Яковлева в этой области носили еще ограниченный характер. Придавая искусству большую воспитательную роль, он не осмыслил до конца социальную действенность его, был склонен к преувеличению значения театра в изменении характера человека, не понимал, что каждый вид искусства обладает своими специфическими функциями. Найти правильный подход к отдельным вопросам театрального искусства Яковлеву мешало влияние концепций классицизма и реакционного романтизма. Рассматривая театр как одну из форм отражения действительности и считая, что там не должно быть места серому, бесцветному, встречающемуся постоянно, он считал нужным показывать на сцене «все редкое и интересное, в особенности все то, что составляет контраст с нашей обыденною, мелочною жизнью». Но искусство не может ограничиться только лишь героической декламацией, приподнято-поэтическим выражением чувств героев, как того требовала сценическая школа классицизма, и показом исключительных героев, острых интриг, напряженных конфликтов, что было характерно романтическим спектаклям. Театр отнюдь не уходит от жизни в мир праздничного вымысла, а отражает драматическое и прекрасное в их обыденных формах. «Общеинтересное в жизни — вот содержание искусства», — писал Н. Г. Чернышевский¹⁹.

С позиций классицизма и романтизма Яковлев объяснил также происхождение театра. Причину его появления он ищет «во всеобщей склонности человеческой природы ко всему новому и необыкновенному, что про-

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Полн. собр. соч., т. II. С. 82.

изводит сильные впечатления и сильные волнения и что в то же время доставляет нашей природе удовольствие и приятные ощущения». Искусствоведы считают, что зарождение театра связано с трудовой деятельностью людей и их творчеством²⁰. Очевидно, по вопросу о происхождении театра Яковлев еще не имел зрелых взглядов.

Достоин внимания то, что в дальнейшем он широко пользуется театрализованными представлениями в воспитательной работе. В Симбирской школе разыгрывались бытовые сценки из жизни чувашей, театрализованно исполнялись басни. Учащимися ставились спектакли. В 1913 г. ими была осуществлена постановка фрагментов оперы М. Глинки «Иван Сусанин». Значение этих мероприятий усиливалось еще и тем, что учащиеся сами готовили декорации, костюмы, сами же решали вопросы освещения сцены и зала. Драматические сценки для чтения в лицах Яковлев помещал в своем букваре, советовал проводить небольшие театрализованные представления во всех школах²¹.

С заботами о вновь открытой Симбирской чувашской школе связаны написанные И. Я. Яковлевым в 1870 г. докладные записки директору гимназии и училищ Симбирской губернии И. В. Вишневному — «Первые шаги Симбирской чувашской школы» и попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову — «Школа-семья и ее надежды». Это были сочинения, и по форме, и по своей общественной значимости выходившие за рамки официальных документов. Несколько слов об обстоятельствах их написания. Как известно, первые ученики Симбирской чувашской школы вместе с Яковлевым жили в квартире гвардейского полковника С. Д. Раевского, уехавшего на жительство в Петербург. Но через год, после смерти полковника, Яковлеву пришлось срочно искать другое помещение для школы. На ее содержание не хватало средств. В этих условиях перед самым выездом в Казань Яковлев решил обратиться за помощью к директору Симбирской гимназии. Он надеялся, что авторитет И. В. Вишневого повлияет на Буинское земство и поможет положительному ре-

²⁰ Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр: От истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 5; Асеев Б. Н. Русский драматический театр XVII—XVIII веков. М., 1958. С. 15.

²¹ См.: Волков Г. Н. И. Я. Яковлев о театре // Театр. 1961. № 7. С. 170.

шению вопроса о стипендиях. В 1870 г. Яковлев поступает в Казанский университет. Он и здесь не перестает думать о дальнейшем продолжении и развитии начатого дела — рождается вторая докладная записка.

С юных лет Яковлев относился с уважением к русскому народу. По его словам, «все деятели по просвещению чуваш с глубоким уважением выставляют величие русского народа, как создавшего великое мировое государство, как носящего в себе правду и любовь к маломощным вроде чувашей народам»²². В то же время юноша не огорчается тем, что он чуваш, и не забывает своего происхождения. С затаенной гордостью пишет он в названных документах о родном народе, убеждает чиновников в том, что язык этого народа вполне пригоден для издания книг: «...Говорят, что чувашский язык беден и не имеет слов для выражения отвлеченных понятий, поэтому-де невозможно передать на нем высокие истины христианства. Но как бы ни был беден чувашский язык, невозможно обойти и игнорировать его; впрочем, я еще должен засвидетельствовать, что чувашский язык действительно не особенно богат, но и не настолько беден, чтобы нельзя было на нем передать необходимые для всякого христианина книги священного писания и богослужения»²³.

Автором делается упор на необходимость распространения среди чувашей христианства. И это не случайно. В юности Яковлев колебался между язычеством и христианством, православием и раскольниковством. Свое положительное отношение к языческой вере он выразил в очерке «Чувашский праздник учюк». Религиозные искания им продолжались и в годы учебы на землемера, и в период работы по этой специальности. В первое время и в гимназии его «преследовали те же религиозные сомнения»²⁴. Однако в нем постепенно «росло сознание преимущества русских перед другими»²⁵, чтение евангелия стал воспринимать «как средство воспитания юношества»²⁶, и в силу этих причин

²² Яковлев И. Я. Докладная записка попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову от 22 дек. 1870 г. //Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70 гг. XIX века. С. 330.

²³ Там же.

²⁴ Яковлев И. Я. Воспоминания. С. 56.

²⁵ Яковлев И. Я. Моя жизнь //НА ЧНИИ, отд. вр. хр., ед. хр. 361. С. 58.

²⁶ Там же. С. 51.

отдал предпочтение русскому православию. Позже он вспоминает: «Гимназия привела меня к сознанию, что чуваши должны утвердиться в православии путем школы, что я сам должен стоять вместе с чувашским народом в одном лагере»²⁷. Так молодой Яковлев становится убежденным приверженцем «идеи христианского просвещения инородцев светом евангелия»²⁸.

В XIX в. народы Поволжья, в том числе и чуваши, целыми селениями переходили в магометанство. Яковлев обращает внимание царских чиновников на это обстоятельство: «Достаточно нескольких лет бездействия, чтобы магометанство охватило своим влиянием массу чувашского народа. Теперь чувашаи находятся в таком положении, из которого возможно только два исхода, — они или должны склониться на сторону магометанства или на сторону христианства. Середины нет, скоро настанет и даже настало местами время, когда старые верования чуваш естественно должны рушиться»²⁹.

По мнению Яковлева, для избежания дальнейшей мусульманизации чувашей необходимо энергичное христианское просвещение их. У него есть и конкретная программа действий: «Чтобы успешнее шло дело просвещения чуваш в Симбирской губернии, я считаю нужным открыть две школы: одну в г. Симбирске — это род особого пансиона, где бы чувашские мальчики жили как в семье, воспитывались в христианской религии, и, между тем, ходили бы в уездное училище для необходимого научного образования, чтобы впоследствии стать учителями сельских школ, а другую — на родине моей и Игнатия Иванова, в дер. Кошки-Новотимбаеве для первоначального обучения грамоте, христианским понятиям и русскому языку»³⁰. Так доказывает Яковлев необходимость открытия новых школ в чувашских селениях.

Рассматриваемые документы — не простые доклад-

²⁷ Яковлев И. Я. Моя жизнь // НА ЧНИИ, отд. вр. хр., ед. хр. 361. С. 122.

²⁸ Яковлев И. Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы: По случаю сорокалетия, 1868—1908. Симбирск, 1908. С. 4.

²⁹ Докладная записка попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову от 22 дек. 1870 г. // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70 гг. XIX века. С. 333.

³⁰ Яковлев И. Я. Материалы к истории Симбирской чувашской школы, мужского и женского при ней приходских училищ с трехлетними педагогическими курсами. Симбирск, 1915. С. 20.

ные записки или официальные письма. Их автор не столько докладывает, сколько спорит с незримыми оппонентами, убеждает в правильности своих мыслей. Разумеется, было бы неверно эти труды относить к публицистике. Они родились как докладные записки и составляют разновидность эпистолярной литературы. Однако им присуща публицистичность, которая проявляется в следующем:

1. Они непосредственно связаны с вставшими перед чувашским народом злободневными проблемами, какими являлись просвещение трудовых масс, отказ от язычества и мусульманизации.

2. Нацелены на оперативное решение поднятых вопросов и несут заряд побудительной силы.

3. Отображены в них подлинные картины жизни и быта чувашей.

4. Со временем оба документа не раз публиковались не как исторические архивные источники, а именно как важные труды эпохи, сохранившие свою актуальность, политическую заостренность и вызывающие деятельность людей в нужном направлении.

Стиль изложения этих произведений также носит ярко выраженный публицистический характер, а по форме они близки к статьям проблемным, написанным на основе исследования, анализа и обобщений. Оба произведения созданы с одинаковой целью и по единому плану, но второе больше по объему, в нем более основательно аргументированы мысли. В целом оба произведения емки по содержанию, лаконичны по форме. Своим докладным запискам Яковлев придал публицистическую форму преднамеренно. Официальные просьбы его могли остаться и неудовлетворенными. Иное дело, когда автор критикует позиции официальных лиц, осуждает заскорузлость и рутину в вопросах просвещения нерусских народов, разоблачает тех, кто своим непониманием и бездеятельностью приводит к переходу их в магометанство.

В связи с рассмотрением указанных трудов Яковлева возникает одно замечание. Отдельные исследователи полагают, что до встречи с Ильминским просветительная деятельность нашего педагога носила светский характер и была направлена на распространение грамотности среди чувашского народа, а о религиозно-нравственном просвещении чувашей он заговорил якобы

позднее ³¹. Однако его докладная записка «Первые шаги Симбирской чувашской школы», датированная 25 августа 1870 г., где он проводит мысль о необходимости воспитывать чувашских детей в духе христианской религии, говорит о неточности такого утверждения.

Докладные записки «Первые шаги Симбирской чувашской школы» и «Школа-семья и ее нужды» оставили заметные следы. Они обратили внимание чиновников на необходимость создания школ для «инородцев». Именно с этого времени в прогрессивных педагогических кругах громче зазвучала мысль о том, что настала пора заниматься просвещением чувашского народа со всей серьезностью. Упомянутые письма-статьи достигли своей прямой цели: по ходатайству директора гимназии и училищ Симбирской губернии Буинское уездное земское собрание решило выдавать с 1 января 1871 г. деньги на содержание первых учеников Симбирской чувашской школы — «на каждого мальчика по 80 рублей, а на всех троих 240 рублей ежегодно» ³². Столько же выделило Симбирское уездное земство. Докладную записку Яковлева попечитель учебного округа представил в Министерство просвещения. Министр Д. А. Толстой в надежде на усиление распространения христианства среди чувашей решил ассигновать школе 340 рублей в год. Кроме того, подписка среди представителей Симбирского губернского общества принесла 252 рубля. Так изыскивались средства для чувашской школы.

Свои первые произведения Яковлев писал по-русски, так как многие из них создавались как документы и адресовались официальным лицам или предназначались для русских читателей. Появление произведений Яковлева на родном языке непосредственно связано с его работой в начале 70-х годов над созданием первого чувашского букваря и книг для чтения в чувашских школах. Для них Яковлев специально написал нравоучительные рассказы, сказки и письма-пожелания.

«Буквари и учебные книги, издававшиеся И. Я. Яковлевым на протяжении всей второй половины XIX в., были почти единственным способом публикации произведений чувашских писателей..., поэтому они являлись не только букварями, но и первыми хрестоматиями чувашской литературы», — писал член-корреспондент

³¹ Например, см.: Краснов Н. Г. Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь, деятельность, педагогические идеи. Чебоксары, 1976. С. 149.

³² НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 762. С. 104.

АПН РСФСР М. Я. Сироткин³³. Ведь вплоть до января 1906 г. чувашский народ своего периодического издания не имел. «Букварь для чуваш» с 1872 по 1918 гг. выдержал 33 издания³⁴. Этот вид печатной продукции при царизме долгие годы был единственной формой общения первых чувашских литераторов с читателями. Здесь были опубликованы произведения И. Я. Яковлева, А. В. Рекеева, И. И. Иванова и др.

Одним из первых произведений, написанных Яковлевым на родном языке, является письмо-пожелание «Сырава вёренме тытйанакана» (Начинающему учиться грамоте). Его мы находим в «Книге для обучения грамоте чувашских детей», изданной в Казани в 1872 г. «Когда утром проснешься, быстрее обувай лапти, тщательно мой руки, лицо, глаза и вытирайся чистым полотенцем, причеши волосы...»³⁵. Так начинается это письмо. В нем автор также учит своих маленьких читателей почтительно относиться к своим родителям, советует им с детства привыкать к труду. Небесполезны для детей советы по вопросам как держаться, как здороваться с людьми. Письмо знакомит читателей и с другими элементарными правилами поведения в обществе. Оно заканчивается таким советом: «Взяв в руки книгу, подумай над тем, что она может дать, и старайся читать ее вдумчиво. Книга — твой товарищ. Слушать умного человека и читать хорошую книгу всем приятно. Но умный человек поговорит да уйдет, а книга всегда с тобой рядом». В целом письмо написано простым народным языком, доходчивым для детей. Важность книги в жизни человека автор показывает с помощью образных сравнений. Письмо-пожелание, написанное с большим педагогическим тактом, в дальнейшем публикуется уже во всех изданиях букваря.

Несколько позже в чувашских букварях печатается под названием «Укёт» (Увещевание) еще одно произведение педагога, близкое по своему содержанию и жанровым особенностям к первому. Оно содержит обращение к читателям с призывом стремиться к обще-

³³ Сироткин М. Я. Роль И. Я. Яковлева и Симбирской учительской школы в развитии чувашской литературы // Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР (в дальнейшем: УЗ ЧНИИ), вып. 42. Чебоксары. 1969. С. 88.

³⁴ См.: Музей Ивана Яковлевича Яковлева. Чебоксары, 1972. С. 41.

³⁵ Перевод наш. — И. Т.

человеческим моральным идеалам, к которым автор относит честность, доброжелательность, скромность, уважительное отношение к старшим, трудолюбие.

Сравнительно большая часть произведений Яковлева, помещенных в букваре, рассчитана на оказание помощи детям в осмыслении явлений окружающего мира. В этих целях он часто пользовался короткими выразительными зарисовками. Одни из них («Петух», «Хураська», «Чак-чакак», «Лебедь») знакомят юных читателей с животным миром, другие («Хмель», «Рожь», «Мак», «Вишня») рассказывают о растительном мире. Все они учат бережно и любовно относиться к окружающей природе, вызывают желание пополнить свои знания о ней. Автор также стремится приучить маленьких читателей рассуждать над прочитанным, проверять достоверность изложенного. С этой целью, например, он в конце зарисовки «Петух» обращается к читателю с вопросом: «А каков ваш?»

Еще одна форма общения Яковлева с читателем — это его предисловия к букварю и переводным книгам. В предуведомлении к букварю им даны сведения по чувашской грамматике, а к «Евангелию от Матфея» он присовокупил свои соображения относительно чувашских переводов.

Год написания незаконченной рукописи «О предрассудках и суевериях простого народа» точно не установлен³⁶. Если судить по тому, что обращение к вопросам быта, культуры и обычаев народа характерно для молодого Яковлева, то статью следует отнести к начальному периоду его творчества. Интересна трактовка Яковлевым понятий «предрассудок» и «суеверие». По его мнению, между этими понятиями четкой границы нет, однако, некоторые специфические особенности у них имеются. Предрассудки связаны с «простыми светскими предметами», а суеверия тяготеют ко всему сверхъестественному, религиозному. В народе распространено множество суеверий. Каждое из них имеет свой смысл и не связано с другим.

В рукописи автор ставит задачу выяснить «происхождение причин, обуславливающих существование суеверий для простого народа». Суеверия берут свое начало от тех языческих времен, когда человек имел лишь примитивные представления об окружающей действи-

³⁶ ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 5.

тельности. Множество суеверий вызвано непонятными для непросвещенного человека явлениями природы. Человек, не имеющий научных знаний, «становится в тупик при встрече с самым обыкновенным физическим явлением, каковы: гром, молния, вихрь и т. п.» Далее автор продолжает так: «Причины, порождающие предубеждения, и почва, дающая им возможность существовать, более или менее одинаковы, более или менее всегда были и есть одни и те же, потому что одна из главных причин — это склонность простого народа все непонятное, сколько-нибудь выходящее из ряда обыкновенного, объяснить причиной самого себя...» Таким образом, в понимании Яковлева предметы и явления бывают «обыкновенные» и «непонятные». Под «обыкновенными» он имеет в виду познанные в процессе практической деятельности людей предметы и явления, а те, которые еще не познаны человеком, для него выступают как «непонятные». Предубеждения и суеверия рождались теми явлениями, сущность которых еще не раскрыта. Они давали человеку возможность как-то объяснить непонятное и «успокоить совесть». Душевные или психические явления значительно сложнее. Их сущность способна познать только наука, поэтому в этой области еще больше причин для возникновения предубеждений и суеверий.

Автор убежден в том, что предубеждения и суеверия будут существовать до тех пор, пока просвещение не получит широкого распространения. С расширением знаний человека одни суеверия видоизменяются, а другие исчезают совсем. Сущность предубеждений и суеверий, происхождение и существование их Яковлев объясняет путем вскрытия причинной связи предметов и явлений. Он твердо верит в возможность познания природы.

Ценность рукописи «О предубеждениях и суевериях простого народа» заключается в том, что в ней автор стоит за просвещение народа, за избавление его от темноты и невежества. Она подтверждает материалистическую направленность взглядов ее автора, но вместе с тем здесь мы видим и ограниченность их. Правильно показав предубеждения и суеверия как закономерное следствие темноты и невежества, он не видит их социальных корней.

С юных лет Яковлева отличает высокая требовательность к своему творчеству. Об этом говорит и кропот-

ливая работа его над рукописью «О предрассудках и суевериях простого народа». Ее он начал так: «В области понятий нашего простого народа вращается множество предрассудков и суеверий. Три обстоятельства в отношении к озаглавленной статье меня занимают: происхождение причин, обуславливающих существование суеверий, и значение предрассудков и суеверий простого народа». Но такое начало не удовлетворило автора. Он зачеркнул написанное и набросал второй вариант: «Из множества предрассудков и суеверий, вращающихся в настоящее время в области понятий нашего простого народа, каждое имеет свое собственное смысловое значение, совершенно не связанное с другими и независимое, хотя это значение, смотря по обстоятельствам, времени и местности, нередко изменяется».

Второй вариант тоже оказался зачеркнутым. На бумагу легли новые строки. Когда убористым почерком заполнены почти две страницы, автор начал писать все заново. Окончательный вариант первого абзаца теперь выглядел совсем иначе: «Провести границы между понятиями предрассудок и суеверие довольно трудно, потому что то и другое слово нередко употребляется для выражения одного и того же понятия или предмета, но можно указать на некоторые особенности и различия между этими словами. Слово предрассудок больше употребляется, говоря о предметах простых, светских, а суеверие — преимущественно употребляется, говоря о предметах духовных, касающихся религии и всего сверхъестественного».

Приведенные варианты говорят о том, что автор искал не столько доходчивые слова и приемлемые конструкции предложений, сколько главное направление своей рукописи, заключавшееся в раскрытии причин появления предрассудков и суеверий. Наконец, в последнем варианте причинные связи их найдены, но и это не удовлетворило автора. Он рукопись считал не готовой. Так и осталась она незавершенной и ненапечатанной.

Итак, Яковлев начал участвовать в периодической печати перед поступлением в гимназию. Как было отмечено выше, подготовить первое произведение к печати помог ему русский журналист и педагог М. В. Арнольдов. Если А. И. Баратынский был первым школьным учителем Яковлева, то М. В. Арнольдова надо считать его первым учителем по журналистике. Для литератур-

но-публицистической деятельности Яковлева в рассматриваемый период характерно многообразие. В его творчестве мы видим историко-этнографический очерк, рецензию на вновь вышедшую книгу, эпистолярные произведения о нуждах развивающейся чувашской школы, краткие зарисовки природы и деревенской жизни, юмористические рассказы, высмеивающие бытовые пороки людей. В этот период у автора еще нет четко разработанной программы, но ясно всем: он друг народа, враг темноты и невежества, борется за освобождение людей от бремени суеверий и предрассудков.

2. Создание программы по национальному возрождению чувашей (1875—1893 гг.)

В пореформенные годы явственно обнаружился процесс консолидации чувашей в нацию. Оживляется местное торгово-промышленное предпринимательство, появляются новые крупные рыночные центры, вызывающие необходимость постоянного и разностороннего общения населения. Все это ведет к усилению экономических связей в его среде. В то же время заметное развитие получает школьное образование, создается единая новая письменность, вырабатывается понятный всем литературный язык. Такими путями укреплялась культурная и языковая общность чувашей, имевшая большое значение в деле национальной консолидации.

Новая письменность, созданная с учетом особенностей языка, стала основой для развития чувашской художественной литературы и публицистики. Сельский учитель И. И. Иванов (1845—1883) в 70-х годах создает ряд нравоучительных рассказов и очерк «Как живут чувашаи». Другой педагог М. Ф. Федоров (1848—1904) выступил в 1876 г. со статьей «Предание чуваш Бичуринского прихода Чебоксарского уезда и способы лечения у них болезней», а в 1879 г. написал бессмертную балладу «Леший», отображающую бедственное положение чувашских крестьян. В конце 80-х и начале 90-х годов с этнографическими очерками выступает И. Н. Юркин (1863—1943). Призывом к подъему культуры родного народа явилось его публицистическое произведение «Бюст Пушкина» (На толкучке, 1891). Он же публикует собранный им самим фольклорный материал. В те же годы содержательные произведения,

обладающие яркой публицистичностью, написаны Н. М. Охотниковым (1860—1892). К ним относятся «Записки чувашина о своем воспитании» (1888), «Грамота среди чуваш» (1889—1891) и «Приволжские чуваш» (1893). Продолжал выступать в печати известный этнограф Поволжья В. К. Магницкий (1839—1901). Его статьи пропитаны сочувственным отношением к судьбе чувашских крестьян, идеей защиты их гражданских прав.

В пореформенные годы развивается далее чувашское просветительское движение. Идеологом этого движения явился И. Я. Яковлев. Второй период творческого пути его совпадает с усилением процесса консолидации чувашей в нацию. В рассматриваемый период литературно-публицистическая деятельность педагога исходит из более широких планов, чем в начальном. Это было связано с назначением его на должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, развертыванием им переводческой и издательской деятельности. Необходимая почва для осуществления дальнейших задач народного просвещения уже была подготовлена Яковлевым. Так, в Симбирской школе начата подготовка чувашских учительских кадров. Теперь в своих публичных выступлениях Яковлев ставит задачу открытия новых школ для родного народа, организации чувашского женского образования. В ходе практической деятельности им вырабатываются принципиальные основы просвещения чувашей, которые можно было применять в школах всех нерусских народов Поволжья.

Наряду с решением вопросов просвещения, Яковлев все больше задумывается над тяжелой долей своего народа. «В последние 10 лет я постоянно замечал, что благосостояние крестьян в нашей местности год от году падает и что в настоящее время благовременно было бы принять какие-нибудь меры для улучшения крестьянского хозяйства. Сельские школы и подготовленные, целесообразно направленные учителя, без сомнения, в этой попытке могли бы оказать существенную пользу», — пишет он по этому поводу ³⁷. В своей школе педагог налаживает теоретическое и практическое обучение воспитанников сельскому хозяйству, а ферму при

³⁷ Яковлев И. Отчет о состоянии земледельческой фермы Симбирского общества, переданной в ведение Симбирской чувашской учительской школы, с 15 марта 1893 г. по январь 1894 г. Симбирск, 1895. С. 6.

школе превращает в рассадник нужных крестьянину знаний и навыков. Стремление оказать народу посильную помощь в улучшении его жизни приводит Яковлева к идеалам просветительства. Он становится во главе всего чувашского просветительского движения. Программу национального подъема чувашей Яковлев строит с верой в то, что материальное благосостояние народа достигается с помощью образования. В этот период четче определяется круг тем его выступлений, публикации стали значительнее по содержанию и совершеннее по форме. Если в первый период читатели видели произведения Яковлева только на страницах губернской печати, то теперь они стали достоянием и столичной прессы.

В этот период дальнейшее развитие получили его мысли относительно материнского языка детей. Если раньше им доказывалась необходимость применения его в процессе обучения на всех его стадиях, то теперь практиковалось проведение и специальных уроков родного языка.

Во второй период творческой деятельности Яковлев начинает смотреть на устное народное творчество как на продукт языческой культуры и «в ту пору вполне определенно выступает против укрепления его идей в жизни»³⁸. С точки зрения христианско-религиозного учения подходил Яковлев в отдельных случаях и к оценке книжной продукции. Писатель И. Н. Юркин задумал печатать в Симбирске книжку «Лирические произведения, песни на чувашском языке», представляющую собранный в народе фольклор. Узнав об этом, И. Я. Яковлев 10 января 1889 г. директору народных училищ Симбирской губернии И. В. Ишерскому пишет: «С песнями, составленными Юркиным, я имел случай познакомиться еще в рукописи и нашел, что они лишены всякого интереса и бессодержательны, а потому бесполезны. Ввиду этого ни в коем случае не стоит приобретать книжку Юркина для училищ...»³⁹. В следующем периоде творческого пути публицист полностью осознает ошибочность оценки фольклора с позиций религии.

В сложной обстановке приходилось трудиться Яковлеву. С развертыванием дела народного просвещения

³³ Канюков В. Я. К вопросу о фольклоризме и типологии реализма // НА ЧНИИ, отд. вр. хр. С. 24.

³⁹ НА ЧНИИ, отд. вр. хр. Д. 427. С. 101.

на него посыпались нападки со стороны консервативного чиновничества и духовенства. Подвергались сомнению созданный им чувашский алфавит, качество перевода книг, применение родного языка детей в школе и т. д. В конце этого периода деятельности стали обвинять его в самоуправстве и злоупотреблениях по службе.

Для инспектирования школ Яковлев часто выезжал в чувашские деревни и видел, что его родной народ нуждается в безотлагательной помощи. Конкретная программа оказания ему помощи составляется Яковлевым во второй период литературно-публицистической деятельности. Он был твердо убежден в том, что возможность улучшить духовную и материальную жизнь народа создается главным образом просвещением. Отсюда понятно, почему публицист в основу этого дела положил школьное образование. Первый эскиз своей программы Яковлев дает в докладной записке «Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа», написанной в 1876 г.⁴⁰ Здесь автор поднимает вопрос об учреждении новых чувашских школ в Казанском учебном округе и поддержании уже существующих. Там, где имеются педагогические кадры и помещение, предлагает преобразовать начальные училища в двухклассные. Яковлев считает допустимым совместное обучение чувашей с русскими. Он отмечает, что в Кошкинском училище «кроме чуваш, обучается трое русских, которых может поступить значительное число из соседней русской деревни Салмановки».

В документе интересные мысли развиты о женском образовании. По мнению автора, в этом деле женская половина чувашского населения «должна идти параллельно с мужской половиной». Совместное обучение девочек с мальчиками он находит неприменимым и считает желательным открывать отдельные женские школы, в других зданиях, или устраивать особые смены в мужских школах; учительниц назначать из чувашей или же из русских, хорошо владеющих чувашским языком. Необходимость раздельного обучения мотивируется им так: «Чувашские девочки в высшей степени застенчивы в обществе мальчиков, а тем более в присутствии

⁴⁰ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (в дальнейшем: ЦГИАЛ), ф. 733; оп. 170, ед. хр. 1008.

взрослого мужчины-учителя; они теряются и, так сказать, уходят в себя, как улитка в раковину».

Добиваясь открытия новых школ, Яковлев снова и снова возвращается к вопросу о переходе крещеных чувашей в магометанство. Свой совет царским чиновникам он дает с позиций народного просветителя: «В этом случае всего лучше можно воздействовать как на отпадших, так и на не утвердившихся в православии инородцев, посредством целесообразно устроенных и поставленных школ...»⁴¹. Подобные выступления Яковлева в печати в ряде случаев приносили конкретную пользу. Так, положительно решается вопрос об открытии школы в деревне Средние Алгаши, о которой шла речь в корреспонденции. Симбирский епархиальный комитет миссионерского общества в 1877 г. выделил для обзаведения и содержания этой школы 180 рублей. В следующем году для школы ассигнуется комитетом 120 рублей, Симбирской уездной земской управой — 60 рублей. Полученные деньги употреблялись на наем квартиры под школу, приобретение учебных принадлежностей и оплату труда учителя. Яковлев добился также выделения средств на строительство школьного здания. Через год им был освидетельствован и принят новый сосновый дом для Алгашинской школы⁴².

Яковлев выдвинул идею совместного обучения детей разных народов и претворял ее в жизнь. В корреспонденции «Сведения, доставленные инспектором чувашских школ» он с большим удовлетворением описывает совместную учебу детей разных народов в Симбирской чувашской школе. Совместное обучение детей нерусских с русскими им проводилось с целью способствовать быстрому овладению русским языком и взаимному сближению их. Людей разных национальностей Яковлев считает равноценными. Эту мысль он определенно высказал в коротеньком шутиливом рассказе «На рыбной ловле» («Пула сёрни»), опубликованном в букваре в 1880 г. Автор описывает взятую из жизни картину: рыбаки (русский, чуваш и мордвин) занимаются своим будничным делом. Произведение создано на основе бытующего среди чувашей анекдота. Шутливость его достигается обыгрыванием однозвучных слов из лексики трех языков. Яковлев, литературно обработав этот анекдот, прибавил от себя такое изречение: «Чуваши,

⁴¹ Симбирская земская газета. 1878. 6 авг.

⁴² См.: ГАУО, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3 и 4.

русские и мордва — все люди». (Подчеркнуто нами. — И., Т.) В нем глубокий смысл. Оно придает повествованию целеустремленность. У героев произведения разница только в том, что говорят они по-разному, поэтому не понимают друг друга. Но их души, желания одинаковы: все они хотят улова, всех их огорчают бесплодные усилия. Все три рыбака — люди из трудового народа. А это роднит их еще больше. Так рассказ «На рыбной ловле» становится произведением, проповедующим братство людей труда без различия национальности и языка ⁴³.

Стремясь поднять культуру своего народа, Яковлев задумывается над многими вопросами того времени, но при всем этом для него главными являлись проблемы народного просвещения. В условиях национального гнета уровень грамотности чувашского населения оставался крайне низким. Особенно мало было грамотных среди женщин. Немало сил пришлось потратить Яковлеву на организацию чувашского женского образования. В собственном доме, на личные средства открывает он в 1878 г. женское отделение школы. Это отделение, переименованное в женское училище, в 1890 г., с преобразованием Центральной школы в Учительскую, перестало получать государственные средства. Только через два года несколько улучшилось его положение. С 1892 г. ему выдается денежное пособие миссионерского общества. Но училище все еще оставалось не включенным в сеть государственных учебных заведений и не имело под собой твердой материальной опоры. В этой обстановке Яковлев печатает статью «Очерк возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища» ⁴⁴. Здесь автором подняты три вопроса: необходимость чувашского женского образования, история его организации и содержание обучения. Все эти вопросы тщательно изучены. Для того времени они являлись новыми, возникшими в связи с дальнейшим развитием общественной жизни.

Яковлев убедительно обосновал необходимость чувашского женского образования. В жизни у чувашей «женщина имеет такое же значение, как и мужчина, и даже, пожалуй, большее», — пишет он. Чувашка работает на полях наравне с мужчиной; ей принадлежит

⁴³ См.: Волков Г. Н. Формирование демократической педагогики чуваш /Рукопись //НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 461.

⁴⁴ Церковные ведомости. 1893. 12 июня.

главная роль в домоводстве; воспитание детей в основном ложится на ее плечи; женщине-чувашке «видная роль отводится и в языческих верованиях, относящихся к сохранению счастья дома». Однако ей почти не удастся выходить «за пределы своей семьи и своей деревни». В силу такого положения она поддерживает устойчивость семьи. По мнению автора, «эта женская стойкость» с распространением среди чувашей христианского просвещения может привести к отрицательным последствиям. Если муж занимает христианские воззрения, «а жена неотступно будет держаться своих старых понятий и обрядов», недалеко и до семейного разлада. Значит, «успешность всего дела просвещения может зависеть в значительной степени и от того, в каком состоянии будет находиться женщина среди чуваш».

Автор привел в статье яркие примеры, свидетельствующие о стремлении девушек к учебе. Однако чувашское женское образование было новым, необычным делом, и при организации его приходилось преодолевать немало трудностей. Во-первых, косно относились к учебе своих дочерей родители; во-вторых, мешало отсутствие материальной базы для открытия новых и расширения имеющихся школ; в-третьих, не было еще определено содержание обучения чувашских женщин; в-четвертых, с явным недоверием следила за возникновением необычного дела местная власть. Обо всем этом публицист изложил правдиво, без прикрас и преувеличений.

Несколько позже, 19 ноября 1895 г., в докладной записке попечителю Казанского учебного округа Яковлев подчеркивал, что система женского образования должна служить тем же целям, что и система просвещения мужчин⁴⁵. Мужское и женское образование он рассматривал в единстве и считал, что в этом деле женщина должна иметь равные права с мужчиной. Требование такого равенства для педагогической литературы того времени было довольно редким, еще реже оно высказывалось официальными лицами. Яковлев добивался обучения чувашских женщин основам наук наравне с мужчинами, возражал против перенасыщения программ женских училищ религиозными дисциплинами, не позволяющими давать девочкам «сколько-нибудь обширного знания светских предметов». Педагог

⁴⁵ См.: НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 1461.

советовал учитывать специфику женского труда в семье, придавал большое значение приучению воспитанниц домоводству, «включая в последнее домашнее хозяйство и внешний уход за детьми». Таким образом, взгляды его на женское образование носили прогрессивный характер.

Статья «Очерк возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища» была первым выступлением Яковлева в столичной печати. Тогда же в столице печатается еще одна статья его — «Чувашская учительская школа в Симбирске и женское училище при ней»⁴⁶. И здесь та же проблема, что и в первой.

Итак, в названных произведениях Яковлева выдвинута конкретная цель — организация чувашского женского образования. Автором описаны условия возникновения, сущность и жизненность проблемы, указаны возможности и средства ее решения. Эти статьи нацеливали читателя на борьбу со старыми, консервативными взглядами на место и роль женщины в жизни. В этом отношении они в какой-то степени и полемичны. Однако в них нет того дискуссионного накала, который присущ ряду произведений публициста, написанных в последующие годы.

Выступления Яковлева в печати по вопросам женского образования обратили внимание прогрессивной общественности. Женское двухклассное училище при Симбирской чувашской школе включается в сеть государственных учебных заведений и принимается в ведение министерства просвещения. С помощью своей супруги Екатерины Алексеевны чувашский просветитель добился четкой организации учебно-воспитательной работы в этом училище. Здесь был подготовлен славный отряд учительниц для чувашских школ.

И. Я. Яковлев заботился о просвещении не только чувашей, но и других нерусских народов. Это подтверждается многими фактами. Так, в одной брошюре читаем: «Инспектор чувашских школ предложил уч[ителю] Лопатину, применяясь к существующим инородческим и русским букварям, составить черемисский букварь и представить его к директору учительской семинарии Н. И. Ильминскому; очень легко может статься, что он и будет напечатан. Уч[итель] изъявил готовность составить букварь применительно к местному говору че-

⁴⁶ Православный благовестник. 1893. № 11. С. 23—40.

ремис»⁴⁷. Об этом же говорит докладная записка Яковлева в Симбирский уездный училищный совет от 4 августа 1888 г.⁴⁸ В этом документе, известном под названием «Выводы и пожелания по итогам годичных испытаний», подвергнуты тщательному анализу успехи не только чувашских училищ Симбирского уезда, но и Ундоровского и Беденгинского училищ, где «учатся исключительно русские», а также Кильдюшевского, Киртелинского и Бессоновского училищ, воспитанники которых — мордовские дети. «В видах улучшения успехов учащихся» педагогом разработаны для тех и других конкретные меры. Вопросы просвещения нерусских народов освещаются в дальнейшем Яковлевым в трудах «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» (1900), «О распространении христианства между инородцами Казанского края» (1906), «Письмо чиновнику особых поручений при министре внутренних дел [Е. Д.] Плетневу» (1917). На особом совещании по вопросам образования восточных «инородцев», состоявшемся в мае 1905 г. в Петербурге, он выступил с предложениями об улучшении просвещения не только чувашей, но и всех нерусских народов и внес проект расширения педагогического образования среди казахов⁴⁹.

Яковлев понимал, что задачи по развитию культуры чувашского народа невозможно успешно выполнить одним развертыванием школьного дела. Другое важное средство для распространения знаний среди населения он видел в печатной книге на родном языке. Став инспектором чувашских школ, педагог организовал работу по переводу книг с русского языка на чувашский. К этой работе привлекались опытные учителя и способные воспитанники школы. Создавались и оригинальные чувашские книги. Печатание их осуществлялось сначала в Казани, а с 1885 г. — и в Симбирске.

Публицист ясно представлял себе, что для национального подъема народа очень важно улучшение материального положения его.

В труде «Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа» (1876) Яковлев указывает на бедность жизни

⁴⁷ Постановление съезда законоучителей, учителей и учительниц училищ Чебоксарского уезда, бывшего в июле 1883 года. Казань, 1884. С. 26.

⁴⁸ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 148—152.

⁴⁹ См.: Проект организации Казахской учительской семинарии в Ханской ставке МЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 466. Л. 53.

ОТЧЕТЪ

О

ВРЕМЕННЫХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ,

устроенныхъ при Симбирской чувашской
учительской школѣ въ 1891 году

ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

ЧУВАШСКИХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

СИМБИРСКЪ.

Типографія И. С. Хайкова.

1 8 9 9.

Обложка брошюры

«Отчет о временных педагогических курсах...»,
изданной в 1899 г.

чувашей и стремление последних к улучшению ее. «Если обратить внимание на экономическую сторону жизни чуваш, то также можно заметить, что они начинают сознавать неудовлетворительность своей культуры и ничтожность материального благосостояния. Чуваш

хорошо чувствуют потребность улучшения: они стремятся к новым приемам обработки земли и вообще сельского хозяйства. Но отсутствие знания и умения, отсутствие людей и примеров задерживает ход развития и не дает возможности отрешиться от рутины»⁵⁰. Поэтому педагог принимается за внедрение лучших методов ведения хозяйства, распространение разных промыслов и ремесел.

Основные контуры программы по национальному возрождению чувашей Яковлев наметил во второй период творческой деятельности, впоследствии она дополнялась, уточнялась, детализировалась. Осуществляя эту программу, он ставил задачу покончить с дикостью нравов, отгородиться от язычества и магометанства, сойтись ближе с русским народом, преодолеть отсталость своего родного народа. «Я знал хорошо, по опыту дикость его нравов, отсталость его во всем по сравнению с русским народом, пребывание части его в язычестве, другой, тяготевшей к фанатическому магометанству, а третьей, насильственно, два века тому назад, обращенной в христианство и потому косневшей в полужазыческом, полуправославном состоянии», — с болью в сердце отмечал публицист⁵¹.

Вместе с тем он видел наличие у родного народа нежных ростков своей культуры. Однажды летом около деревни Кишаки Буинского уезда он «с 11 часов ночи до 3 часов утра» следил за чувашским хороводом. «Пение было прекрасное, танцы изящные», — записал он об этом⁵². Чувашские песни он находил нравственно-целомудренными и трогательными, а в основе их видел поэтическую картину⁵³. Публицист в чувашских деревнях с увлечением слушал чудесные сказки и легенды. Друзьям своим он говорил: у чувашей сто тысяч слов, сто тысяч песен и сто тысяч вышивок. Наблюдения и поиски привели его к мысли о том, что надо идти по линии дальнейшего развития самостоятельной чувашской культуры, обогащая ее достижениями культуры русского и других народов.

Итак, в программу по национальному возрождению чувашей Яковлев включал следующие составные части: 1. Создание новой самобытной письменности и литера-

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, ед. хр. 1008.

⁵¹ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525. С. 369.

⁵² Там же, отд. вр. хр., ед. хр. 361. С. 24.

⁵³ Там же. С. 25.

турного языка как основы для развития всей духовной культуры. 2. Открытие все новых и новых народно-трудовых школ, так как им отводилось ведущее место в подъеме культуры. 3. Превращение Симбирской чувашской учительской школы в центр, «из которого, как лучи от солнца, расходились бы по всем сельским местностям, где живут чуваш, благодеяния русской христианской культуры»⁵⁴. 4. Усовершенствование людских нравов учением Христа. 5. Развитие самостоятельной чувашской культуры и постепенное приближение ее к уровню современной просвещенной цивилизации. 6. Создание народных читален, куда «беспрепятственно и с пользою могут быть допущены» чувашские оригинальные и переводные книги⁵⁵. 7. Установление дружбы между чувашским и русским народами, приобщение чувашей к русской культуре, для чего необходимо, в первую очередь, «ознакомление русского народа с жизнью и бытом чуваш, равно как и ознакомление чувашского народа с историческим прошлым, настоящим общей матери — России»⁵⁶. 8. Обеспечение народного благоденствия путем просвещения, распространения знаний и разума в народе. По мысли Яковлева, просвещение должно было принести народу возможности для повышения плодородия земли и успешного ведения животноводства, развития новых отраслей сельского хозяйства и нужных ремесел. Обеспечение материального благосостояния трудовых масс входило в программу национального возрождения чувашей как важнейшая ее часть.

«Вот что только могу сказать..., не кривя душой: люблю я чуваш, от души желаю им всякого блага. У меня в жизни не было другой цели, как благо чуваш...» — писал И. Я. Яковлев Н. И. Ильминскому в 1883 г.⁵⁷ Открытие новых школ, развертывание переводческой и издательской деятельности, показ передовых методов в сельском хозяйстве, приучение к разным ремеслам — все это делалось им для блага народа. В целях привлечения всех прогрессивных сил общества к делу национального подъема чувашей педагог прибегал к помощи печатного слова. Оно же верно служило ему в преодолении косности и бюрократизма чиновников губернских, уездных и волостных учреждений.

⁵⁴ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525. С. 370.

⁵⁵ ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 202. С. 80.

⁵⁶ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525. С. 370.

⁵⁷ Яковлев И. Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 92.

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Я. ЯКОВЛЕВА В ПЕРИОД НАРАСТАНИЯ КЛАССОВЫХ БИТВ И ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1. Творчество публициста в условиях усиления гонений на чувашские школы и печать (1894—1917 гг.)

В конце XIX в. развитие капиталистических отношений в Чувашском крае усиливается. Постройка в 1894 г. Казанской железной дороги, проходящей по центру этого края, увеличила возможность рыночных связей. К началу XX в. на его территории насчитывалось около трех десятков фабрично-заводских предприятий. С развитием капитализма произошли заметные перемены в экономике края, менялась классовая структура общества. Появился местный, хотя и малочисленный, отряд пролетариата. Расширялась борьба чувашских крестьян, которая проявлялась в самовольных порубках леса, стычках со стражей, поджогах помещичьих имений, отказе от уплаты податей, внесения арендных платежей земледельцам, платы церковникам руги и т. д.¹

Развитие капиталистических отношений создало почву для оживления освободительного движения. С начала XX в. национально-освободительное движение чувашей стало развиваться в тесной связи с общероссийской революционной борьбой. В нем резко обозначилась социальная направленность, демократическое просветительство переросло в революционный демократизм. Усиливается движение за национальное равноправие чувашей, за развитие самобытной культуры их. В последней трети XIX в. в Чувашском крае создается довольно широкая сеть сельских школ, тесно связанных с Симбирской учительской школой. Организуется издание переводной и оригинальной литературы на чувашском языке; сыгравшей немаловажную роль в духовном развитии народа. Если с 1758 по 1871 г., то есть за

¹ См.: История Чувашской АССР: В 2-х т. Т. 1 (второе, перераб. изд.). Чебоксары. 1983. С. 195—197.

113 лет, было издано на чувашском языке только 35 книг, то с 1872 по 1917 год, за 46 лет, выпускается 678 книг, в том числе 448 книг религиозного содержания, а 230 — светского характера². За всем этим реакционные чиновники следили с ревностным подозрением.

В царской России нерусские народы притеснялись и в области культуры. Вот несколько примеров. Писатель И. Н. Юркин в 1899 г. обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении издавать газету «Пулхар» на чувашском языке, на что получил категорический отказ. В 1903 г. на собрании Ядринского земства было вынесено постановление отпечатать для местного населения на чувашском и марийском языках брошюры по вопросам агрономии, животноводства и санитарии, а председатель Казанской губернской земской управы Н. Мельников без всяких церемоний заявил: «Книжки на чувашском языке развивают только сепаратизм и самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное... Чувашской культуры не бывало и не будет»³.

Еще в середине XIX в. шовинист великорусского толка В. И. Лебедев писал: «...Утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и в церковь: — и вы тем самым утвердите и разовьете соответственную народность, и доселе безразличную в отношении к языку массу чуваш и др. с явным даже влечением к усвоению русского языка, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет сознательно настаивать на своем обособлении...»⁴

На рубеже двух веков объявились новые лебедевы. Ими на этот раз оказались реакционные чиновники, сторонники так называемого «натурального метода», категорически возражавшие против допущения родного языка в школу. Они яростно нападали на чувашские школы и печать.

Третий период творчества И. Я. Яковлева охватывает годы усиления гонений на чувашские школы и печать (1894—1917 гг.) и выделяется целым рядом замечательных произведений, связанных между собой един-

² См.: Печать Чувашской АССР за 50 лет. Чебоксары, 1971. С. 3—4.

³ Казанская газета. 1903. 13 апр.

⁴ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. Спб., 1869. С. 16—17.

ством целей — твердой защитой принципов просвещения нерусских народов от наскоков реакционеров и мракобесов, смелым отстаиванием интересов народа с позиций демократического просветительства, стремлением возбудить в читателях желание активно помогать в подъеме чувашской культуры.

В рассматриваемый период клевета по адресу Яковлева усилилась еще больше. Она перешла от отдельных нападок к организованной яростной травле. Обвинения сменили свою окраску: им придавался политический характер. Реакционеры пытались доказать, что Яковлев — лицо «политически неблагонадежное». Его стали причислять к сторонникам идей сепаратизма и национализма. Они выступали против самого Н. И. Ильминского; доказывали, что пробуждение национального чувства чувашей, развитие их языка и литературы могут привести к противопоставлению русскому народу. Ввиду изложенного вопрос о родном языке не перестает быть предметом внимания публициста. Если в начальный период он был сторонником обучения на родном языке, во втором — практиковал проведение отдельных уроков по изучению материнского языка, то теперь настаивал на включении родного языка в учебный план в качестве важнейшего предмета. Яковлев был твердо убежден в том, что необходимо «обеспечить в инородческих начальных школах преподавание на родном языке и продолжать занятия последним как предметом изучения на более высших ступенях школы...»⁵

В этот период публицист резко меняет свой взгляд на народную словесность. «Что становление чувашского просветительства шло путями не простыми, наиболее ярко, может быть, иллюстрируется эволюцией взглядов Ивана Яковлевича Яковлева на народное творчество», — заметил весьма верно В. Я. Канюков⁶. Если в первый период своей литературно-публицистической деятельности Яковлев с восхищением собирал драгоценные крупицы устного народного творчества для использования с педагогической направленностью, а во втором периоде, как и преподаватель Казанской духовной академии Е. А. Малов, считая своей целью разрушение языческих

⁵ Яковлев И. Письмо чиновнику особых поручений при министре внутренних дел [Е. Д.] Плетневу от 13 окт. 1917 г. //ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 9, ед. хр. 51, л. 9.

⁶ Канюков В. Я. К вопросу о фольклоризме и типологии реализма... //НА ЧНИИ, отд. вр. хр., л. 9.

суеверий и проведение христианской морали, браковал поэзию Юркина⁷, то в третьем периоде воспринимает фольклор как неотъемлемую часть духовной культуры народа. Об этом говорит, в частности, коренное изменение его мнения относительно деятельности Юркина по сбору и изданию фольклорных произведений. 14 декабря 1907 г. в газете «Симбирянин» появилось «Письмо в редакцию», подписанное инспектором народных училищ О. Г. Романовым. В его оценке книжки Юркина «являются дополнением к освободительным листкам и рассчитаны на развращение нравственности смиренных и трудолюбивых чуваш». Яковлев в корне не согласен с Романовым. «Вообще ничего предусмотрительного в брошюрах Юркина я не нахожу и уж совершенно не усматриваю никакой связи с теми «освободительными листками», на которые указывает Романов», — дал свое заключение Яковлев⁸, при этом отметил научное значение указанных книг писателя. В 1908 и 1912 гг. педагог-публицист издает две книги под названием «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним».

Яковлев способным чувашам рекомендовал поступить в университет, другие высшие учебные заведения, всячески в этом им содействовал. Появляется у него мысль отправлять лучших выпускников Симбирской чувашской учительской школы в «английские университеты — Кембриджский и Оксфордский», но обстоятельства помешали осуществить задуманное. Возникает у него мечта и о чувашском университете. «Так, несколько лет тому назад мне пришла в голову мысль положить на длинный период времени тысячу рублей с тем, чтобы на этот капитал нарастали проценты, а когда скопится крупная сумма, можно было бы создать чувашский университет», — записал он позднее в своих воспоминаниях⁹. Очевидно, при царизме о подобном университете нечего было и думать.

Сын публициста А. И. Яковлев полагал, что 1905—1917 гг. «можно назвать кульминационными в смысле спокойного развития школы и деятельности» своего отца при старом строе¹⁰. Однако даже эти годы отнести к спокойным весьма трудно. И. Я. Яковлев и его

⁷ См.: НА ЧНИИ, отд. 1, т. 49. С. 14.

⁸ ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 577. Л. 9—11.

⁹ Яковлев И. Я. Воспоминания. Чебоксары, 1983. С. 235.

¹⁰ Яковлев А. И. Иван Яковлевич Яковлев. С. 108.

школа, подготовленные здесь учителя способствовали распространению грамотности и знаний среди трудового народа, росту политического сознания его. В 1905—1907 гг. революционные выступления происходили и в Чувашском крае. Появлялись отпечатанные в типографиях политические листовки на чувашском языке. Усилились демократические настроения и среди учащихся Симбирской школы. В такой обстановке реакционеры стали требовать закрытия ее, изгнания чувашского языка из школ. Все более напряженными становились отношения между И. Я. Яковлевым и бюрократическим руководством учебного округа. Целых пять лет почти непрерывно пришлось ему вести судебные процессы с клеветниками печати из числа эсеров и кадетов. Окружной инспектор В. С. Богоявленский, производивший в сентябре 1913 г. явно пристрастную ревизию Симбирской школы, причислял Яковлева к ярым националистам.

Несмотря на все невзгоды, Яковлев упорно продолжает свою многогранную деятельность. Много внимания он уделяет переводческо-издательской работе. В частности, им переводится книга «Первая всеобщая перепись населения Российской империи» («Пирён Вырăс Патшалăхёнче пурăнакан ғынсене пурне те ғырса тухасси ғынчен») и издается в 1896 г. в Симбирске. За перевод этой книги и работу в качестве члена губернской комиссии по переписи населения ему по высочайшему повелению пожалована бронзовая медаль.

В полемике с идейными противниками публицистом созданы ценные произведения, написаны общественно значимые письма. В них автор доказывает нецелесообразность насильственной русификаторской политики царизма, стоит за просвещение нерусских народов, разоблачает защитников старых взглядов в этом вопросе и притязания духовенства на усиление своего влияния на школы. Преобладающее место в его творчестве занимала полемическая статья. Именно она лучше отвечала задачам борьбы автора с идейными противниками.

Серьезные обвинения были предъявлены И. Я. Яковлеву в официальной губернской печати С. П. Яковичем в «Заметке земского начальника о земских инородческих школах»¹¹. С первых же строк своего выступления он проявил явно враждебное отношение к чуваш-

¹¹ Симбирские губернские ведомости. 1894. 28 сент.

ским школам, учителям, вышедшим из этого народа. По его мнению, эти школы «при значительно больших затратах как со стороны населения, так и со стороны земства» в деле распространения русской грамоты и русского языка дают незначительные результаты. Земскому начальнику очень не нравится применение родного языка при обучении детей. Он силится доказать, что чувашский язык вообще никому не нужен и подлежит изгнанию из школы.

Статья буинского земского начальника содержит также прямые нападки на Симбирскую чувашскую школу, на инспектора Яковлева. В деревнях учителями в то время работали почти исключительно воспитанники Симбирской школы. Яковицкому кажется, что в этой школе плохо поставлено обучение русскому языку, в результате чего учителя предпочитают объясняться с учениками на родном языке. Он рекомендует готовить учителей из русских, а не из чувашей. Земский начальник настойчиво уверяет читателей в том, что чувашский народ якобы мечтает о самостоятельном ходе цивилизации. Яковлева он считает противником «распространения среди чуваш русского языка, сближения их с русскими, т. е. обрусения», сторонником «сохранения чувашской национальности в чистоте и целостности и самостоятельного хода чувашской цивилизации». Земский начальник даже в защите Яковлевым права пользоваться родным языком усматривает сепаратистские устремления.

В своих атаках Яковицкий был не одинок. Так, казанский архиепископ Палладий обвинял Яковлева в том, что «он хочет чувашить, а чуваш надо русить»¹². Это означало, что чувашаи должны исчезнуть как народ, а для этого следовало прежде всего изгнать из школы его язык и возвратиться к бессмысленной зубрежке религиозных книг на русском и старославянском языках. Враждебные наскоки на просветителя делались и другими лицами. И вот в такой обстановке он выступил в газете со статьей «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах»¹³. Разумеется, Яковлева больше всего тревожило не распространение напраслины по своему адресу, а ущемление интересов чувашских школ. «Для меня лично не было бы особенных побуждений останавливаться на

¹² См.: Яковлев А. И. Иван Яковлевич Яковлев. С. 79.

¹³ Симбирские губернские ведомости. 1894. 30 н-бря, 3 и 7 дек.

заметке, если бы автор ее не касался общей системы образования чуваш...» — отмечает он в начале своего выступления.

Отвечая на выпад земского начальника, Яковлев уточняет: цель просвещения народностей окраин «одна — насколько возможно более слить их с коренным русским населением воедино». По его мнению, просвещение чувашей не отделяет их от русского народа, а сближает с ним. Яковлев по-своему понимает «обрусение», к решению вопроса проявляет творческий подход. Официальная царская политика предусматривала насильственную русификацию народностей окраин и замену самобытной культуры их русской. Иначе ставит этот вопрос Яковлев. Он полагает, что одно знание русского языка и русской грамоты еще не спасает от враждебности, если в убеждениях лежит непроходимая пропасть; считает, что не насильственная русификация, а национальный подъем будет способствовать сближению народов и с постоянной верностью служит этому делу.

Идея слияния или сближения народов, проповедуемая Яковлевым, по своему духу не соответствовала так называемой «теории официальной народности», противопоставлявшей русский народ нерусским народностям. «Сближение трудовых масс страны было не в интересах царского самодержавия, ибо в условиях эксплуатации и гнета оно рано или поздно должно было привести народы к их совместной борьбе против внутренних сил угнетения, и царское правительство делало все для того, чтобы воспрепятствовать укреплению взаимопонимания и дружественных взаимоотношений между народами, трудящимися разных национальностей»¹⁴. Препятствием на пути сближения трудовых масс разных народов являлись религиозные различия их. Средство устранения этого препятствия Яковлев видел в христианизации чувашей. «Просвещение чуваш прежде всего должно быть религиозно-нравственное, в духе православной церкви», — фиксирует он эту мысль в ответе земскому начальнику. Хотя христианство, как и другие виды религии, одурманивало сознание народных масс и утверждало социальный гнет, но преодоление религиозных различий в той обстановке в какой-то степени действительно способствовало сближению народов.

¹⁴ Канюков В. Я. Развитие дореволюционной культуры чувашского народа и ее взаимосвязи с русской культурой // УЗ ЧНИИ, вып. 15. Чебоксары, 1957. С. 17.

Яковлев полемизирует с противником, опираясь на личный опыт по просвещению народа. Рассуждения о степени усвоения русской грамоты чувашскими детьми, о значении обучения школьников на их родном языке, об истории и существующей системе просвещения нерусских народов построены им на конкретных фактах. В то же время земский начальник, указывает Яковлев, «нисколько не знаком с историей просвещения инородцев вообще и в частности чуваш, если в своей заметке делает обобщения о системе инородческого образования как о системе моды, притом местного происхождения, случайного увлечения...»

Яковицкий не утруждает себя аргументацией излагаемых мыслей, изъясняется двусмысленными намеками. По словам Яковлева, автор заметки, претендуя на то, чтобы его взгляды сделались взглядами деятелей земства, забывает, что путем его доказательств едва ли можно убедить кого бы то ни было, так как, чтобы убедить других, следовало выставить такие данные, которые являлись бы общераспространенными, хотя в его участке. «Ведь нисколько не убедительно говорить, например, о дороговизне стоимости чувашских школ и не указывать при этом, сколько они стоят; о коверкании учителями русского языка, о плохих результатах после четырехлетнего обучения мальчиков в сельских училищах и не определять точно степени как плохого состояния школ, так и размера распространенности этих недостатков». Спрашивается: если человек пишет по вопросам, в которых он не компетентен, излагает бездоказательные мысли, порой оказывающиеся несуразными, можно ли его выступление в газете принимать всерьез? Конечно, нет. Автор приводит читателя именно к такому выводу и создает у него недоверчивое отношение к суждениям противника.

Яковлеву помогает в полемике умелое изложение истории вопроса. Обратимся к конкретному примеру. Земский начальник, констатирует Яковлев в своем ответе, усомнился в пользе инородческих школ. Но ведь «система просвещения инородцев,— напоминает он тут же Яковицкому,— вырабатывалась по инициативе, при ближайшем участии и руководстве покойного графа Д. А. Толстого, начиная с 1866 по 1870 г. совместными трудами училищных советов, прессы, Министерства народного просвещения, ученых учреждений и частных лиц... И вот результатом всех совместных работ явилась

система, кратко изложенная в высочайше утвержденных 26 марта 1870 года правилах об образовании инородцев, система, давшая право существования языку инородцев, как существу христианского просвещения и сближения их с русской народностью...» Эта система, продолжает автор, заслужила одобрение обер-прокурора синода К. П. Победоносцева. Получается: Яковицкий восстал не только против чувашских просветителей, но и против царского министра, против системы, одобренной правительством.

Надо полагать, отповедь публициста несколько отрезвила Яковицкого, о чем свидетельствует его вторая статья¹⁵, написанная уже в совершенно ином тоне. Она пестрит такими фразами: «хотел только возбудить вопрос», «в моей заметке выражалось только желание», «я далек от мысли», «очень сожалею, что моя заметка вызвала полемику, носящую обидный для личностей характер» и т. д.

Итак, статья Яковлева сильна приданием ей особой достоверности примерами из личного опыта по просвещению народа, умелым изложением истории вопроса, показом некомпетентности идейного противника в школьных делах. Язык произведения простой и понятный любому читателю, динамичный и образный. Автор подбирает яркие выражения, эпитеты, сравнения, противопоставления. Это мы видим хотя бы из следующего отрывка: «Как бы ни велики успехи в знании русской грамоты в чувашских школах, но они всегда будут ниже успехов учеников в хорошей русской школе. Следовательно, мерка в знании грамоты должна быть иная: нельзя мерить верстами и саженьями там, где приложима мера аршинами и четвертями».

Особенную выразительность придает полемической статье введение в ее текст вопросо-ответной формы изложения и риторических вопросов. Отвечая на туманное высказывание Яковицкого «о покровительстве и уходе со стороны кого-то за учителями-чуваши», Яковлев писал: «Покровительство может быть трех родов — корыстное, родственное и покровительство ради пользы дела. Интересно бы знать, какой же род покровительства и со стороны кого учителям-чуваши понимает автор? Взять с учителя-чуваши нечего, быть

¹⁵ По поводу возражения г. И. Яковлева на заметку земского начальника о земских инородческих школах //Симбирские губернские ведомости. 1895. 25 и 28 янв.

родственником всем учителям-чувавам никому невозможно, значит, остается только третий род покровительства. Но что же в нем такого, за что заслуживало бы упреки покровительство, которое скорее должно назвать нравственной поддержкой?» Подобное построение текста чрезвычайно оживляет изложение.

Яковлев пытался ответить и на вторую статью Яковичского, но редакция «Симбирских губернских ведомостей» не пожелала опубликовать еще одну статью, показывающую отсталость взглядов царского чиновника. По этой же причине не обнародовала она также письма директора Казанской учительской семинарии Н. Бобровникова, священников из Цивильского и Буинского уездов П. Васильева, А. Афанасьева, М. Козьмина, учителя Трехбалтаевского училища И. Яковлева, в которых выступление земского начальника в печатном органе подвергалось суровому осуждению¹⁶.

Чтобы последнее слово не осталось за клеветником, публицист прибегнул к помощи казанского журнала «Городской и сельский учитель», на страницах которого опубликовал статью «О школьном образовании чуваш»¹⁷. Ее содержание показывает, что Яковлев тонко понимал разницу между газетными и журнальными статьями. Последняя статья его составлена на основе варианта, напечатанного в газете, но после переработки она зазвучала совсем по-новому. Автор в ней использовал материалы обобщающего характера, углубил тему, отбросил ссылки на противника. Страстно-полемический тон смнен на сдержанный, спокойный. В результате внесения таких изменений статья стала солидней, а ее положения — неоспоримыми.

Публицист пользовался каждой возможностью для отстаивания передовых педагогических взглядов и дачи отпора противникам их. В связи с пятидесятилетием своего первого учителя Яковлевым в 1895 г. издается биографический очерк «Протоиерей А. И. Баратынский», в котором автор основное внимание уделяет не церковно-богослужебной, а просветительной деятельности юбиляра. Анализируются и его ошибки. Известно, что Баратынский добивался обрусения «инородцев», резко возражал против допущения их языка в школу, не признавал систему «христианского просвещения ино-

¹⁶ См.: ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 15, ед. хр. 46.

¹⁷ Городской и сельский учитель (Казань). 1897. Вып. 5. С. 32—43.

родцев» Н. И. Ильминского. Яковлев показывает, что большое впечатление произвело на священника письмо Ильминского, полученное им в 1870 г. В нем излагалась сущность внедряемой новой системы. Указанное письмо вызвало крутой поворот во взглядах Баратынского. Он стал убежденным сторонником Ильминского по вопросу о месте родного языка детей в школе. Одним словом, биографию юбиляра Яковлев излагал с расчетом доказать необходимость устройства школ с обучением на родном языке учащихся именно в то время, когда нападки на национальную школу усилились.

В этот период публицист снова возвращается к вопросу о женском образовании. В 1897 г. он публикует объемистую статью «Соображения о распространении женского образования между чувашами»¹⁸. Интересен повод, толкнувший Яковлева к созданию этой статьи. В отчете симбирского губернатора В. Н. Акинфова за 1894 г. говорилось: «Учебно-воспитательное дело во всех учебных заведениях идет весьма удовлетворительно. Нельзя при этом [не] отметить об успехах, достигнутых в деле распространения просвещения среди инородцев-чуваш благодаря существующей в городе Симбирске Центральной чувашской школе с программой учительских семинарий... При чувашской школе имеется женское отделение, воспитанницы которого выходят учительницами в женские чувашские училища. Распространение сих училищ несомненно еще более подвинуло бы дело просвещения инородцев и слияния их с коренным русским населением». Николай II, просматривая отчет губернатора, соизволил подтвердить эти соображения начертанием слова «конечно»¹⁹. У Яковлева, узнавшего об этом, появилась надежда на помощь в деле лучшей организации женского образования. С целью обратить внимание чиновников на приведенное замечание царя и желая использовать его в свою пользу, Яковлев в названной статье писал следующее: «Значение женщины в деле христианского просвещения и сближения чуваш с русской народностью громадно, и только тогда можно будет говорить об окончательном повороте чуваш в эту сторону, когда женская половина населения будет охвачена существующей ныне системой просвещения крепких инородцев»²⁰.

¹⁸ Православный благовестник. 1897, № 5, 6 и 7.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 2, д. 5130, ж. ст. 506. Л. 25.

²⁰ Православный благовестник. 1897. № 5. С. 228.

В подтверждение своей мысли автор приводит целую цепь аргументации. По его наблюдениям, чувашки, «как и всякие женщины, живут более сердечною жизнью». Если они не успели стать христианками, то твердо хранят языческие традиции народа. «Надо ли сына женить, дочь выдать замуж, и здесь привычные мысли, а за ними и чувства, ввиду неизвестного будущего близких людей, невольно настраивают женщину действовать в духе разных языческих привычек»²¹. К чему все это ведет? Оно вносит в жизнь чувашей двойственность: мужская половина населения тяготеет к христианству и русскому быту, а женщины, наоборот, к прежней языческой жизни. Невежество и духовная отсталость женщины нередко являются причиной того, что в домах нет чистоты и опрятности, а среди народа распространяются разные болезни. Многие чувашки болеют трахомой. Между тем женское образование почти не подвигается. «Во всех чувашских училищах, число которых всех наименований простирается до 300, приблизительно обучается не более 600 девочек, что на 350—400 тысяч женского населения составит около 0,15 процентов»²².

Яковлев в статье поставил вопрос об открытии новых женских училищ, высказал соображения относительно дальнейшей деятельности Симбирского женского училища, где готовились учительницы. В конце статьи он пришел к такому выводу: осуществление всех этих мероприятий «подвинет быстрее просвещение чуваш и сближение их с русской народностью».

Небезынтересно сопоставить рассматриваемую статью с теми, которые напечатаны в 1893 г. Если в первых двух упор делается на организацию учебно-воспитательного дела в женском училище при Симбирской чувашской учительской школе, то в последней выделяются общие вопросы женского образования. Она больше по объему и глубже по содержанию.

Кстати сказать, автору статьи вскоре пришлось убедиться в том, что слова и дела как самого царя, так и его приближенных резко расходятся: ходатайство чувашского педагога о преобразовании женского училища в женскую учительскую школу так и осталось без удовлетворения. Только путем многократных ходатайств и выступлений в печати удавались чувашскому

²¹ Православный благовестник. 1897. № 5. С. 229.

²² Там же. № 6. С. 267.

просветителю определенные шаги в деле организации женского образования. «За время деятельности И. Я. Яковлева в качестве инспектора чувашских школ открыто 5 специальных женских училищ Министерства народного просвещения, из них 2 — двухклассных. В связи с ростом влияния школы на население чувашские девочки стали учиться во всех типах школ вместе с мальчиками. Если в 1894 году на 400 тысяч женского населения в пределах Казанского учебного округа училось не более 600 девочек, то в 1911 году уже училось более 5500 девочек»²³.

В конце девяностых годов над школами нерусских народов снова нависла опасность. На съезде деятелей и руководителей «иностранческого» просвещения, состоявшемся 22—28 августа 1899 г. в Самаре, констатировалось «неправильное направление» школы. Съезд признал желательным «начинать обучение русскому языку по возможности с первых дней поступления детей в школу, упражняя их в русском разговоре и употребляя для сего все шесть уроков в неделю»²⁴. «Уроки иностранческого чтения в старших отделениях школы» предлагалось заменить заучиванием закона божия. Участниками миссионерского съезда подобное постановление было принято ввиду того, что система Н. И. Ильминского отчасти приводила к результатам, нежелательным для русификаторов.

Создавшаяся обстановка была на руку духовенству, которое сразу же ополчилось на национальные школы. В 1895 г. архиереем в Симбирске стал Никандр Молчанов, который немедленно повел атаку на чувашскую школу. В 1899 г. Никандр вкупе с иеромонахом Сергием написал в синод донос на чувашского педагога. Что же привело духовных отцов на стезю доносчиков? На этот вопрос проливает свет письмо И. Я. Яковлева товарищу обер-прокурора синода В. К. Саблеру от 10 ноября 1899 г.: «Преосвященный Никандр настойчиво преследует наше женское училище при Симбирской чувашской школе, он всячески домогается закрытия его... К началу текущего года образовался у женского училища капитал в 14000 руб. Ближайшей целью образо-

²³ Харитонов В. Т. Иван Яковлевич Яковлев и его роль в просвещении чувашского народа // УЗ Чувгоспединститута, вып. XXXIII. Чебоксары, 1971. С. 38.

²⁴ Протоколы съезда деятелей иностранческого образования в Самаре. Самара, 1899. С. 539.

вания этого капитала было приобретение здания для женского училища, которое до сих пор, в продолжение 14 лет, помещалось в моем собственном доме... Владыка Никандр желает отнять как этот капитал, так и 2700 руб.»²⁵, отпускаемые ежегодно миссионерским обществом.

Из приведенного письма видно, что церковные пастыри преследовали прежде всего корыстные цели. Указанный донос в ноябре-декабре этого же года был напечатан в виде статьи в журнале «Миссионерское обозрение» под заголовком «К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковно-приходской и школьной миссии среди населения инородческого Среднего Поволжья». Слух о появлении этой статьи дошел в Симбирск раньше номера журнала и вызвал серьезное беспокойство у Яковлева. Оно выражено в письме его И. А. Износкову от 14 декабря 1899 г. «На днях мне сказали, — пишет ему Яковлев, — что в «Миссионерском обозрении», издаваемом в Петербурге г. Скворцовым, за минувший ноябрь месяц напечатана статья, направленная против нашей здешней школы и лично против меня... Будьте добры, пришлите книжки названного журнала... В. М. Скворцов, редактор упомянутого журнала, как мне передавали, в конце сентября или начале октября сего года был у нас в Симбирске несколько дней, главным образом посещал владыку, но я его не видел...»²⁶

Принадлежность анонимной злопыхательской статьи симбирскому архиерею Никандру Молчанову и иеромонаху Сергию (Александру Титову) подтверждено самим Яковлевым. «...Под ней подписался автор инициалами С. Е. Н., т. е. симбирский епископ Никандр. Что именно он написал в сотрудничестве с нашим бывшим законоучителем иеромонахом Сергием..., для меня нет никакого сомнения», — высказался он по этому поводу²⁷. Архиерей Никандр был известен не столько пастырскими делами, сколько корыстолюбием. Не отличался добродетелями и иеромонах Сергей. После окончания Астраханской духовной семинарии он стал законоучителем Симбирской чувашской школы, но прослужил здесь недолго. Архиерей Никандр и бывший законоучитель Титов в желании выступить против нацио-

²⁵ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 518. Л. 1.

²⁶ Там же, ед. хр. 514. Л. 141.

²⁷ Там же, ед. хр. 527. С. 227.

нальной школы и возвести поклеп на чувашского просветителя быстро нашли общий язык. В этом грязном деле они как бы дополняли друг друга: архиерей — высокой духовной должностью, Титов — знанием жизни чувашской школы.

О чем же писалось в «Миссионерском обозрении»? Авторы анонимной статьи критикуют систему Н. И. Ильминского, подвергают разному людей, руководствующихся ею. Как говорится в статье, в системе Ильминского имеются два пробела: не разграничены христианская проповедь и просвещение, не указан круг действий духовенства и светских лиц. По их мнению, церковное учение важнее светского образования, а право учить должно принадлежать лишь церкви, и потому считают целесообразным миссионерские школы совершенно изъять из ведения министерства народного просвещения «и передать в непосредственное заведование власти церковной»; ссылаясь на то, что существует на средства миссионерского общества, женское училище при Симбирской чувашской школе хотят передать той же власти. Одним словом, они требуют совершенно устранить участие светских людей в школьном деле в тех случаях, по крайней мере, «где есть некоторая видимость права потребовать этого устранения». Архиерею и иеромонаху пришлось не по вкусу также деятельность Яковлева по переводу церковно-религиозных и иных книг на чувашский язык и издание их. Они хотели бы отнять эту возможность у чувашского просветителя и передать ее опять-таки в руки духовенства. По их мнению, только так можно «избежать тех описательных выражений, которые теперь по необходимости допускаются при переводах при сильном стремлении переводчиков-инородцев к пуризму языка — желания все передать на простом, грубом, народном языке»²⁸.

И, наконец, авторы статьи-доноса обвинили Яковлева в сепаратизме, назвали его «пестуном инородческой обособленности», «просвещенным охранителем, оберегателем своих родных племен». «По нашему пониманию, — писали они, — нельзя назвать истинным благодетелем инородческого племени того человека, который бы намеренно обособлял свое племя от главной народности в государстве...»²⁹ Анонимов особенно

²⁸ Миссионерское обозрение. 1899. Дек. книжка. С. 582.

²⁹ Там же. С. 587.

не устраивало стремление Яковлева к развитию самобытной культуры чувашей. Они призывали просвещать «инородцев» в целях русификации их и упрочения православной веры.

В ответ на выступление анонимных авторов Яковлев написал свое лучшее публицистическое произведение «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Оно является программным, так как здесь наиболее полно выражены его взгляды на народное просвещение. Возражая против проекта С. Е. Н. учредить новую должность епархиального миссионера, Яковлев с глубокой болью в сердце пишет: «Повсеместная нужда в просвещении, ограниченность миросозерцания, духовная беспомощность и так слишком видны. Очень, очень не трудно заметить и без зоркой помощи епархиального миссионера, где эта нужда всего резче сказывается. Здесь надо не наблюдать, а действовать»³⁰. «Мы дорожим образованием, дорожим знанием во всякой форме...» — заявляет публицист и с гневом бичует тех, кто опасается перед «школами, грамотностью и образованием». Заслуга Яковлева в том, что он одним из первых в России убедительно заговорил о необходимости просвещения нерусских народов всего Поволжья. Заговорил как раз в то время, когда эти народы, формируясь в нации, остро нуждались в просвещении, в развитии национального самосознания. Такая потребность исходила из объективной закономерности общественного развития и отвечала ей, ибо развивающийся капитализм вел к пробуждению национальной жизни и национальных движений.

Чувашский просветитель понятия «инородческая миссия», «инородческий вопрос» наполнил новым содержанием. Если царские сатрапы все еще упорно, но безуспешно добивались насильственной русификации окраин, то Яковлев в противовес этому выдвинул программу «духовного обрусения», основной задачей которой являлось «духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего». Это означало не этническое слияние, а подъем «инородцев» до уровня русской культуры на основе единой христианской веры, через усвоение языка великого народа.

³⁰ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // ИА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 291.

нальной школы и возвести поклеп на чувашского просветителя быстро нашли общий язык. В этом грязном деле они как бы дополняли друг друга: архиерей — высокой духовной должностью, Титов — знанием жизни чувашской школы.

О чем же писалось в «Миссионерском обозрении»? Авторы анонимной статьи критикуют систему Н. И. Ильминского, подвергают разносу людей, руководствующихся ею. Как говорится в статье, в системе Ильминского имеются два пробела: не разграничены христианская проповедь и просвещение, не указан круг действий духовенства и светских лиц. По их мнению, церковное учение важнее светского образования, а право учить должно принадлежать лишь церкви, и потому считают целесообразным миссионерские школы совершенно изъять из ведения министерства народного просвещения «и передать в непосредственное заведование власти церковной»; ссылаясь на то, что существует на средства миссионерского общества, женское училище при Симбирской чувашской школе хотят передать той же власти. Одним словом, они требуют совершенно устранить участие светских людей в школьном деле в тех случаях, по крайней мере, «где есть некоторая видимость права потребовать этого устранения». Архиерею и иеромонаху пришлось не по вкусу также деятельность Яковлева по переводу церковно-религиозных и иных книг на чувашский язык и издание их. Они хотели бы отнять эту возможность у чувашского просветителя и передать ее опять-таки в руки духовенства. По их мнению, только так можно «избежать тех описательных выражений, которые теперь по необходимости допускаются при переводах при сильном стремлении переводчиков-инородцев к пуризму языка — желания все передать на простом, грубом, народном языке»²⁸.

И, наконец, авторы статьи-доноса обвинили Яковлева в сепаратизме, назвали его «пестуном инородческой обособленности», «просвещенным охранителем, оберегателем своих родных племен». «По нашему пониманию, — писали они, — нельзя назвать истинным благодетелем инородческого племени того человека, который бы намеренно обособлял свое племя от главной народности в государстве...»²⁹ Анонимов особенно

²⁸ Миссионерское обозрение. 1899. Дек. книжка. С. 582.

²⁹ Там же. С. 587.

не устраивало стремление Яковлева к развитию самобытной культуры чувашей. Они призывали просвещать «инородцев» в целях русификации их и упрочения православной веры.

В ответ на выступление анонимных авторов Яковлев написал свое лучшее публицистическое произведение «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Оно является программным, так как здесь наиболее полно выражены его взгляды на народное просвещение. Возражая против проекта С. Е. Н. учредить новую должность епархиального миссионера, Яковлев с глубокой болью в сердце пишет: «Повсеместная нужда в просвещении, ограниченность миросозерцания, духовная беспомощность и так слишком видны. Очень, очень не трудно заметить и без зоркой помощи епархиального миссионера, где эта нужда всего резче сказывается. Здесь надо не наблюдать, а действовать»³⁰. «Мы дорожим образованием, дорожим знанием во всякой форме...» — заявляет публицист и с гневом бичует тех, кто опасается перед «школами, грамотностью и образованием». Заслуга Яковлева в том, что он одним из первых в России убедительно заговорил о необходимости просвещения нерусских народов всего Поволжья. Заговорил как раз в то время, когда эти народы, формируясь в нации, остро нуждались в просвещении, в развитии национального самосознания. Такая потребность исходила из объективной закономерности общественного развития и отвечала ей, ибо развивающийся капитализм вел к пробуждению национальной жизни и национальных движений.

Чувашский просветитель понятия «инородческая миссия», «инородческий вопрос» наполнил новым содержанием. Если царские сатрапы все еще упорно, но безуспешно добивались насильственной русификации окраин, то Яковлев в противовес этому выдвинул программу «духовного обрусения», основной задачей которой являлось «духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего». Это означало не этническое слияние, а подъем «инородцев» до уровня русской культуры на основе единой христианской веры, через усвоение языка великого народа.

³⁰ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 291.

Вопросы расследования в уголовном процессе имеют значение.

60

равенства и сближения с другими народами России. Чувашский публицист был твердо убежден в том, что в школах ведущее место должно занимать обучение грамоте, а не закон божий. В деле распространения христианства среди нерусских народов им выдвигалось на передний план просвещение по следующим причинам: во-первых, «от степени грамотности народа в прямой зависимости находилось распространение книг религиозно-нравственного содержания», во-вторых, необходимость обучать грамоте выдвигала «вопрос об организации и специальной подготовке учителей в инородческие селения»³¹. Публицист на первое место ставил не церковь, а школу, не христианскую проповедь, а обучение грамоте как основу подъема всей культуры. «Церковно-приходская школа вернее отвечает духовно-нравственным потребностям народа», — уверял читателей журнал «Миссионерское обозрение»³², тогда как Яковлев предпочитал земские и министерские школы. Публицист считал, что дело подъема культуры чувашей и других народов Поволжья может быть осуществлено лишь через школы, с помощью родного языка, и настойчиво добивался внедрения его в школу, в церковь, создания оригинальной письменности и литературы.

И. Я. Яковлев, отстаивая систему Н. И. Ильминского, разъясняет основные положения ее, в результате чего помимо воли самого автора оказываются раскрытыми как лицевые, так и теневые стороны этой системы. «Николай Иванович, — пишет Яковлев, — на первом месте ставил христианство, проповедь которого совершается при помощи книг на родном языке религиозно-нравственного содержания, богослужебных и св. писания, являющихся самым мощным орудием воздействия на народ. Это обстоятельство заставило вести дело одновременно, т. е. начинать разом распространение христианства и просвещения»³³. Здесь надобности в разграничении сфер церковной и светской деятельности не было. Но, по мнению анонимных авторов, участие светских людей в духовном просвещении «инородцев» вредно³⁴, так как оно вызывает «лжеумудрствования всякие».

³¹ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 262.

³² Миссионерское обозрение. 1899. Дек. книжка. С. 583.

³³ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 261.

³⁴ Там же. С. 265.

А под «лжемудрствованиями» они понимают «пробуждающийся в обществе интерес к вопросам веры и нравственности, брожение религиозной мысли, многочисленные и разнообразные секты, проникающие в самые отдаленные деревеньки и глухие села, не исключая и инородческих»³⁵. Одним словом, анонимные авторы недовольны тем, что система Ильминского, применявшаяся с целью русификации и христианизации «инородцев», приносит нежелательные результаты: грамотность на родном языке создает основу для развития национальной культуры, расширения кругозора. Вот почему просвещение нерусских народов они рассматривают как нечто враждебное самодержавному строю.

За национальный подъем чувашей Яковлев боролся на основе системы Ильминского, поэтому нет ничего удивительного в том, что значительная часть памфлета посвящена защите этой системы. Однако при этом приписывается Ильминскому и то, что было задумано самим Яковлевым. Например, публицист пишет: «Задачами инородческого дела, по взглядам Ильминского, было поднять духовный уровень инородческого населения, расширить кругозор его и обогатить внутреннее содержание народа, распространив среди него христианство и просвещение»³⁶. Поднятие духовного уровня инородцев с той целенаправленностью, к которой стремился чувашский просветитель, в программу Ильминского не входило, но систему христианского просвещения миссионера-русификатора Яковлев показывает в таком свете, в каком она оправдывает его собственную деятельность по национальному возрождению чувашей.

На требование анонимов не доверять перевод книг «частным лицам, тем более светским, богословски необразованным», Яковлев парирует: «Это не более, как частное приложение общего принципа, воспреещающего светским лицам участвовать в христианском просвещении инородцев»³⁷. Опровергая нападки анонимов в отношении переводов богослужебных книг, публицист высказывает интересную мысль по вопросу о том, как проверять качество перевода. «Достоинство перево-

³⁵ См.: Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 265.

³⁶ Там же. С. 258.

³⁷ Там же. С. 289.

дов,— пишет он,— можно проверить двояко: наблюдением над их действием на народ и специальной критикой. В первом случае мы судим о результате, а во втором — о внутренней организации работы»³⁸. Под внутренней организацией работы Яковлев подразумевает творческую кухню переводчика, призванного добиться точности передачи мысли и доступности ее читателям. Именно таких результатов добивался он сам внесением исправлений в переводные книги.

Памфлет написан автором в период творческой зрелости, в ней четко проявились характерные особенности его публицистического мастерства, оригинальная полемическая манера. Нападки противников лично в его адрес он отбрасывает в сторону. В первоначальном варианте памфлета стоял подзаголовок «Ответ С. Е. Н.» Этот заголовок, придававший полемике частный характер, Яковлев в ходе дальнейшей работы над своим произведением убрал.

Реакционеры постоянно обвиняли чувашского просветителя во враждебном отношении к духовенству и церкви. То же самое делают авторы статьи в «Миссионерском обозрении». Они упрекают * Яковлева в том, что он к церкви относится пренебрежительно и якобы считает, что церковное служение требует от человека меньших умственных и нравственных достоинств, чем учительство в сельской школе³⁹. Яковлев не придал серьезного значения этому обвинению, а острие критики направил против основной идеи выступления анонимных авторов — добиться признания за церковью безраздельной власти в духовном просвещении нерусских народов. В основу своего произведения автор положил «инородческий вопрос», притом не вообще, а именно в Поволжье. От такого подхода произведение несомненно выигрывало, потому что оно теряло характер личного протеста и приобретало объективность, весомость, а его противники получали сильнейший отпор.

Авторы статьи в миссионерском журнале, как и его издатели, воинственны, бесцеремонны и грубы. Яковлев же не только очень сдержан, но и вежлив в обращении к своим противникам. Вопрос, поднятый ими, подчеркивает Яковлев, «настолько важен, что можно быть лишь благодарным за всякую попытку способство-

³⁸ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 289.

³⁹ См.: Миссионерское обозрение, 1899. Дек. книжка. С. 584.

вать его разрешению; то же чувство возбуждает и автор названной журнальной статьи; но в силу своего резко полемического характера статья эта не только вызывает, но и обязывает нас выступить с возражением...»⁴⁰

Полемике Яковлева присущи трезвый оптимизм, горячая вера в людей, посвятивших себя делу просвещения родного народа. Подвергая критике идейных противников, публицист всему дурному и отрицательному старался противопоставлять хорошее, положительное. Так, в рассматриваемом памфлете тепло описывается им деятельность крестьянина деревни Алманчикова Буинского уезда Терентия Мартынова. Он в соседней деревне — в Сугутах⁴¹ успешно окончил земское училище. Когда в Симбирске служил в солдатах, часто приходил в чувашскую школу, доставал там книги на чувашском языке. Загоревшись желанием помочь своим односельчанам, «тотчас по возвращении со службы начал частным образом, в своем доме совершенно бесплатно обучать алманчиковских детей. Затем школа эта упрочилась и признана была школой грамоты, а Терентий Мартынов — ее учителем. Благодаря этой школе и усердию учителя, книжки на чувашском языке быстро стали распространяться между крестьянами. Семя упало на добрую почву»⁴². Такой показ активной деятельности рядового труженика народного просвещения ярче оттеняет пассивность архиерея, занятого лишь разглагольствованиями о деле, а не самим делом. У духовного пастыря нет рвения ни к школьным, ни к христианским делам. Долгое время безрезультатно ходят к нему, например, алманчиковские мужики с просьбой оказать содействие в открытии монастыря.

В памфлете публицист высказывает твердую уверенность в том, что дело просвещения народа будет продолжено новым поколением. На этой вере основывались его полемическая страстность, настойчивость в отстаивании интересов народа. Подкупают читателя смелость и прямота суждений автора. Памфлет клеймит не только авторов пасквиля, но и всех врагов просвещения нерусских народов. Специально подобранные речевые средства, применение народной фразеологии

⁴⁰ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 255.

⁴¹ Ныне деревни Алманчиково и Сугуты входят в Батыревский район Чувашской АССР.

⁴² ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 4, л. 32.

усиливают произведение. Оно вызывает чувство ненависти и презрения к идеологам реакционного толка.

«Зная об отношении учебного округа к своей деятельности, Яковлев не выступил в печати с этой статьей», — пишет Н. Г. Краснов, имея в виду рассматриваемое произведение Яковлева⁴³, а в примечаниях поясняет: «В чувашской научной литературе вслед за А. И. Яковлевым (см. его книгу, изданную в 1948 г., с. 77), исследователи наследия И. Я. Яковлева по сей день продолжают необоснованно утверждать, что якобы ответ епископу Никандру к печати не был допущен. На самом же деле возможность защищать свое правое дело И. Я. Яковлев предоставил другим»⁴⁴. Действительно, этот памфлет так и не увидел света, но не потому, что этого хотел сам автор. Причина заключалась в том, что официальные органы печати не могли разделять точку зрения инспектора школ. В данном вопросе близок к истине И. А. Маркелов, который пишет: «Сам Яковлев в отношении к духовенству постепенно становился на позиции все усиливающегося антиклерикализма. В этой связи небезынтересен тот факт, что именно в острой борьбе с реакционным духовенством И. Я. Яковлев проявил себя как незаурядный публицист. Его статья «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» была запрещена цензурой главным образом за смелое обличение духовенства»⁴⁵.

Естественно, большое и содержательное произведение писалось Яковлевым не для того, чтобы оставить его ненапечатанным в личном архиве. Известно, что ответ анонимам он пытался поместить в газете «Московские ведомости», но сотрудник редакции Н. Ч. Зайончковский вернул рукопись с заявлением: возражать на вылазку «Миссионерского обозрения» не стоит⁴⁶. Кончилась неудачей и попытка заручиться поддержкой учебного округа. Там памфлет одобрили, а печатать не разрешили. К счастью, выступление духовных лиц в печати против И. Я. Яковлева и его деятельности осталось без особых последствий. В этом сказались прежде всего защита Яковлева прогрессивной педагогической общественностью. Анонимам из духовного ведомства были

⁴³ Краснов Н. Г. Иван Яковлевич Яковлев. С. 196.

⁴⁴ Там же. С. 252. (Примечание 38.)

⁴⁵ Маркелов И. А. Мировоззрение чувашского просветителя И. Я. Яковлева // ОР ГБЛ, рукопись. С. 172.

⁴⁶ См.: Яковлев И. Я. Воспоминания. С. 109.

даны ответы в том же «Миссионерском обозрении» Н. Бобровниковым, С. Рыбаковым. Еще одна статья в защиту Яковлева была опубликована без указания автора. Кроме того, редакция журнала была вынуждена поместить свое заключение⁴⁷.

Для пресечения стремления нерусских народов к грамотности, культуре реакционеры предпринимали одну вылазку за другой. Попечитель Казанского учебного округа С. Ф. Спешков с помощью Г. Э. Зенгера, назначенного министром просвещения, добился того, что Государственный совет в 1903 г. постановил: «... Упразднить учрежденные по высочайшим повелениям ... должности: инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Оренбургского учебного округа и заведующего Симбирской чувашской учительской школой. Лицо, ныне занимающее должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, оставить с 1 июля 1903 года за штатом...»⁴⁸

Этот удар оказался для Яковлева особенно тяжелым. С упразднением должности окружного инспектора деятельность Яковлева ограничилась рамками одной Симбирской школы. Кроме того, ущемлялись и его личные интересы. Меры, рассчитанные на пресечение распространения просвещения среди национальных меньшинств, не могли быть одобренными передовыми кругами общества. Чтобы как-то сгладить неприятное впечатление, бывший инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И. Я. Яковлев производится из статских в действительные статские советники⁴⁹.

Упразднение должности инспектора чувашских школ некоторые исследователи склонны считать делом рук личных врагов Яковлева. «Клеветнические выступления против Яковлева сделали свое дело,— пишет А. Ф. Эфиров.— В 1903 году он неожиданно для себя получает отставку от должности инспектора чувашских школ»⁵⁰. Но такое объяснение следует признать односторонним и поверхностным. Относительно истинных причин принятой царским правительством меры почти правильные

⁴⁷ См.: *Краснов Н. Г.* Иван Яковлевич Яковлев. С. 196 и 252.

⁴⁸ Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1903. С. 439—440.

⁴⁹ Там же. 1904. С. 1.

⁵⁰ *Эфиров А. Ф.* Чувашский педагог Иван Яковлевич Яковлев // УЗ ЧНИИ. Вып. 3. Чебоксары, 1949. С. 26.

догадки строил сам Яковлев. «Не лежит ли причина упразднения этой должности не в ней самой, а в той программе, по которой действовал я, занимая должность? — задумывался он и тут же отвечал:— Но в основании как лично моей деятельности, так и подведомственных мне учителей сельских школ лежала система Н. И. Ильминского, закрепленная в высочайше утвержденных правилах 26 марта 1870 года,— тогда значит настоящая мера, оборвавшая мою прежнюю деятельность и уничтожившая занимаемую мною должность, косвенно направлена именно против этой системы, т. е. против употребления родного чувашского языка в начальной школе и церкви. Затрудняюсь решить, что надо видеть здесь — поворот ли общегосударственной политики в данном вопросе, или только частную меру, предпринятую по каким-либо личным соображениям отдельных лиц?»⁵¹

Безусловно, здесь был поворот политики царского правительства в области просвещения нерусских народов. В связи с ростом революционного движения в стране в начале XX в. представители правящих классов все решительнее осуждали систему Н. И. Ильминского. Они видели, что эта система давала, кроме грамотности, и кое-какие знания, служащие средством поднятия революционного сознания нерусских народов. Спешков считал, что «всякое соединение и сплочение инородцев, разбросанных по разным губерниям, в особую единицу, хотя бы в отношении заведования их школами, скорее будет побуждать в них национальное чувство и обособленность, чем сливать их с коренным населением империи»⁵².

Упразднение должностей окружных инспекторов означало также недоверие царского правительства к прогрессивной деятельности просветителей нерусских народов, нежелание просвещать национальные окраины. Не случайно эта мера была осуществлена в глубочайшей канцелярской тайне и объявлена совершенно неожиданно. После этого реакционеры повели ожесточенные атаки на чувашскую школу. Родной язык из нее вытеснялся все больше и больше.

⁵¹ Архив Республиканского краеведческого музея. Арх. кн. рук. № 372.

⁵² Архив культуры и быта. Дело МНП. 1902. № 198966. Л. 10 //Харитонов В. Т. История просвещения чуваш в XIX веке. ОР ГБЛ. С. 299.

Свой протест по поводу этих мер Яковлев выразил в статье «К вопросу о должностях окружных инспекторов инородческих школ при управлении Казанского учебного округа». С первого взгляда может показаться, что автор в статье отстаивает свои личные интересы. Но читатель вскоре убеждается, что здесь выражено не только стремление к восстановлению упраздненной должности, а ведется убедительный разговор в пользу просвещения нерусских народов.

В статье веская аргументация соединена с богатством мысли. Всестороннее знание дела народного образования позволило Яковлеву обстоятельно обосновать свои доводы. По его мнению, упразднение должностей окружных инспекторов киргизских и чувашских школ «знаменовало собою крупный попятный шаг в истории инородческого дела». Далее Яковлев горячо и последовательно разъясняет, как этот опрометчивый шаг повлек за собой ухудшение всего учебного дела. Это разъяснение построено в лаконичной вопросно-ответной форме. «Какие же последствия успели обнаружиться со времени уничтожения этих должностей? Со времени их упразднения прошло только два года, а последствия уже сказались. Упразднение должностей окружных инспекторов повлекло за собой немедленное разъединение и дезорганизацию школ, идущую все дальше и дальше, что мне особенно наглядно приходилось наблюдать на чувашских школах Казанского округа», — начинает он аргументацию своего тезиса⁵³. Связь между школами порвалась, их прежнее единство стало исчезать, так как они переданы в ведение нескольких русских участковых инспекторов. Школы «подпали воздействию их индивидуальных взглядов и вкусов, часто в корне расходящихся с системой Н. И. Ильминского». Многие местные инспектора стали выступать против всякого применения родного языка в «инородческих» школах, широко повели так называемую «обрусительную» кампанию. Так разрушались, констатирует автор, основы «инородческого дела».

Непродуманная мера вызвала «и значительное ослабление в работе». В подтверждение высказанной мысли автор приводит неотразимые факты. По ходатайству Яковлева было решено открыть в Казанском

⁵³ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. Спб., 1905. С. 303—304.

округе восемь двухклассных и несколько одноклассных чувашских школ. Министерство просвещения выделило для этого денежные средства, и в намеченных селениях началось строительство школьных зданий. «В этот момент произошло упразднение должности окружного инспектора, дело постройки новых двухклассных школ перешло в ведение гг. участковых инспекторов и тотчас же без достаточных оснований приостановилось. Из восьми школ за два года до настоящего времени ни одна не была начата постройкой вновь, ни одна мною начатая не была достроена, здания стоят или едва начатыми, или построенными только вчерне, и материал портится без всякой пользы»⁵⁴.

Автор статьи всесторонне раскрыл значение должностей инспекторов нерусских школ. Указал и особое значение должности инспектора чувашских школ: она связывала воедино чувашскую учительскую школу с сельскими школами. На основе убедительных доводов публицист приводит читателя к закономерному выводу: «Эти досадные и печальные факты свидетельствуют о том, что уничтожение означенных должностей было шагом ошибочным и с принципиальной, и с практической стороны»⁵⁵. Поднимая этот злободневный вопрос, Яковлев указывает и путь решения его. «Как же поправить эту ошибку? — спрашивает он и сам же отвечает: — Я считал бы полезным учреждение при Казанском округе двух должностей окружных инспекторов, одной для наблюдения за школами инородцев тюркского племени (крещено-татарскими, чувашскими), другую для наблюдения за школами угро-финских племен (мордовскими, вотяцкими, черемисскими)»⁵⁶.

Далее автор излагает свои мысли о том, каким должен быть инспектор нерусских школ. Долголетний опыт показал, что «для успешного руководства инородческой школой требуется целый ряд специальных данных». Он непременно должен знать хотя бы один из языков той племенной группы, школами которой будет заведовать. Кроме того, должен искренне сочувствовать основным началам системы Ильминского. Крайне желательно также близкое знакомство инспекторов с людьми, бы-

⁵⁴ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 304.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 304—305.

товыми условиями их жизни, окружающей средой. Он должен быть широко осведомлен в вопросах школьного дела: ему придется выбирать учителей, направлять их работу, ободрять и поддерживать их в трудные минуты.

Автор понимает, что в России, где сильна власть бюрократического чиновничества, должности окружных инспекторов нерусских школ могут быть и не восстановлены. Исходя из этих соображений, он рекомендует «предоставить лицам, стоящим во главе инородческих семинарий или учительских школ, право контролировать деятельность своих бывших воспитанников и делать соответственные представления непосредственно попечителю учебного округа»⁵⁷. Рассчитывая на претворение в жизнь своих конкретных предложений, автор в конце статьи делает такое заключение: «Можно надеяться, что тогда удастся восстановить и укрепить то единство склада и духа инородческих школ, о распадении которого приходится горько жалеть теперь»⁵⁸.

Должность окружного инспектора так и не была восстановлена. Однако Яковлев не падал духом, искал новые пути для продолжения национального подъема чувашей. Когда ограничили круг его забот одной Симбирской школой, главной стала для него переводческая и издательская работа, вместе с тем он продолжал выступать в печати. В период первой русской революции Яковлев кратковременно участвовал в работе Симбирской октябристской организации «Общества людей порядка и законности», примкнул к сторонникам царских манифестов и призывал народ поверить им. Вместе с тем под влиянием революции он изменил свои позиции по ряду вопросов и стал выдвигать новые требования. Им вынашивается идея переустройства местного самоуправления на новых, демократических началах с тем, чтобы «отдать в некоторых уездах в руки местного инородческого населения все земское дело»⁵⁹. Он требует возвращения крестьянам земельных отрезков, открытия на государственные средства специальных земледельческих, технических и промышленных училищ для детей нерусских народов и облегчения доступа им в высшие

⁵⁷ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 305.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГА ЧАССР, ф. 207, д. 1268 а. Л. 60 /Василенко М. Д. Педагогическая деятельность И. Я. Яковлева. ОР ГБЛ. С. 289.

учебные заведения. Яковлев по-прежнему отстаивает интересы народного большинства.

Царское правительство 3 июня 1907 г. разогнало Государственную думу и перешло в решительное наступление против революции. В годы реакции усиленно разжигалась национальная вражда, распространялась клевета на нерусские народы, на их культуру. Реакционным дворянством и представителями духовенства подвергалась сомнению и русификаторско-миссионерская система Н. И. Ильминского, допускавшая применение родного языка в школьном обучении и церковной службе. Для продолжения просветительной деятельности в условиях свирепой реакции после поражения первой русской революции требовалось достоверное обоснование осуществляемой программы. С учетом этого Яковлев в 1908 г. выступил с брошюрой «Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы», где отметил: «Я сам вышел из крестьянской семьи и для того, чтобы поступить в гимназию, прослужил несколько лет удельным мерщиком, на собственном трудном опыте слишком хорошо знал цену образования и трудность путей, ведущих к ним крестьянина. Отсюда и родилось у меня естественное желание помочь, чем можно, своим соплеменникам-чувавам»⁶⁰.

Бросается в глаза то, что здесь программа национального возрождения чувашей обоснована автором обстоятельнее и глубже, чем в предыдущих трудах. Так, в 1870 г. в докладной записке П. Д. Шестакову он писал: «Будучи христианином, любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваш, мои единомышленники, были просвещены светом евангелия и слились в одно целое с великим русским народом»⁶¹. Тогда Яковлев считал, что «обрусение чуваш или слияние чуваш с русским народом» может быть достигнуто тремя путями: «первый, и самый главный, это через усвоение ими православия, конечно, неизвестно всякому, какое значение имеет в глазах наших простолюдинов различие веры; второе, путем брачных союзов, что вполне зависит от первого, и третье,

⁶⁰ Яковлев И. Я. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. Симбирск, 1908. С. 3.

⁶¹ Цит. по кн.: Аграрный вопрос и крестьянское движение... С. 332.

через усвоение русского языка чувашами»⁶². В новом же труде автором указываются три основные идеи, которые положены в основу Симбирской чувашской школы. Первая идея — «пути развития инородцев должны направляться к усвоению христианских идеалов». Яковлев видел, что «под напором новых условий в последней четверти XIX века старые языческие верования инородцев начали быстро и бесповоротно отмирать. На смену им должны были явиться более высокие формы религиозного сознания. Вопросом дня сделался переход инородцев-язычников к монотеизму»⁶³.

Ближе и понятнее для них был монотеизм магометанский. Во второй половине XIX в. переход крещеных чувашей в ислам участился. Отпадение их в магометанскую веру в суженных масштабах продолжалось и в начале XX в. Это было своеобразной формой протеста против насильственной русификации и христианизации. Кроме того, «успешному распространению ислама среди чуваш в значительной степени способствовала тесная близость их с татарами. Благодаря территориальному соседству и многовековому общению, оба народа многое позаимствовали друг у друга. Между чувашскими и татарскими крестьянами нередко имелись не только экономические и культурные, но и родственные связи...»⁶⁴

Однако Яковлев стал проповедником христианства, начал осуждать тех, кто с надеждой смотрел «в сторону грубой и чувственной веры магометанской»⁶⁵. В этой связи возникают два вопроса: почему публицист предпочел христианство чувашскому язычеству и татарскому магометанству и какое место занимало христианство в его мировоззрении?

Как указывал сам Яковлев, чувашаи со времени перехода в христианство находились под влиянием двух религиозных течений — «язычества, унаследованного от предков, и магометанства, которое исповедовало окру-

⁶² Цит. по кн.: Аграрный вопрос и крестьянское движение... С. 333.

⁶³ Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 4.

⁶⁴ Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972. С. 28.

⁶⁵ Яковлев И. Предисловие //Новый завет. Симбирск, 1911. С. 11.

жающее население»⁶⁶. В чувашских и смешанно-чувашских (русско-чувашских, чувашско-татарских) деревнях происходила борьба трех религий — христианской, языческой и магометанской. Так как русский народ верил в православие, то Яковлев также отдал предпочтение этой вере. Распространение христианства среди чувашей он рассматривал как главный путь сближения их с русскими: «Я твердо убежден, что утверждая инородцев в православии, тем самым мы коренным образом объединяем их с русским народом»⁶⁷. Он полагал, что без близости в верованиях не может быть настоящей дружбы. Кроме того, Яковлеву казалось, что чувашаи вместе с религией воспримут и передовую русскую культуру. По данному вопросу он придерживался одинакового мнения с удмуртским педагогом И. В. Яковлевым, который считал, что один народ от другого «перенимает и специальные достояния культуры»⁶⁸.

Самым уязвимым местом в творческом наследии Яковлева является, конечно, проповедь христианства. Отчасти в этом сказалась ограниченность его мировоззрения. Несомненно, проповедь любой религии — дело реакционное и вредное, но в то же время нельзя не считаться с тем, что религиозные перегородки разобщают народы, ставят их даже во враждебные отношения. Как известно, вероисповедные перегородки относятся к числу факторов, мешающих сплочению рабочего класса. «Широкое и быстрое развитие производительных сил капитализмом,— писал В. И. Ленин,— *требует* больших, государственно-сплоченных и объединенных, территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии,— а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев»⁶⁹.

В свете сказанного становится ясно, что Яковлев поступил правильно, выбрав позицию уничтожения вероисповедных перегородок между чувашским и русским народами и отдав предпочтение русско-христиан-

⁶⁶ Яковлев И. Положительный опыт старой школы — новой школе // НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 351.

⁶⁷ Яковлев И. К вопросу об открытии школы в Средних Алгашах // Симбирская земская газета. 1878. 6 авг.

⁶⁸ Яковлев И. В. Современные вопросы инородческого просвещения. Спб., 1907. С. 2.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 143—144.

ской культуре. Как подчеркивал сам публицист, «эта задача была требованием совести и сердца руководителя школы и требованием самой жизни»⁷⁰.

Сближение и объединение чувашей с русскими — вторая идея. Взгляды Яковлева по национальному вопросу сложные и в недавнем прошлом вызывали много споров. Одни считали его ярким чувашским националистом, другие — несомненным русификатором, сторонником великодержавного шовинизма. Теперь таких голов уже не слышно, но появились обвинения иного толка. «Откровенная тенденциозность в отношении к Яковлеву принимает явно нетерпимую форму в вопросе о яковлевском понимании национального («инородческого») вопроса, — говорится в одном заявлении. — Товарищи прямо пишут о подлинном величии Яковлева как страстного поборника дружбы народов, как патриота, чуждого всякого национализма — и великорусского, и чувашского, пишут, что Яковлев будто бы горячо отстаивал свободу и равноправие всех народов»⁷¹.

Они же туманно намекают на то, что Яковлев, ратуя за христианство, имел неприязненное отношение к мусульманству. Авторы заявления хотят сказать: коли так, то не может быть речи о том, что Яковлев — поборник дружбы между христианами и мусульманами или вообще между народами. Они считают сугубо порочными произведения публициста, проповедующие «преклонение инородцев» перед величием русского народа. Кроме того, продолжают авторы заявления, Яковлев был открытым противником предоставления автономии народам России и отводил им только роль «покорных исторических спутников русского народа». Они считают: «такая проповедь Яковлева была только на руку царскому правительству, силам реакции».

Позиция авторов заявления явно ошибочна. Это ясно видно при рассмотрении взглядов Яковлева по национальному вопросу с учетом конкретных особенностей жизни чувашского народа. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его

⁷⁰ Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 329.

⁷¹ Лбов А. П., Афиногенов М. А., Анисимов И. А., Титов Г. М. О преувеличениях и искажениях в оценке взглядов и деятельности И. Я. Яковлева /Совместное письменное заявление указанных авторов от 16 апр. 1962 г. МНА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 703. С. 7—8.

в определенные исторические рамки,— указывал В. И. Ленин,— а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»⁷². Деятельность Яковлева также невозможно правильно оценить при подходе к ней изолированно от определенной исторической обстановки.

Известно, что чуваши в XVI в. присоединились к Русскому государству не путем насилия, а добровольно, в силу исторической необходимости. По своему географическому положению Чувашия оказалась в самом центре России, и чувашский народ никогда не стремился к созданию самостоятельного государства. «Ни исторические, ни культурные, ни географические условия не дают им никаких поводов мечтать о подобной самобытности»,— подчеркивал Яковлев⁷³. Национальный вопрос в Чувашии стоял иначе, чем у других народов империи, присоединенных захватническим путем и удерживаемых в ней насильственными мерами. Чувашия была заметно отсталым краем, вследствие этого патриархальщина в чувашской деревне изживалась медленнее, классовая дифференциация крестьян проявлялась слабее, чем у окрестных русских и татарских крестьян. Чувашский народ нуждался не в создании самостоятельного государства, а в ликвидации отставания в своем развитии— в подъеме духовной культуры, изжитии патриархальщины, повышении уровня ведения хозяйства и улучшении материального благосостояния. Дела и помыслы Яковлева были направлены на решение этих задач.

Авторы приведенного заявления полагают: Яковлев добивался сближения и слияния нерусских народов с русским народом, «носителем божественной истины», во имя православия⁷⁴, но суть идеи чувашского просветителя заключалась совсем не в этом. Он видел: русская культура по своему развитию стоит значительно выше, чем культура многих других народов. Яковлев стремится проложить для чувашей путь к богатствам этой высокой культуры. «Нашей задачей было духовно слить инородцев с русским народом, передав им самые

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 263—264.

⁷³ Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 5.

⁷⁴ См.: НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 703. С. 9.

драгоценные убеждения», — писал он в 1900 г.⁷⁵ По нему, «духовное слияние инородцев с русским народом» — это «поднятие первых до уровня последнего»⁷⁶. Из высказываний в рассматриваемом труде вытекает то же самое: «пути развития инородцев должны направляться к усвоению христианских идеалов»⁷⁷ для приобщения к русской культуре. Только тогда, когда чувашаи поднимутся «до того культурного уровня, на котором стоит русский народ», естественнее произойдет «слияние чувашского «ручья» в русское «море»⁷⁸. В письме священнику А. С. Михайлову от 23 января 1914 г. он понятие «слиться» уточняет так: «Это не значит усвоить только русский язык и носить русскую одежду. Мы должны по духу сделаться русскими: по-русски думать и чувствовать. Для этого нам необходимо подняться до русской культуры: усвоить православную веру, основы русской культурной и государственной жизни»⁷⁹.

Публицист требовал: «Никакой самостоятельной политической роли нашим восточным инородцам играть не суждено, никакого самобытного и национального развития им искать не следует, и не надо толкать их в этом направлении»⁸⁰. На основе этого некоторые исследователи, в т. ч. и авторы заявления, приходят к выводу о том, что Яковлев не мог быть поборником дружбы народов, сторонником равноправия и самостоятельного развития их. Публициста они обвиняют в том, что он не требовал выделения Чувашского края в самостоятельное государство. «Здесь у Яковлева получается отрицание национально-освободительного движения и всякой перспективы развития национальностей», — писал Т. А. Ахазов⁸¹.

В связи с анализом польского вопроса В. И. Ленин в 1903 г. указывал: «Социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на

⁷⁵ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // ИА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525 (2). С. 312.

⁷⁶ Там же. С. 259.

⁷⁷ Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 329.

⁷⁸ ИА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 280.

⁷⁹ Там же, ед. хр. 527. С. 774.

⁸⁰ Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 5.

⁸¹ 20 лет ЧАССР. Чебоксары, 1940. С. 37.

национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения»⁸². Хотя Яковлев не был социал-демократом, однако он тоже не считал нужным поддерживать чувашских националистов в их стремлениях к обособлению от Русского государства. «Наши восточные инородцы, вкрапленные между русским населением, должны быть покорным историческим спутником русского народа»,— утверждал Яковлев⁸³. В мирном и малокультурном Чувашском крае «нет никакой почвы ни для сепаратизма, ни для мечтаний инородцев о какой-то национальной самобытности, в особенности для инородцев крещеных. Наши инородцы так отстали от окружающего их русского народа, настолько бедны духовно и материально, что ни о каких подобных мечтаниях с их стороны не может быть и речи: их будущее — в мирном слиянии с окружающим их со всех сторон русским населением»,— повторял он настойчиво⁸⁴. Это вовсе не означало, что Яковлев руководствовался русификаторской идеей. Выступая поборником сближения и слияния народов Среднего Поволжья с русским народом, Яковлев имел в виду следующее: во-первых, такое стремление полностью отвечает интересам слаборазвитых народов, нуждающихся в помощи в экономическом и культурном развитии; во-вторых, единство народов было необходимо для успешного решения задач централизованного государства, поэтому он хотел, чтобы чуваша стремились слиться с русскими «здоровым народом, а не вырождающимся, чтобы русский народ получил через это слияние плюс, а не минус»⁸⁵.

Правильное решение национального вопроса заключается не столько в обязательном предоставлении тому или иному народу независимости, сколько в том, каким образом этот вопрос решается: насильственно или добровольно. «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 233.

⁸³ Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 5.

⁸⁴ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525. С. 179—180.

⁸⁵ Там же, ед. хр. 527. С. 774—775.

достигнуть не насилем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций», — подчеркивал В. И. Ленин⁸⁶. За добровольное, дружественное, равноправное слияние народов стоял и публицист Яковлев. Он не одобрял политику царского правительства, насаждавшего межнациональную рознь и вражду, политику насильственной русификации «иностранцев». «Иностранцы, — писал Иван Яковлевич в представлении попечителю Казанского учебного округа от 29 января 1905 г., — должны прочно войти в великую семью русского народа, но войти в нее не пасынками, а равноправными детьми... Прежде всего надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии, мысль, столько раз приводившую к самым печальным результатам, не надо стремиться обрусить иностранцев, а надо помочь им обрусеть»⁸⁷. Публицист мечтал о свободном слиянии нерусских народов с русским народом так, чтобы составить «одно органическое, нераздельное, неразъединимое целое»⁸⁸, а под слиянием им понималось добровольное объединение.

Идея сближения и объединения чувашей с русскими рождена глубокой верой публициста в неразрывность интересов тех и других, в великое будущее русского народа. «Русская народность — это великая сила...» — констатировал Яковлев⁸⁹. В понимании его русский народ — огромное мировое тело, а в сравнении с ним нерусские народы Поволжья — мелкие тела. Русский народ — надежный друг всех других народов. Двигаясь «по своей исторической орбите», он ведет за собой и их. Публицист хотел, чтобы горе и радости русского народа стали их горем и их радостями, его будущее — их будущим, его счастье — их счастьем. Считал своей задачей объединение чувашей с русским народом «в культурном и бытовом облике, до которого им еще так далеко». С этой целью в Симбирской школе «главное внимание обращалось на русский язык, на развитие способности излагать на русском языке мысли. И к концу шестилетнего курса в Симбирской школе ее ученики вполне овладевали русской речью»⁹⁰.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167.

⁸⁷ ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 1, ед. хр. 16.

⁸⁸ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525. С. 113.

⁸⁹ Цит. по кн.: Аграрный вопрос и крестьянское движение... С. 330.

⁹⁰ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 331.

Итак, Яковлев действительно добивался дружбы чувашского народа с другими народами и, в первую очередь, с великим русским народом. Заслуга публициста в том, что он первым из чувашских деятелей обосновал историческую необходимость этой дружбы.

Использование родного языка учащихся — третья идея, лежавшая краеугольным камнем в основе учебной работы в Симбирской чувашской школе. У каждого народа свой язык, свои духовные богатства, своя культура. Если не стало у народа своего собственного языка, то нет у него и самостоятельности. «Из глубины тысячелетий,— рассуждал Яковлев,— каждый исторически обособившийся народ выносит выработанный его собственными духовными силами и средствами скелет чувств, понятий и идей, которые умрут только вместе с ним. Язык — оболочка этого духовного богатства...»⁹¹. Автор этих строк доказывал, что применение родного языка ничуть не мешает усвоению русского, и только с помощью родного языка можно добиваться нормального умственного развития детей, успешного изучения преподаваемых в школе предметов. Поэтому школа и церковь «должны пользоваться понятным для чуваш родным им языком. Только при помощи родного языка можно с успехом перевоспитать, пересоздать старые понятия, делать к ним новые прививки и вводить в них новые элементы»⁹². Только родной язык избавляет детей от бессмысленной зубрежки. Поэтому в основу развития школы Яковлевым положены «родной язык в школьном обучении, родной язык за богослужением, евангелие на родном языке, доступное пониманию всякого чувашина, учитель и священник из природных местных инородцев, из крестьянской среды, близкие по духу, языку и быту к окружающему поселению»⁹³.

Яковлев указывает на наличие у родного языка служебного и самостоятельного значений. Русский язык усваивается «на почве понятий родного языка». При этом родной язык выполняет служебную функцию. Мужчины-чуваша «мало понимают русскую речь, а женщины вовсе ее не понимают». Для них родной язык имеет са-

⁹¹ Яковлев И. Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (по случаю сорокалетия, 1868—1908 гг.). Рукопись /МЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 659. С. 60.

⁹² Яковлев И. Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы. С. 5.

⁹³ Там же. С. 6.

мостоятельное значение⁹⁴. «Поднять культуру чуваш возможно только через родной, понятный им язык,— писал Яковлев позже.— Введение русского языка в церковь и школу задержит развитие чуваш, и до слияния с русскими они могут вымереть. Ведь известно, что культурная отсталость ведет к обеднению, это — к порче нравов и развитию преступности, а это последнее — к вымиранию. Мы не хотим этого...»⁹⁵

Рассмотренные выше три идеи — усвоение чувашами христианских идеалов в целях приобщения к русской культуре, воспитание их в духе дружбы с русским и другими народами, использование родного языка в школе — составляли основу публицистических выступлений Яковлева.

Через четыре года педагог издает «Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 год». Здесь автор показывает трудное материальное положение чувашского крестьянства, излагает свою просветительскую программу по улучшению его жизни. «Сельскохозяйственные знания суть главное, если не единственное, средство поднять культурный и бытовой уровень живущего в чрезвычайно тяжелых экономических условиях чувашского населения, численность которого достигает целого миллиона», — писал Яковлев⁹⁶. Брошюра начальством учебного округа была запрещена, а все отпечатанные экземпляры ее затребовали в Казань⁹⁷.

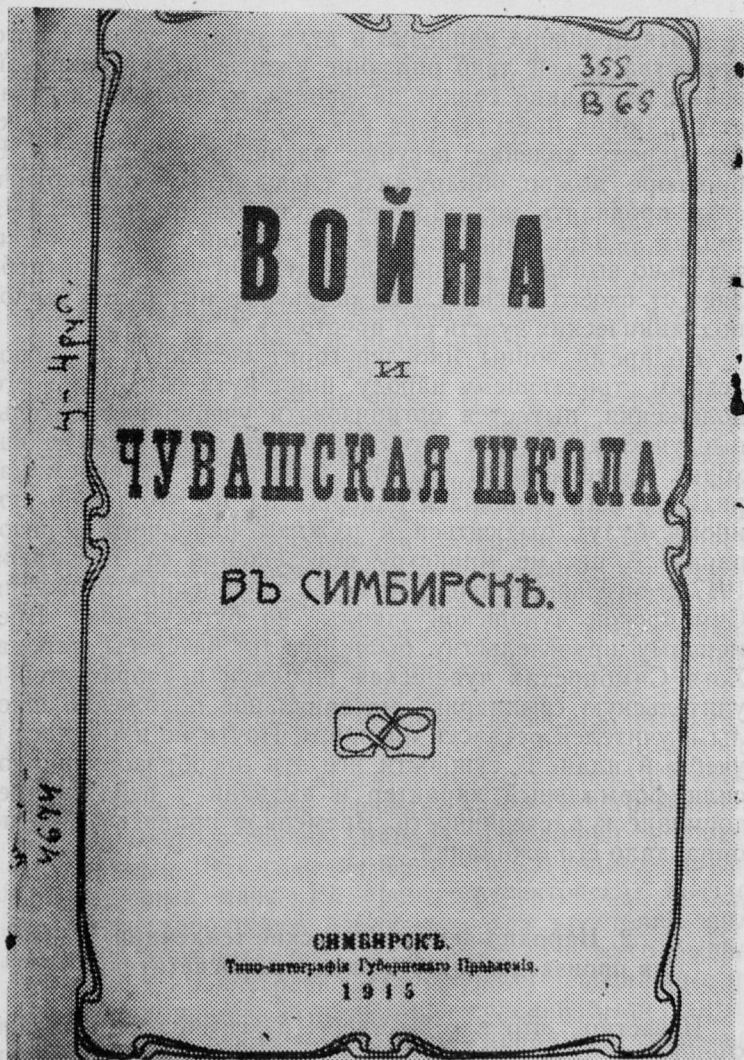
В конце третьего периода своей творческой деятельности Яковлев выпускает брошюру «Война и чувашская школа в Симбирске» (1915). Она является развернутым отчетом школы перед читателями, перед губернией и учебным округом о своих делах после начала первой мировой войны. Читатель видит, как близко к сердцу воспринял автор те страдания, которые принесла война народу. Чтобы как-то оказать ему помощь, Яковлев предоставил помещение школы под лазарет для раненых солдат, обеспечил его открытие и обслуживание. Кол-

⁹⁴ См.: ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 110.

⁹⁵ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 527. С. 774.

⁹⁶ Яковлев И. Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 г. Симбирск, 1913. С. 83.

⁹⁷ См.: Яковлев И. Возражения по поводу отчета о ревизии Симбирской чувашской учительской школы, произведенной в сентябре 1913 г. окружным инспектором В. С. Богоявленским //ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 1, ед. хр. 37. Л. 10 на об.

Обложка брошюры
«Война и чувашская школа в Симбирске»,
изданной в 1915 г.

лектив школы ежемесячно отчислял часть жалованья в пользу раненых, поддерживал постоянную связь со своими бывшими воспитанниками, находившимися на фронте. Всеми этими действиями Яковлев хотел облегчить участь попавшего в беду народа.

Хотя брошюра написана в духе защиты буржуазного отечества, в ней дано описание ужасов первой мировой войны, страданий солдат на фронте, мучений их в лазаретах. Война представлена как нежелательное и ненужное народу явление, несущее разрушения и смерть. В брошюре можно обнаружить следы того, что Яковлев стал проявлять неодобрение политики царизма. «Из триады — царь, православие и русский народ — окончательно выпал ее первый элемент... Он уже не употребляет от своего имени слово «царь», не выражает верноподданнических чувств его престолу»⁹⁸.

Во время войны Яковлев горит желанием быть полезным страдающему народу, ищет пути облегчения его положения, пытается организовать учебно-воспитательные учреждения для детей погибших солдат, но не находит поддержки со стороны властей. С падением царизма у него появилась надежда на то, что теперь по-иному будут относиться к нуждам народного образования. В письме министру просвещения от 11 апреля 1917 г. он снова ставит вопрос об улучшении положения Симбирской чувашской школы, но буржуазному Временному правительству были чужды интересы народа. Хотя Симбирская чувашская школа и преобразуется в учительскую семинарию, материальное положение школы и учителей осталось прежним. Почти не изменился и учебный план. В сущности все эти преобразования носили формальный характер и вызвали у педагога недоумение и растерянность. Временное правительство не оправдало его ожидания.

2. Народно-демократические тенденции в произведениях чувашского просветителя

Известно, что в годы учебы в гимназии молодой Яковлев с усердием читал сочинения русских революционных демократов. Интересовался он ими не случайно. Будучи землемером, Яковлев в Алатыре познакомился с учителем А. А. Мукосеевым, уволенным из Нижегородского дворянского института и высланным за «нигилизм». Через некоторое время судьба столкнула их еще раз. Переехав в Симбирск, Алексей Андреевич устроился на службу в палате уголовного и гражданского

⁹⁸ Краснов Н. Г. Иван Яковлевич Яковлев. С. 155.

суда и снова начал давать Яковлеву уроки по математике, готовя его к поступлению в гимназию. Мукосеев в разговорах с Яковлевым «иногда прорывался, высказывая свои взгляды и суждения»⁹⁹. «В сущности, Мукосеев был хороший, добрый человек... Когда несколько лет спустя я прочел «Отцы и дети» Тургенева, то Мукосеев показался мне совершенно похожим на Базарова», — записал о нем Яковлев в своих воспоминаниях¹⁰⁰. От Мукосеева и его единомышленников будущий публицист воспринял идею активного отношения к жизни.

«Хорошо зная произведения французских просветителей Вольтера, Дидро, Руссо, русских революционных демократов В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, И. Я. Яковлев не принимал их революционных идей, хотя и соглашался с их демократическими взглядами на просвещение, на распространение научных знаний среди широких масс народа»¹⁰¹. Решающим фактором в становлении мировоззрения чувашского публициста явилось русское просветительство. Сочинения выдающегося мыслителя этого течения Д. И. Писарева он начал читать еще до поступления в гимназию, увлекался ярким по содержанию журналом «Русское слово», имевшим девиз «Знание — сила».

Многие черты русских просветителей мы находим и в творчестве Яковлева. Он всей душой стоял за широкое распространение дела просвещения; отстаивал интересы трудящихся, в первую очередь, крестьян; стремился к общему благосостоянию народа. Публицист понимал, что реформа 1861 г. не изменила бедственного положения народных масс. Во время инспекторских поездок ему часто приходилось наблюдать, как крестьяне жили на одной картошке, без хлеба, а масло и мясо бывали в их домах крайне редко. Их изнуляли непосильные налоги и кулаки¹⁰². Жители ряда селений были так напуганы, что и открытие школы воспринимали лишь как новый повод для поборов. «Не отрадную картину представляет нынешнее житье-бытье чуваш. Приходя в близкое соприкосновение, нельзя смотреть без боли в сердце и мучения на их убожество, невежество, крайнюю

⁹⁹ Яковлев И. Воспоминания. Второе, доп. изд. 1983. С. 64.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Васильев А. В. Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // Чувашский язык, литература и фольклор, вып. 4. Чебоксары, 1974. С. 303.

¹⁰² Чувашское слово в значении «подать».

бедноту и скудость материальную, а более духовную...», — печально сообщал Яковлев в одном из писем Ильминскому¹⁰³. Из этого же письма узнаем, что чувашши жили в маленьких курных избушках.

Глубокие раздумья вызывало у публициста невыносимое положение народных масс. В статье «Об открытии педагогических курсов при Аликовском двухклассном училище» он показывает, что особенно тяжело положение трудового крестьянства. Главным бедствием для него является недостаток земли. «Чувашское население Ядринского уезда принадлежит к числу самых обездоленных групп не только по сравнению с населением русским, но и по сравнению даже с чувашами других местностей. Население это располагает надельной землей в самом ничтожном количестве — в среднем менее десятины на душу в поле. При этом земля самого плохого качества (суглинок и супесок)»¹⁰⁴.

Крестьяне Ядринского уезда нищали все больше и больше. Не хватало у них тягловой силы, падал домашний скот. «...В силу тяжелых условий, не только население их (чувашских селений Ядринского уезда. — И. Т.), но даже по недостатку корма и домашний скот заметно вырождается. Вырождение это, несомненно, сказывается в вымирании, в значительном понижении роста, хилости и других признаках. Бедность чуваш Ядринского уезда такова, что во многих селениях совершенно нет овец, и можно указать деревни, где ни в одном доме не найдется овчинной шубы, так что жителям этих селений даже в зимний извоз приходится уходить в одних суконных кафтанах»¹⁰⁵.

Подавляющее большинство сельского населения постоянно страдало от голода и недоедания. Особенно трудно доставалось детям. Ученики Алатырского двухклассного училища были из разных деревень. Из-за отдаленности их воспитанники жили в помещении самого училища «на своем иждивении». Питались «крайне скудно — одною вяленой воблой и черным хлебом, даже без горячей приправы в течение всей зимы». Автор подчеркивает, что крестьяне живут бедно не только в Ядринском, но и в других уездах.

¹⁰³ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 527.

¹⁰⁴ Цит. по кн.: Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 285.

¹⁰⁵ Там же. С. 285—286.

Публицист не был безучастным к испытывающим нужду и нищету, к обиженным и забытым. В памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» он категорически отвергает упреки «в равнодушии к страданиям народа», «в сознательном пренебрежении такими страданиями»¹⁰⁶. За народ всю жизнь он болел душой, при виде тяжелого положения чувашских крестьян его сердце обливалось кровью, бесконечному горю их он всегда старался помочь. «Мы, жители деревни Андреевки живем в глуши лесов Суры, в девяноста верстах от тебя. Все же и мы в позапрошлом году получили от тебя большую помощь. В Симбирске пропали выделенные казной нашей деревне для посева 1300 пудов овса. Мы лишь рассказали тебе об этом. Ты пожалел нас, и, оставляя свою работу, разыскал наш потерянный овес. Если бы ты не помог, то мы бы не посеяли и остались бы нищими», — такими словами выражали свое искреннее чувство благодарности Яковлеву крестьяне в письме-приветствии в честь сорокалетия Симбирской чувашской школы¹⁰⁷.

Проявляя заботу об общем благе, Яковлев стремился, в первую очередь, к поднятию культурного уровня народа. Он видел два пути к этой цели. Первый путь — развертывание дела народного образования. Ценность знаний и науки он определял «тем, какое влияние оказывает она на подъем культуры широких масс»¹⁰⁸. Немало сил было приложено им к тому, чтобы вызвать доверие мужика к научным знаниям. Многие произведения Яковлева (например, статья «О предрассудках и суевериях простого народа», рассказ «Вихрь» и др.) пронизаны стремлением освободить человека от порабащающих его сил природы, искоренить предрассудки и суеверия, имевшиеся в избытке в жизни старой чувашской деревни. Последовательный гуманист Яковлев добивался просвещения не только мужчин, но и женщин. По его расчетам, просвещение должно было играть решающую роль в духовном совершенствовании людей, в воспитании чувства долга, доброты, справедливости, любви к труду. Совершенствовать личность надо так, чтобы смыслом жизни ее стало служение людям, об-

¹⁰⁶ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 285.

¹⁰⁷ Цит. по кн.: Яковлев А. И. Иван Яковлевич Яковлев. С. 142.

¹⁰⁸ Яковлев И. Прошлое чувашского просвещения и меры к его развитию // НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 341.

шественной пользе. А. В. Рекееву он дает такой совет: «Всякий твой шаг, прежде чем ты его сделаешь, должен быть рассчитан и обсужден, совместим ли он с делом, во главе которого ты стоишь, не вреден ли он этому делу почему-либо, твоя совесть и твой рассудок должны быть решительными судьями в таких случаях»¹⁰⁹.

Второй путь — это распространение передовой русской культуры среди чувашского народа. «Симбирская чувашская учительская школа, — писал он, — своим долгом и своей гордостью считает приобщение чуваш к русской национальной культуре...»¹¹⁰. Ориентация публициста на передовую русскую культуру не означала отрицания им того, что ранее было накоплено чувашским народом в этой области. Сближение чувашей с русскими мыслилось на почве воспитания чувства национального достоинства, сохранения обычаев, традиций, языка и самобытной культуры.

Хотя Яковлев русскую культуру связывал воедино с христианством, в его творениях нет даже малейшего намека на потустороннюю жизнь, на те блага, которые якобы ждут христианина в раю. «К церкви он равнодушен. На загробную жизнь смотрит с сомнением», — отмечает 27 декабря 1917 г. А. В. Жиркевич в своем дневнике¹¹¹. Гуманизм видного педагога-публициста ценен тем, что его идеи исходили из утверждения возможности счастья на земле, а не в «небесном царстве». Религия выносит смысл бытия людей за пределы их реальной жизни. Яковлев же при решении этого вопроса исходит из земных интересов человека и видит цель жизни в труде для общего блага.

Будучи христианином, Яковлев отрицал многие догматы православной религии: отрешенность от мира, аскетизм, веру в потусторонний мир. Он всегда выступал за общественную активность личности. Не мечты о небесном блаженстве, а думы о земном человеке, его материальной жизни и духовном мире вдохновляли просветителя в его неустанной деятельности. Вместе с

¹⁰⁹ Цит. по кн.: УЗ ЧНИИ, вып. 3. Чебоксары, 1949. С. 11.

¹¹⁰ Яковлев И. Возражения по поводу отчета о ревизии Симбирской чувашской учительской школы, произведенной в сентябре 1913 г. окружным инспектором В. С. Богоявленским //ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 1, ед. хр. 37. Л. 13.

¹¹¹ Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве (в дальнейшем: ГМТ). Отд. рукописей, ф. А. Жиркевича, тетрадь № 54. С. 167.

тем им придавалось большое значение религии. В ней он видел прежде всего морально-этические нормы земной жизни. Это определенно сближало его с Л. Н. Толстым. Яковлев, как и великий русский писатель, не находил лучшего способа для нравственного воспитания людей, чем евангельские заветы.

Публицист духовную культуру рассматривал в тесной связи с материальной и взялся за «отыскание способов улучшения материального состояния» народа. Первый из таких способов — это оказание помощи крестьянам в обзаведении землей. Яковлев видел: русский трудовой народ в отношении земли сильно обижен, а в массе простого народа «еще более обиженными, обойденными судьбой рисовались инородцы Поволжья». Публицист считал вполне справедливым «отнятие земли у тех помещиков, которые сами ее не обрабатывали, эксплуатировали ее, притом на огромных пространствах», но не иначе, как с уплатой ее стоимости¹¹². В дореволюционное время чуваши в основном занимались земледелием. Поэтому Яковлев всегда охотно помогал крестьянину-труженику в приобретении земельного участка. Коллега чувашского педагога В. Орлов писал: «При помощи Яковлева некоторые общества чувашского населения восстановили утраченные права на пользование некоторыми земельными угодьями; некоторыми обществами были приобретены новые участки на выгодных и льготных условиях»¹¹³.

Второй способ — повышение уровня земледелия. Яковлев видел, что чуваши землю обрабатывали плохо, старыми методами: «Чувашское население,— писал он,— исключительно занимается земледелием, но земледелие это у него поставлено весьма примитивно, а потому создавалась необходимость улучшения его путем распространения теоретических знаний по сельскому хозяйству и в особенности путем развития соответствующих навыков, тем более, что среди чувашского населения нет помещиков и не имеется образцово поставленных хозяйств, которым они могли бы подражать»¹¹⁴.

Исходя из этих соображений, он пытается «распростра-

¹¹² См.: НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 526. С. 547—548.

¹¹³ Орлов В. Обвинение не по адресу // Церковно-общественная жизнь. 1907. № 27. С. 826.

¹¹⁴ Яковлев И. Объяснительная записка к проектам преобразования Симбирской чувашской учительской школы и женских курсов в учительские семинарии // ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 2, ед. хр. 1, Л. 15 на об.

нить среди чуваш, в большинстве случаев живущих не только вдали от больших городов, но даже и от крупных сельскохозяйственных экономий, полезные сведения по обработке почвы, ознакомить их с различными системами севооборота»¹¹⁵. В своей школе Яковлев вводит преподавание основ сельского хозяйства и естествоведения. Он стремится к тому, чтобы выпускники школы, получив назначение в сельскую местность, распространяли сельскохозяйственные знания в народе, показывали образцы умелой обработки земли.

Третий способ — это внедрение в крестьянское хозяйство новых отраслей, таких, как садоводство, огородничество и пчеловодство, а также развитие кустарных промыслов, ремесел. С этой целью Яковлев, в частности, способствует созданию так называемых кружков трудолюбия. Один из них был организован в селе Кошки-Новотимбаеве Буинского уезда. Кружок открыл учебно-показательную столярную мастерскую. Иметь такое «учебно-ремесленное заведение необходимо, так как крестьяне данной местности никаких ремесел не знают и, кроме земледелия, ничем не занимаются», — писал Яковлев¹¹⁶. Он добился отпуска Буинской уездной земской управой денежных средств в сумме 300 рублей для названного кружка трудолюбия.

Просвещение всего народа — мужчин и женщин, приобщение их к русской культуре, дружба со всеми соседними народами, исцеление чиновничества и духовенства от нравственных недугов с тем, чтобы работали честно в общих интересах, подъем материального благосостояния крестьян путем повышения культуры земледелия, проведение демократических реформ, — в этой программе освобождения чувашей от материального и духовного прозябания четко выражены народно-демократические тенденции деятельности чувашского просветителя. Его творчеству характерны упорные поиски ответов на многие выдвинутые современностью вопросы. Хотя он умел говорить прямо и резко правду, выступить в защиту истины, но в условиях царизма не всегда он мог это делать. По собственному признанию в памфлете

¹¹⁵ Яковлев И. Прошлое чувашского просвещения и меры к его развитию // НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 342.

¹¹⁶ Отношение инспектора чувашских школ Казанского учебного округа в Буинскую уездную земскую управу от 3 октября 1899 г. за № 1286 // Журналы Буинского уездного земского собрания очередной сессии 1899 года, с приложениями. Симбирск, 1900. С. 215.

«К вопросу об инородческой миссии в Поволжье», ему на иные вопросы приходилось отвечать молчанием, а помочь народу до конца он был далеко не в силах ¹¹⁷.

Известно, что в период первой русской революции Яковлев выступил с призывом к народу поверить царским манифестам и не бунтовать ¹¹⁸. У трудового крестьянства земли мало: арендовать — дорого, покупать — денег нет. Не сладко приходится и работному люду: хозяева заставляют работать много, а платят мало. Получки не хватает ни на еду, ни на одежду. Но все равно нельзя бунтовать. Революционные действия ни к чему. Чтобы лучше жить, надо учиться грамоте, читать книги и все делать так, как сказано в них. Такова суть выступления Яковлева. Он тогда явно оказался под влиянием либеральных иллюзий. «Стремление к «законности» и «порядку», признание только легальных методов решения назревших вопросов предопределили его консервативную политическую позицию в годы первой русской революции» ¹¹⁹.

Вглядываясь и вдумываясь в окружающую жизнь, публицист приходит к выводу: чувашаи «начинают создавать неудовлетворительность своей культуры и ничтожность материального благосостояния» ¹²⁰. То, что Яковлев стал борцом за национальное возрождение чувашей, свидетельствует о правильном понимании им назревшей потребности развития общества. Однако материалистические проблески в его суждениях не привели к отказу от мысли о том, что решающее влияние на общество оказывают просветители. Сутью мировоззрения Яковлева так и осталось демократическое просветительство, основанное на твердой вере во всемогущую силу разума и знаний.

Чувашские просветители в роли общественных деятелей появились под влиянием русского просветительства. Однако своеобразие исторических условий, в которых чувашскому народу приходилось вести борьбу за лучшую долю в жизни, определило особенности просветительства в этом крае. Эти особенности касаются как

¹¹⁷ См.: НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 762. С. 360.

¹¹⁸ См.: Послесловие. //Высочайшие манифесты 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 года, объяснение к ним и приложение на чувашском языке. Симбирск, 1906. С. 81—83.

¹¹⁹ И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968. С. 12.

¹²⁰ Яковлев И. Центральная чувашская школа в Симбирске //ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, ед. хр. 1008. Л. 273 об.

времени распространения, так и его содержания. Просветительство как определенная система взглядов на общество для Западной Европы характерно в XVIII в., русское просветительство явилось передовой буржуазной идеологией конца XVIII — начала XIX вв. В колониальных окраинах страны, в т. ч. и Среднем Поволжье, крепостнические порядки сохранялись вплоть до начала XX в., поэтому просветительское движение здесь получило распространение сравнительно позже. У исследователей нет единства мнений относительно времени зарождения чувашского просветительства. Например, А. В. Васильев считает, что просветительское движение в Чувашском крае «возникло после отмены крепостного права»¹²¹. Между тем известно: первыми чувашскими просветителями явились С. М. Михайлов (1821—1861) и Н. И. Золотницкий (1829—1880). Почти вся общественно-литературная деятельность первого относится к дореформенному периоду, а второй тоже приступил к этой деятельности до отмены крепостного права. Следовательно, чувашское просветительское движение берет свое начало с дореформенного времени.

Хотя чувашскими просветителями второй половины XIX в. многое позаимствовано у русских просветителей, не все характерные черты русского и чувашского просветительства тождественны. «...В содержании общественной, культурной и литературной деятельности чувашских просветителей и писателей-демократов характерные для русского просветительства черты: вражда к порождениям крепостничества, защита интересов народных масс и содействие их борьбе за свободу выражены значительно слабее»¹²².

Просветительство в России отражало движение против крепостничества, самодержавия, церкви и религии. Просветительская программа Яковлева не включала борьбу против царского самодержавия и задачу революционного переустройства общества. Чувашское просветительство своим острием было направлено на отвоевание у царизма права на образование, развитие самобытной культуры. Приверженцы этого движения главной причиной низкого уровня экономического и куль-

¹²¹ См.: *Васильев А. В.* Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // В кн.: Чувашский язык, литература и фольклор, вып. 4. Чебоксары, 1974. С. 298.

¹²² *Сироткин М.* Заметки по дореволюционной чувашской письменности и литературе / Рукопись // НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 389. С. 2—3.

турного развития своего края считали непросвещенность народа, а материальную первооснову для преодоления этой отсталости видели в просветленном разуме. Отсюда их деятельность направлялась на то, чтобы дать трудовому народу прежде всего образование.

Просветительство в Западной Европе и России олицетворяло борьбу буржуазной демократии против феодализма. Иначе получилось в Чувашском крае. «В пореформенные годы в Чувашии развитие капиталистической промышленности, даже фабрично-заводской, шло почти исключительно вне городов, в сельской местности... Это способствовало формированию пролетариата без отрыва рабочих от земельных наделов»¹²³. Чувашская буржуазия долгое время оставалась малочисленной и слабой, по этой причине просветительское движение носило общедемократический, крестьянский характер. Чувашские просветители обращались ко всему обществу, сочувствовали всему трудовому народу.

В рядах русских просветителей в XVIII в. в основном были дворяне, в XIX в. — разночинцы; а чувашские просветители — почти все выходцы из крестьянских семей. Просветители ряда тюркоязычных народов (Ф. Ахундов, К. Насыри и др.) выступали с атеистических позиций, вели борьбу против мусульманского фанатизма и христианских религиозных догм. Чувашские просветители в целях сближения своего народа с русским народом дело просвещения связывали с распространением христианства. Своеобразие чувашского просветительства заключается также в том, что И. Я. Яковлеву, его последователям «пришлось действовать в условиях не только социального, но и национального угнетения»¹²⁴. Отсюда их пристальное внимание к национальному вопросу.

Итак, особенности чувашского просветительства были predetermined тем, что оно выражало, с одной стороны, стремление к национальному подъему, с другой, отражало отсталость и забитость крестьянства, основного населения этого края. При всей своей ограниченности чувашское просветительство сыграло положительную роль в общественном прогрессе: способствовало созданию национальной письменности и литературы, подъему уровня народного образования и культуры. В

¹²³ Кузнецов И. Д. Деятельность И. Я. Яковлева по национальному подъему чувашей // УЗ ЧНИИ, вып. 42. Чебоксары, 1969. С. 16.

¹²⁴ Там же. С. 17.

целом чувашское просветительское движение носило прогрессивный характер. Оно будило чувство национального самосознания. Требования его направлялись к улучшению жизни народа. Национальное пробуждение объективно способствовало ослаблению русского самодержавия.

3. Литературная деятельность педагога в советские годы (1917—1922 гг.)

После свержения царского самодержавия образуются в Чувашии первые Советы. 17 марта 1917 г. возникает Чебоксарский Совет гражданских депутатов, который вскоре преобразуется в Совет рабочих и солдатских депутатов. Его печатный орган — большевистская газета «Чебоксарская правда» сыграла значительную роль в деле подготовки трудящихся масс к проведению социалистической революции. Выходила она с 10 апреля по 30 июня два раза в неделю тиражом 500 экз.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начинает развиваться подлинно народная печать. К началу 1920 г. на чувашском языке было издано 59 названий книг общим тиражом 750 тыс. экз. Для ведения издательского дела в 1920 г. создается Чувашское отделение Госиздата. Если раньше чувашские книги выпускались в Казани, Симбирске и Уфе, то после этого книгоиздательское дело сосредотачивается в одном центре — Чебоксарах. В 1924 г. общий тираж книг превысил уровень 1913 г. в два раза ¹²⁵.

Создается сеть партийно-советской периодики. С 28 февраля 1918 г. начинает издаваться в Казани чувашская газета «Канаш» (Совет). С октября того же года выпускается вторая чувашская газета «Чухансен саси» (Голос бедноты) — орган Чувашского отделения политотдела пятой армии. Пробуждались к жизни уездные газеты. В разных городах Поволжья и Приуралья на чувашском языке издается целый ряд других газет. Более широкое развитие получает чувашская периодическая печать с образованием в июне 1920 г. Чувашской автономной области.

Поставив своей задачей превращение школы из ору-

¹²⁵ См.: *Сергеев М. Т.* Возникновение и развитие печати Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1971. С. 12; Печать Чувашской АССР за 50 лет. Чебоксары, 1971. С. 4—5.

дия классового господства буржуазии в орудие коммунистического воспитания трудящихся, Советское государство сразу же после Октябрьской социалистической революции приступило к коренной перестройке народного образования. В стране вводится всеобщее обязательное бесплатное обучение. «Массовое открытие новых школ в Чувашии началось весной 1918 года... В первый же год Советской власти число начальных школ по сравнению с 1913 годом увеличилось в 1,5 раза, а средних учебных заведений — в 4 раза»¹²⁶. В. И. Ленин 26 декабря 1919 г. подписал декрет о ликвидации неграмотности. Для претворения в жизнь этого декрета в Чувашии повсеместно были организованы ликпункты, где обучались тысячи мужчин и женщин.

Установление в стране Советской власти чувашский педагог-публицист И. Я. Яковлев воспринял как «мощный поворот в сторону демократизации... общественного строя»¹²⁷. Он сразу же установил деловые контакты с советскими учреждениями. В ноябре—декабре 1918 г. вместе со своим учеником И. С. Степановым перевел на чувашский язык Конституцию РСФСР. Теперь педагог увидел реальные возможности поставить на прочные рельсы не только Симбирскую школу, но и все дело народного образования.

Народная власть закрепила завоевания Яковлева в области просвещения, тем самым придала ему свежие силы и творческую активность. Если в прежние времена он стремился поднять чувашей до уровня русской культуры, то теперь им завладела идея европеизации чувашской духовной жизни. Это означало приобщение чувашей с помощью великого русского народа к прогрессивной мировой культуре¹²⁸. В выполнении такой задачи главная роль им отводилась народному образованию. Чувашское просвещение, по Яковлеву, должно стать движением «к благу родины и человечества»¹²⁹.

О своих новых планах Яковлев решил сообщить В. И. Ленину. Письмо было написано 21(8) февраля

¹²³ В братской семье народов СССР. Чебоксары, 1950. С. 137.

¹²⁷ Яковлев И. Я. Ответ на приветствие II Всероссийского съезда Советов среди чувашей и I областного съезда Советов Чувашской автономной области в ноябре 1920 г. //И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 124.

¹²⁸ См.: И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 93.

¹²⁹ Яковлев И. Объяснительная записка В. И. Ленину //УЗ Чув-госпединститута, вып. XXXIII. Чебоксары, 1971. С. 281.

1918 г. «Петроград, Владимиру Ильичу Ульянову, Председателю Совета Народных Комиссаров», — указал Яковлев адрес на конверте, скрепил его сургучной печатью. Отправить письмо он сразу не сумел, а тем временем Советское правительство переехало в Москву. Узнав об этом, Яковлев слово «Петроград» зачеркнул и вместо него написал: «Москва, Кремль».

«Вероятно, Вам памятна на Вашей родине в г. Симбирске на берегу Свияги Чувашская школа, тем более Вы в ней не раз бывали... Пользуясь случаем, я и хочу написать Вам, Владимир Ильич, об этой школе несколько слов», — начинает свое письмо Яковлев¹³⁰. Далее автор оглядывается на прошлое чувашской школы, указывает на то трудное положение, в котором она очутилась. При Временном правительстве школа объявляется учительской семинарией, но это преобразование материально ничем не было подкреплено. Чувашский педагог обращается к Ленину с просьбой «оказать содействие в преобразовании смешанной учительской семинарии и ассигновании потребной суммы». В письме речь идет о преобразовании трехгодичных женских педагогических курсов в учительскую семинарию, ибо в 1917 г. подобное преобразование коснулось только мужской учительской школы. Однако просьба эта не дошла до Ленина, потому что письмо осталось неотосланным. Оно обнаружено после смерти автора среди его бумаг.

Ленин высоко ценил деятельность Яковлева по просвещению чувашского народа, не раз проявлял о нем личную заботу. В бурные дни гражданской войны чувашские националисты, оказавшись на руководящих постах в губернском отделе народного просвещения, под видом борьбы против старорежимцев предприняли попытку отстранить Яковлева от руководства школой. Узнав об этом, Владимир Ильич 20 апреля 1918 г. дает специальную телеграмму председателю Симбирского Совдепа с указанием не отрывать И. Я. Яковлева от дела его жизни¹³¹.

Личная заинтересованность вождя судьбой просветителя народа подтверждается и тем, что в верхней части документа он своей рукой сделал пометку: «Прошу прислать мне лично счет за эту телеграмму» (Выделено В. И. Лениным. — И. Т.). Вмешательство Влади-

¹³⁰ НА ЧНИИ, отд. II., ед. хр. 655, инв. 1898.

¹³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 61.

мира Ильича возымело свое действие. Женские педагогические курсы решением Наркомпроса от 26 апреля 1918 г. были преобразованы в семинарию, а через некоторое время Яковлев стал председателем педсовета обеих семинарий.

Чуваши́ские националисты в 1919 г. выступили с новыми нападка́ми на И. Я. Яковлева. В частности, ими принимается решение о выселении его из квартиры. Чуваши́ский отдел при Народном комиссариате по делам национальностей 12 августа того же года по этому поводу встревоженно писал из Казани в Симбирск следующее: «Сообщая Чуваши́скому подотделу, что Центральным чуваши́ским отделом еще в ноябре было возбуждено ходатайство пред Наркомпросом об оставлении И. Яковлева в занимаемой им квартире и назначении усиленной пенсии, Чуваши́ский отдел считает необходимым довести до сведения Симбирского Чувотдела, что подобные ничем не оправдываемые действия по отношению к И. Я. Яковлеву являются недопустимым, недобрым и легкомысленным шагом... Не надо забывать, что И. Яковлеву мы обязаны, что мы чуваши, коммунисты»¹³². Однако действия губотделовцев по выселению Яковлева из занимаемой им квартиры при школе не прекратились. В. И. Ленин, занятый делами государственной важности, снова находит время для оказания помощи народному педагогу. 28 августа 1919 г. в телеграмме Симбирской губернской чрезвычайной комиссии он потребовал: «Не выселяйте старика Ивана Яковлевича Яковлева и его жену из квартиры. Об исполнении сообщите»¹³³. Проявление такой чуткой заботы со стороны главы Советского правительства глубоко взволновало Ивана Яковлевича. Оно было особенно знаменательно потому, что в молодости ему оказывал всяческое содействие директор народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов, а теперь воодушевлял своим вниманием его сын — Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Губоно в сентябре 1919 г. решил закрыть Симбирскую чуваши́скую школу, называвшуюся в то время учительской семинарией, и разместить в ее зданиях общереспубликанский институт народного образования, тогда как Совет самой семинарии ходатайствовал об учреждении в Симбирске Чуваши́ского института народного

¹³² ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 9, ед. хр. 4.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 39.

образования (Чувино). Однако заведующий Симбирским губоно М. Б. Гольман создание специального Чувашского института считал нежелательным. «Для Симбирской губернии нужен русский институт. Открывать в Симбирске же еще особый Чувашский институт не имеет смысла, ибо чувашаи могут учиться и в русском институте, раз в этом русском институте будет чувашский цикл», — писал он в Наркомнац¹³⁴.

В связи с реорганизацией Симбирской чувашской школы Яковлев в ноябре 1919 г. написал второе письмо главе Советского правительства. Оно озаглавлено «Объяснительная записка В. И. Ленину». Письмо имеет богатое содержание. В нем дается краткая история чувашского просвещения, подробный рассказ о значении Симбирской чувашской учительской школы в просвещении народа, о ее основных принципах, об особенностях созданной им системы трудового воспитания. Здесь же находим план строительства новой школы.

Яковлев начинает письмо взволнованным выражением своих искренних чувств: «Позвольте принести Вам мою самую сердечную благодарность за то великодушное участие, какое Вы приняли в вопросе о принудительном выселении меня из квартиры, много лет мною занимавшейся по праву, выговоренному мною при продаже дома духовному ведомству, передавшему его затем с таким же условием Министерству народного просвещения. Вам я обязан тем, что меня, кажется, оставят, наконец, в покое»¹³⁵. Но не в этом цель письма. Пишет он и не потому, что «остался на старости без всяких средств существования, без содержания и даже без пенсии»... Подобные намерения он отрицает категорически: «Да и пишу я Вам в данную минуту, опять-таки, не с эгоистической целью — напомнить о моих заслугах, разжалобить, вымолить какую-либо подачку у Советской власти — ввиду моей старости, дряхлости, старческих недугов и нужды. Нет. С такими задними мыслями я никогда и ранее не обращался к «сильным мира сего». Мог ли бы я изменить себе в этом отношении, стоя у могилы?»¹³⁶

Думал Яковлев о другом. «Объяснительная записка

¹³⁴ Цит. по кн.: К вопросу о преобразовании Симбирской чувашской учительской семинарии в общий институт просвещения. Казань, 1920. С. 37.

¹³⁵ Цит. по кн.: УЗ Чувгоспединститута, вып. XXXIII. С. 268.

¹³⁶ Там же. С. 275.

В. И. Ленину» была вызвана заботой педагога о народном образовании, думами о дальнейшей судьбе Симбирской чувашской школы. Вновь созданный Общереспубликанский институт народного образования, как доказывает Яковлев, «не имеет ничего общего с каким-либо, ранее существовавшим, чувашским учебным заведением». Подобная реорганизация школы не соответствует насущным потребностям просвещения чувашского народа. Сельские школы остро нуждаются в учительских кадрах, поэтому Яковлев хочет сохранить Симбирскую школу как самостоятельное чувашское педагогическое учебное заведение. Объяснительная записка — это крик его души, поэтому в ее строках чувствуются взволнованность и горячность автора: «Многоуважаемый Владимир Ильич! К кому же, как не к Вам, так много сделавшему для меня, не только ввиду личных заслуг моих, сколько во имя того чувашско-народного дела, которому я служил и готов еще служить по мере моих слабеющих сил, обратиться мне, в столь трудную, тяжелую для меня минуту жизни, с раздирающим душу стоном: «Не дайте погибнуть в духовной тьме родному мне чувашскому народу! Не дайте умереть идее об особом среднем учебном для него заведении, которое готовило бы по-прежнему учителей и учительниц для сельского населения, на благо его и радость!»¹³⁷ Далее он высказывает желание создать в здании Симбирской школы для чувашей особый учительский институт или четырехгодичные педагогические курсы, просит Ленина оказать содействие в возвращении Чувашскому учебному заведению сельскохозяйственной фермы и восстановлении мастерских.

Поиски Яковлевым путей подготовки учительских кадров для чувашских школ бесспорно заслуживали одобрения. Понятно нам и его стремление сохранить свое детище — Симбирскую чувашскую учительскую школу, которая имела хорошо налаженную учебно-материальную базу, опытных преподавателей. Глубоко прав он и тогда, когда требует воспитания в труде. «Объяснительная записка В. И. Ленину» характеризует Яковлева как преданного борца за народное просвещение, с особым воодушевлением продолжающего свое дело и при Советской власти.

Вместе с тем произведение содержит богатый материал для выяснения общественно-политических взглядов

¹³⁷ Цит. по кн.: УЗ Чувгоспединститута, вып. XXXIII. С. 278—280.

автора. Здесь Яковлев называет царскую империю «бл-лой бюрократической Россией», а старый порядок повышения по служебной лестнице считает прискорбным. Он душевно рад тому, что с педагогической бюрократией покончено. Советскую власть называет народовластием. С чувством большой гордости сообщает вождю, что его воспитанники преданно служат этой власти¹³⁸.

Мечты педагога, изложенные в «Объяснительной записке В. И. Ленину», сбылись. С 1 сентября 1920 г. чувашские трехгодичные педагогические курсы, функционировавшие при общем институте народного образования, преобразуются в Симбирский чувашский институт народного образования (Чувино) с отделениями по подготовке школьных работников I и II ступени. При институте создается сельскохозяйственный техникум. ВЦИК своим постановлением от 9 февраля 1922 г. все, что было создано И. Я. Яковлевым и его последователями, передал из ведения Симбирского губисполкома в руки Чувашской автономной области. Симбирский чувашский институт народного образования и сельскохозяйственный техникум при нем со всем находящимся в их распоряжении движимым и недвижимым имуществом, в том числе и сельскохозяйственной фермой, объявляются достоянием чувашских трудящихся масс.

Следующее письмо Яковлева к В. И. Ленину связано с тяжелым бедствием — катастрофическим неурожаем 1921 г. Населению Поволжья угрожал страшный голод. О неурожае в Симбирской губернии и необходимости срочных мер Яковлев снова пишет В. И. Ленину¹³⁹. И на этот раз письмо не осталось без последствий. Владимир Ильич сразу же начал выяснять, поступают ли в Симбирскую губернию продукты, доставляемые в Советскую Россию благотворительной организацией АРА (Американской администрацией помощи). Председателем АРА был Гувер Герберт Кларк. Сохранилась небольшая записка, написанная В. И. Лениным 4 сентября 1921 г.: «Т. Каменев. Вероятно, в эту губ (ернию) и идут грузы Гувера?»¹⁴⁰ Советское прави-

¹³⁸ Об «Объяснительной записке В. И. Ленину» см.: Волков Г. Н. Формирование демократической педагогики чуваш //Рукопись //НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 461; Дмитриев В. Д. Заметки о личном архиве И. Я. Яковлева //УЗ ЧНИИ, вып. XV. Чебоксары, 1957. С. 224—226.

¹³⁹ ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 9, ед. хр. 69.

¹⁴⁰ Ленинский сборник, т. XXIII, М., 1933. С. 157.

тельство во главе с В. И. Лениным организовало все-народную борьбу с голодом. Особенно большая помощь была оказана голодающему населению Чувашии. К ней были прикреплены Москва и Московская губерния. Трудящиеся города и губернии ежемесячно отчисляли в помощь голодающим четыре процента от зарплаты, выделяли им также значительную часть продовольственного пайка. Кроме того, они приняли у себя 11 тысяч детей из Чувашии. В. И. Ленин передал в фонд помощи голодающим свою золотую медаль, которую он получил за отличное окончание Симбирской гимназии¹⁴¹. В трудное время чувашскому народу была оказана родной страной всесторонняя братская помощь.

Новый прилив сил, принесенный Яковлеву Советской властью и ее поддержкой дела всей его жизни, положительно сказался и на его дальнейшей литературно-публицистической деятельности. В 1918—1919 гг. он вдохновенно диктует литератору А. В. Жиркевичу «Воспоминания о семье Ульяновых». «Повествование «О В. И. Ульянове-Ленине и его семье мы составили с Иваном Яковлевичем в буквальном смысле в боевой обстановке: из-за обладания Симбирском шла борьба между белыми и красными, над городом и в самом городе рвались снаряды...» — напишет потом Жиркевич¹⁴². Белогвардейские отряды Каппеля ворвались в Симбирск утром 22 июля 1918 г. Зверствовали они в городе в течение 52 дней. Коммунистов, красноармейцев, сторонников Советской власти расстреливали на Базарной площади, на Новом Венце, у стен кадетского корпуса. Казалось, что Советской власти в городе пришел конец. И в эти страшные дни Яковлев сел писать свои воспоминания о смелом кормчем государства рабочих и крестьян — о В. И. Ленине. Эти воспоминания дают новые данные о характере воспитания детей в семье Ульяновых, о взаимоотношениях между ними, об их детских и юношеских увлечениях и т. д.

Следует заметить, что при литературной доработке мемуаров соавтором местами было допущено произвольное толкование фактов, что Яковлев не одобрил. «Мои черновики забраковал, т. е. изменил их... Яковлев стал было извиняться передо мной, что переделал

¹⁴¹ См.: Сашин П. Дары Чувашии // Советская Чувашия. 1976. 21 июля.

¹⁴² ГМТ, отд. рукописей, ф. А. В. Жиркевича, дневники, запись от 28 н-бря 1919 г.

мои черновики (как будто бы я могу за это на него обидеться?)», — признавался сам Жиркевич¹⁴³. Яковлеву не суждено было довести до конца начатую им переработку. На полях машинописного варианта его труда остались пометки А. И. Ульяновой-Елизаровой, требующие исправления отдельных положений мемуаров¹⁴⁴. По этим причинам были опубликованы лишь два небольших отрывка из мемуаров Яковлева — газетой «Известия Одесского губкома КПБУ, губисполкома и губпрофсовета» и в книге «Ленин и трудящиеся Чувашии», а произведение в целом увидело свет лишь в 1982—1983 гг. в двух изданиях «Воспоминаний» И. Я. Яковлева.

Глубоко патриотична лебединая песня Яковлева — «Духовное завещание чувашскому народу» (Чăваш халăхне пехил)¹⁴⁵, написанное по-русски, затем переведенное на чувашский язык. В этом произведении сконцентрированы богатый жизненный опыт автора, собранная годами мудрость и емкое публицистическое слово. В него Яковлев вложил весь свой талант публициста, продемонстрировав высокую технику оттачивания каждой фразы. «Обращаюсь к вам первым, друзья и родичи мои чуваша», — начинает он свое завещание. Стиль изложения таков, будто автор говорит негромким задушевым тоном. Каждое слово звучит и как пламенный призыв, и как строгий наказ.

У Яковлева свое понимание патриотизма. Он считает, что настоящий патриот, во-первых, должен быть преданным русскому народу, матери-России. Поэтому он дает наказ чтить и любить «великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли». «Народ этот, — продолжает автор, — принял вас в свою семью как братьев; не обидел и не унижил вас... Народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него». Во-вторых, истинный патриотизм подразумевает горячую любовь к родному народу. Яковлев не ограничивается тем, что сам любит свой народ и честно служит ему, он призывает своих читателей иметь крепкую связь с род-

¹⁴³ ГМТ, отд. рукописей, ф. А. Жиркевича, дневники, запись от 31 марта 1918 г. Тетрадь № 56. С. 55.

¹⁴⁴ См.: письмо И. Баранова, директора Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина профессору Маркову А. С. (Хранится в музее И. Я. Яковлева при Чувгоспединституте).

¹⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 8, ед. хр. 13.

ным народом и верно служить ему. Этот призыв относится ко всем чувашам. Кому выпало счастье получить образование, те обязаны помогать своим сородичам, не ожидая подсказки со стороны. «Помните,— говорится в завещании,— что долг работать над просвещением чуваш лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их же среды». Деятельность в этом направлении истинно патриотична. Это и будет служением народу. Труд по просвещению его не пропадет, а принесет свои плоды. Тех, кто честно исполнил свой долг, вознаградит народная любовь.

Следующий наказ Яковлева — быть трудолюбивым, терпеливо относиться к любому делу — большому и малому, ибо «самое малое дело можно осветить и осмыслить любовным к нему отношением и самое большое можно уронить и обесславить отношением небрежным и нерадивым». Сила мирного труда велика, успех и счастье — все от него.

Яковлев советует чувашам жить в дружбе и согласии, беречь семью как опору народа и государства. Последнее его пожелание — соблюдать скромность. Ярким примером в этом являлась вся жизнь самого автора и его семьи. Удивительно скромен он и в своем завещании: «Сердечно благодарю за тепло и ласку, которыми не по заслугам моим дарили меня вы, мои соплеменники, и многие, многие русские люди, приходившие с открытым сердцем на помощь моему делу. Горячую благодарность приношу всем товарищам и сотрудникам моим по работе: без их бескорыстного усердия был бы невозможен и мой труд». Здесь нет ни слова о той помощи, которую он сам оказывал людям, нет и намека на то, что вся жизнь его была отдана служению народу.

Нельзя не указать на следующее обстоятельство: Яковлевым строки своего наказа чтить и любить великий русский народ писались в то время, когда чувашские националисты типа А. П. Милли ставили вопрос о замене чувашского алфавита латинским, так как существующий алфавит, созданный на основе русской графики, якобы «приводит к национальному развалу чуваш». С их стороны раздавались требования «освободить дух чувашского народа от оков, наложенных на него русской культурой, и следовать за западной культурой»¹⁴⁶. Завещание Яковлева не оставляло сомнений

¹⁴⁶ Отчет о деятельности Общества изучения местного края Чувашии за 1921—1922 гг. Чебоксары, 1923. С. 20—22.

в безрассудности подобных требований. Оно получилось содержательным и поучительным потому, что было выстрадано жизнью, а выразительности и эмоциональности автор добился построением его в форме традиционных семи чувашских пожеланий старшего в семье перед смертью и обогащением жемчужинами народной речи.

И. Я. Яковлев с помощью литератора А. В. Жиркевича в 1918—1922 гг. создает объемистую рукопись «Моя жизнь». Кропотливая работа, часто прерываемая необходимостью наведения справок, тянулась в течение пяти лет. Это автобиографическое произведение прежде всего интересно показом того, как его автор, выходец из самых бедных слоев чувашского народа, в условиях царской России смог в числе первых получить образование, а затем — довольно высокую должность в системе народного образования. Он бросил вызов существующим порядкам и сумел проложить свой путь в жизни. В этом ему помогали упорный труд, незаурядные способности. Но путь к цели жизни сопровождался унижительными оскорблениями недоброжелателей и открытых врагов, подчеркивавших при каждом удобном случае его происхождение.

«Моя жизнь» — это не просто хронологическое изложение событий, связанных с жизнью автора, а тонкий психологический анализ того противоречивого положения, в котором находился в чиновничье-бюрократической стране чувашский просветитель. С одной стороны, его ценят за деловые качества, честность и человечность, с другой — дают понять, что его кипучая просветительская деятельность на благо немногочисленного народа нежелательна, подозревают без серьезных на то оснований в стремлении к сепаратизму и в других действиях, якобы наносящих вред государству.

Если судить по названию произведения, то оно должно содержать в основном автобиографию автора. Однако мемуары шагнули далеко за пределы этих рамок. В центре их те личности, с которыми он встречался в детстве, в период длительной общественно-педагогической и литературно-публицистической деятельности. Автор рисует не только встречи и переписку с царскими чиновниками, но и выводит целую галерею людей того времени, начиная с крестьян и своих сослуживцев и кончая губернскими тузами, высокопоставленными сановниками, самим царем. Каждый персонаж показан

со всеми его достоинствами, слабостями и пороками.

Сюжет «Моей жизни» основан на столкновении двух противоборствующих сил — передовых деятелей народного просвещения со старой педагогической бюрократией. Прежде всего, автор осуждаются те порядки, при которых на ответственные должности «выдвигались случайные, не соответствовавшие своему назначению люди»¹⁴⁷. В этом смысле интересен рассказ о П. М. Теренине, являвшемся председателем Буинского уездного училищного совета и предводителем уездного дворянства. Этот человек настолько ничтожен, что о нем и говорить-то не следовало. Его можно охарактеризовать двумя словами — «мерзавец, идиот». «Тем не менее, Теренин, как сын симбирского губернатора, имевшего связи, был камер-юнкером, а затем даже вице-губернатором...»¹⁴⁸. Неодобрительно пишет автор также о назначении министром просвещения Н. А. Кульчицкого, от которого педагоги-новаторы не могли ждать ни доброжелательного отношения, ни поддержки.

Яковлев широко рисует самодержавную Россию, создает впечатляющие картины тяжелой жизни народа, осуждает произвол и беззаконие. Бесчеловечность к крестьянам проявлялась не только местной администрацией. В 1871 г. город Симбирск посетил Александр II. В то время Яковлев, студент Казанского университета, находился в Симбирске. По его словам, он был патриотом и «питал к царю такое же обожание, как и Мушкеевы»¹⁴⁹. Однако эти чувства быстро развеялись, когда он увидел царя своими глазами. У молодого Яковлева отрицательное впечатление вызвала прежде всего внешность царя. «Он был все время не в духе. Хорошо помню его бледное, осунувшееся, с мрачным выражением лицо, высокий рост», — с явной антипатией описывает его автор¹⁵⁰. Царь не одарил людей теплым взглядом и в гимназии. Здесь Яковлев находился вместе с бывшими ее учениками, ставшими уже студентами. Проходя мимо, «государь недовольно оглядел нашу группу, особенно косо, строго на меня посмотрел», — отмечает публицист¹⁵¹. Он не одобряет выходку царя и

¹⁴⁷ Яковлев И. Я. Моя жизнь /Машинопись /НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 754. С. 250.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 120.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

при встрече с крестьянами села Кременки, которые остановили его коляску, бросившись на колени. Просьбу крестьян он посчитал нелепой, рассердился на них и закричал: «Та рука, которая подписала вам освобождение, подпишет и новое закрепощение»¹⁵². «В сущности же просьба о садах, отведенных в невыгодных местах, была основательна»¹⁵³, но императорскому величеству нужды народа были абсолютно чужды. «В общем, государь оставил во мне неприятное впечатление», — резюмирует публицист¹⁵⁴.

Бесконечные притеснения, непосильные поборы, незаконные действия властей приводили к крестьянским волнениям. В мемуарах описывается восстание крестьян в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, где «расстреляли без суда около семидесяти крестьян»¹⁵⁵. Тепло отзывается автор о молодом казанском профессоре А. П. Щапове, произнесшем в апреле 1861 г. на панихиде по жертвам расстрела революционную речь и подвергшемся за это репрессиям. Как драгоценную реликвию хранил Яковлев его «речь в списке», которую впоследствии подарил сыну Алексею. «Подобное же восстание крестьян возникло в 1861 г. в селе Алексеевском»¹⁵⁶.

Интерес к мемуарам Яковлева вызывается не только правдивым освещением событий прошлого, но и тем, что они помогают выяснить его взгляды на окружающую жизнь. Заметим, что свои воспоминания автор не сумел окончательно отделать из-за болезни глаз. Об этом он с сожалением пишет 6 февраля 1923 г. сыну Алексею¹⁵⁷. Тем не менее, произведение «Моя жизнь» не потеряло своего актуального значения вплоть до настоящего времени, о чем свидетельствует хотя бы частое обращение к нему многих исследователей.

Таким образом, в послеоктябрьское время И. Я. Яковлевым написаны три письма В. И. Ленину, мемуары «Воспоминания о семье Ульяновых», «Николай Иванович Ильминский» и «Моя жизнь». В произведениях последнего периода он подводит итоги своей долголетней деятельности, составляет планы строительства новой

¹⁵² Яковлев И. Моя жизнь. С. 120.

¹⁵³ Там же. С. 121.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ При подавлении восстания было убито и ранено свыше 350 крестьян.

¹⁵⁶ Яковлев И. Моя жизнь. С. 198.

¹⁵⁷ См.: НА ЧНИИ, отд. II, д. 848. Л. 1.

школы в условиях Советской власти. Венцом литературного творчества Яковлева в этот период является «Духовное завещание чувашскому народу», написанное в августе 1921 г. Литературной деятельностью он пытается заниматься и позже. Так, в 1922 г. в связи со столетием со дня рождения Н. И. Ильминского пересмотрел и дополнил ранее написанные мемуары. В 1924 г. старый публицист, потрясенный смертью В. И. Ленина, вознамерился переработать воспоминания о нем. Об этом свидетельствует сохранившийся план воспоминаний. Однако намеченное осуществить ему не удалось.

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
МАСТЕРСТВА И. Я. ЯКОВЛЕВА

При рассмотрении творческого наследия И. Я. Яковлева мы исходим из установок классиков марксизма-ленинизма по определению целей и задач публицистики. К. Маркс писал: «Но разве не заслуживают... похвалы — и именно похвалы *с точки зрения государства* — те газеты, которые ... завоевывают для *отечества* все то внимание, весь тот лихорадочный интерес и все то драматическое напряжение, которые сопровождают всякий *процесс становления* и прежде всего *процесс становления современной истории!*»¹ Следовательно, он считал, что газета прежде всего должна обращать внимание на современные факты и события. К. Маркс и Ф. Энгельс в газете на первое место ставили «ее повседневное вмешательство в движение и возможность быть непосредственным рупором этого движения, отражение текущей истории во всей ее полноте»². Имея в виду превращение революционного слова в революционное дело, В. И. Ленин главную цель публицистов определил так: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»³. Публицистика разъясняет, убеждает, создает определенное об-

¹ Маркс К. Запрещение «Лейпцигской всеобщей газеты» //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 172.

² Маркс К., Энгельс Ф. Извещение о выходе «Новой Рейнской газеты, Политико-экономического обозрения» //Там же. Т. 7. С. 1.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208.

ественное мнение. Таким путем она выполняет стоящую перед ней главную цель — добиться оперативной активизации народных масс и их организаций в решении основных проблем сегодняшнего дня.

Энгельс указывал: «Мы все согласны с тем, что в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам фактов, ...нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов...»⁴. Это высказывание следует отнести и к области публицистики. Перед публицистом современная действительность предстает прежде всего как особенные, единичные, конкретные факты и вытекающие из них обстоятельства. Через особенное им воспроизводится общее, ибо «всякое отдельное есть (так или иначе) общее»⁵.

Сказанное подтверждается и публицистикой И. Я. Яковлева. В своем творчестве им отражались горячие, «говорящие» факты чувашской действительности. Появляется в печати первый чувашский календарь — публицист незамедлительно пишет о нем рецензию «Сӧлдалык кнеге» (1867). Открытие школы в Средних Алгашах Симбирского уезда вызывает публикацию корреспонденции «Сведения, доставленные инспектором чувашских школ» в земской газете (1878).

И наука, и художественная литература, и публицистика отражают действительность с определенной переработкой. Специфика отражения заключается в характере переработки. Наука «представляет собой... переработку впечатлений в определенную систему идей»⁶. Писатель глубоко осмысливает жизнь, на основе этого создает собирательный образ. Публицист строго отбирает нужные ему факты, явления и события, анализирует и обобщает их, дает соответствующую оценку. Он создает подлинную картину жизни.

Чувашским читателям Яковлев известен и как публицист, и как писатель. Как публицист он отобразил ряд документально-подлинных персонажей: первого своего учителя по Бурундукскому удельному училищу А. И. Баратынского («Протоиерей А. И. Баратынский»), русского крестьянина Г. И. Мушкеева («Моя жизнь»),

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 370—371.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

⁶ Филатов В. С. Социальная психология и идеология // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов, вып. 5. М., 1963. С. 209.

отца великого Ленина — И. Н. Ульянова («Воспоминания о семье Ульяновых») и многих других. Эти подлинные лица воссозданы автором с документальной точностью. Как писатель он создал собирательные образы темных суеверных мужиков в рассказе «Вихрь», незадачливого рассеянного человека в рассказе «Как мужик лошадь искал» и т. д. Эти образы не документальны, созданы путем типизации и художественного обобщения. В корреспонденции «Дружная семья» Яковлев дает конкретные документальные картины жизни Симбирской чувашской школы: круглые сироты Петр и Максим Дерюгины, братья Иван и Федор Сельцовы по национальности русские, «но приобрели расположение товарищей чуваш». Вытекающие из таких конкретных примеров мысли автор излагает в понятийной форме: «Не излишне кстати сказать,— обращается он к читателям,— что в школе семейная простая жизнь и обстановка совершенно сглаживают национальные особенности инородцев, и между чувашскими и татарскими воспитанниками, с одной стороны, и русскими, с другой, никаких столкновений не бывает. Точно также присутствие в школе нескольких язычников из чуваш не нарушает добрых отношений между мальчиками: язычники не подвергаются намекам и укоризнам со стороны своих товарищей...»⁷.

Публицистом берутся для отображения не все факты и явления подряд, а те, которые общественно значимы. Находить их И. Я. Яковлеву помогала четко осознанная цель. Так, в губернской и столичной прессе он выступил несколькими статьями по вопросам чувашского женского образования. Освещение публицистом обстоятельств этого дела имело большую общественную значимость, так как организация женского образования вырывала чувашку от патриархально-семейных пут и вовлекала ее в общественную жизнь. «Первый хозяйственный год фермы при Чувашской учительской школе»⁸ также оказался событием общественной значимости, так как здесь будущие учителя получали основы сельскохозяйственных знаний с целью распространения их среди населения. Для Яковлева критерием общественной значимости фактов, явлений, — событий действительности и сопутствующих им обстоятельств

⁷ Симбирская земская газета. 1878. 6 авг.

⁸ См. статью под таким названием: Симбирские губернные ведомости. 1894. 12 окт.

служили связь с проблемами национального возрождения чувашей, наличие заряда побуждения к действию, активному влиянию на жизнь.

Публицистическое постижение действительности естественно связано с человеческими интересами, с его деятельностью. На жизнь общества в первую очередь оказывают влияние факты и явления политической жизни. Они и представляют первейший интерес для общества. В публицистике политическая жизнь общества находит свое наиболее полное отражение. Политика составляет основное содержание революционной публицистики. Однако понятие общественной значимости вовсе не ограничивается политической жизнью общества. Публициста интересуют и новые научные открытия, и последние творения художников. Его привлекают все новости в развитии материальной и духовной культуры. Особенно раздвинулись рамки публицистики с тех пор, как информацию стали признавать одним из ее видов.

Сфера деятельности человека не ограничивается социальной жизнью. Он соприкасается и с природой, «поскольку... имеет дело не только с социальным, но и с природным окружением...»⁹. Поэтому публицист не оставляет без внимания и обильные снегопады, и движение по звездному небу необычайной кометы Когоутека, и переселение зверей, и представительницу вымерших рыб крупную латимерию, пойманную обычной удочкой, и многие другие явления окружающей нас действительности. Значит, предмету публицистики не чужда и природа. Она тоже имеет прямое отношение к жизни и деятельности людей и представляет общественную значимость. Это и понятно. Вся жизнь человека основана на изучении и сознательном использовании законов природы и общества. Таким образом, предмет публицистики нельзя ограничивать фактами и явлениями социальной жизни. Им являются общественно значимые факты и явления всей современной действительности.

Объектом публицистики Яковлева являлся весь окружающий мир. В его творчестве находили отображение жизнь чувашского крестьянина в пореформенный период, предрассудки и суеверия простого народа, сельский быт, чувашская культура, окружающая природа,

⁹ Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971, С. 82.

растительный и животный мир и т. д. Творчество чувашского публициста дает основание считать объектом публицистики всю современную действительность, весь окружающий мир, а предметом публицистики — общественно значимые документальные факты, явления и события современной действительности и вытекающие из них обстоятельства.

Хотя предмет публицистики охватывает весь мир, всю окружающую человека действительность, основными ее вопросами являются политика и жизнь общества. Эти вопросы вовсе не чужды творчеству Яковлева. Мечтая о всеобщем благе и понимая свой гражданский долг в бескорыстном служении народу, он выражал сочувственное отношение к бедным, огорчался «трудно выносимую тяжестью жизненных условий»¹⁰ и хотел добиться улучшения духовной и материальной жизни народа. По национальному вопросу, делу просвещения нерусских народов Поволжья высказывал в печати свои собственные воззрения, не совпадающие с официальными. Автор энергично занимался поисками путей практического решения жгучих общественных проблем современной ему действительности. Правда, произведения Яковлева не были направлены против существовавшего тогда политического строя, но им характерно активное отношение к жизни. Политическое воздействие на жизнь народа он стремился оказывать с позиций демократа-просветителя.

Яковлев в периодической печати в основном поднимал вопросы народного просвещения. Литература по данным вопросам не может не относиться к публицистике прежде всего потому, что в них отражены насущные практические задачи общества. По мнению Н. Г. Чернышевского, публицист «выражает и поясняет те потребности, которыми занято общество в данную минуту»¹¹. С отменой крепостного права в России ускорило развитие капитализма, потребовавшее больше грамотных людей. Увеличилась тяга трудового народа к лучшей жизни. Эти потребности общества и выражал в большинстве своих литературных трудов чувашский просветитель.

¹⁰ Яковлев И. Об открытии педагогических курсов при Аликовском двухклассном училище //Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. Спб., 1905. С. 286.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Чичерин как публицист //Полн. собр. соч. Т. V. М., 1950. С. 647.

Богата публицистика своими идейно-тематическими разновидностями. Различают политическую, экономическую, философскую, морально-этическую и др. разновидности ее. По своей основной сути публицистику Яковлева следует отнести к просветительно-педагогической.

Тематика публицистических произведений Яковлева охватывает многие стороны чувашской действительности. В «Энциклопедическом словаре» дается следующее определение темы: «Тема — обозначение круга жизненных явлений или вопросов, которые собраны автором и изображены в его произведении (художественном, научном, публицистическом и др.) с определенных идейных позиций»¹². В этом определении речь идет о теме готового произведения, но она, как нам думается, рождается еще до появления самого произведения. В письме от 31 марта 1868 г. И. Я. Яковлев сообщает А. И. Баратынскому о своей работе над статьей о чувашских училищах¹³. Судить о том, с каких позиций тема здесь разрабатывалась, у нас нет данных, ибо до нас сама статья не дошла. Из письма мы узнали предмет отображения, т. е. тему, однако она мало что говорит о задачах, которые хотел выдвинуть автор в статье. Это и понятно. Смысловая направленность, т. е. идея произведения вырастает в ходе разработки темы. Земский начальник С. Яковицкий и инспектор школ И. Яковлев свои выступления в «Симбирских губернских ведомостях» посвятили одной и той же теме — теме просвещения нерусских народов. Однако Яковицкий ее разработал и подал в духе так называемой «охранительной политики», с позиций русификаторства; Яковлев же выступил как защитник народных интересов.

Тема имеет конкретную предметную определенность, а предметом публицистики, как выяснили мы раньше, являются общественно значимые документальные факты, явления, события современной действительности и связанные с ними обстоятельства. Следовательно, тема публицистического произведения — это конкретный предмет отображения, который выбирается из круга общественно значимых документальных фактов, явлений, событий современной действительности и связанных с ними обстоятельств.

Термин «тема» в журналистике принято употреблять

¹² Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1964. С. 491.

¹³ См.: ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, д. 34. Л. 1.

в широком и узком значениях. Тема в широком смысле обозначает объект действительности, выбранный для отображения; тема в узком смысле указывает непосредственный предмет отображения, определенную сторону выбранного объекта. В творчестве Яковлева темой в широком смысле является национальное возрождение чувашей. Публицист, кровно связанный с трудовым народом, превыше всего ставил его интересы. «Я — крестьянин, не покинувший своего сословия, несмотря на звание действительного статского советника», — с гордостью говорит он¹⁴. Эти убеждения служили той основой, на которой держалась верность Яковлева тематике национального подъема чувашей. В этом он видел свой общественный долг, свое призвание.

Деятельность любого публициста разворачивается в определенных социально-политических условиях и является конкретно-историческим объектом исследования. Особенности творчества, тематика произведений также обуславливаются обстоятельствами и событиями эпохи. Темы для публицистических выступлений и Яковлеву подсказывала сама жизнь. Темами в узком смысле для него были просвещение чувашей и других нерусских народов, трудная судьба родного народа, необходимость подъема его культуры и улучшения материальных условий жизни, взаимосвязи различных национальностей, родной край и родина, характеры и нравы людей, тех или иных слоев населения. Привлекает его внимание и окружающая нас природа, отношение человека к ней. Часто обращался он к одной из самых распространенных тем публицистики — к теме разрыва между должным и действительным, желательным и имеющимся. Как мы видим, тематика творений публициста была довольно широкой, но она редко выходила за пределы того круга, который был очерчен темой в широком смысле — темой национального возрождения чувашей. Все свои выступления автор посвящал поискам решения проблем, связанных с этим делом, практически важным и необходимым.

Мы уже отметили выше: выбор темы в узком смысле — это определение предмета отображения. В каждом предмете обнаруживается нарождающееся и отмирающее, новое и старое, нужное и ненужное. Эти противоположные тенденции выливаются в противоречия, конфликты. Если выбор темы является первой ступенью

¹⁴ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 526. С. 410.

творческого акта, то выбор конфликта — его вторая ступень.

Развитие общества происходит путем разрешения противоречий и преодоления трудностей, поэтому для публицистики, отображающей жизнь общества, проблема конфликта приобретает особое значение. Как правило, произведения ее связаны с раскрытием каких-либо конкретных конфликтных обстоятельств. В обычном понимании конфликт — это «столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезное разногласие, острый спор»¹⁵. Литературоведы конфликтом считают столкновение, борьбу, на которых построено развитие сюжета в художественном произведении¹⁶. По определению Л. И. Калашниковой, публицистический конфликт — «прямое, в принципе адекватное, отражение в публицистическом произведении конфликтов социальной действительности, за которыми стоят экономические, социальные, духовные противоречия, разрешаемые в ходе общественного развития»¹⁷.

Заметим, было бы неверно отождествлять публицистические конфликты с противоречиями, существующими в реальной действительности. Во-первых, публицисты берут для отображения не какие-либо случайные конфликты, а выбирают общественно значимые. «Конечно,— подчеркивает В. М. Горохов,— далеко не всякое общественное противоречие становится предметом журналистского исследования; печать обращается только к тем из них, которые соответствуют ее классовым целям, характерны для данного этапа «истории современности» и вызывают не частный, но всеобщий интерес»¹⁸. Во-вторых, публицистический конфликт — не адекватное отражение, не механический слепок конфликта действительности. Он реализуется в соответствии с той социальной целью, которую преследует журналист. Творческий показ конфликта проявляется не в искажении его сути, а в том, что автор вправе осветить ту или иную сторону, акцентировать какую-либо определенную проблему, выстроить детали в той последовательности,

¹⁵ Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л. Т. 5. С. 1355.

¹⁶ См.: Словарь литературоведческих терминов. Редакторы-составители Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974. С. 155.

¹⁷ Калашников Л. И. Конфликт в публицистике // Мастерство журналиста. МГУ, 1977. С. 157.

¹⁸ Горохов В. М. Проблемы журналистского мастерства. МГУ, 1972. С. 41.

которая придает материалу необходимую целеустремленность. «Публицист лишь в тех случаях достигает желаемого эффекта, когда способен в своем воздействии на массовую аудиторию, учитывая особенности ее восприятия, осмыслить описываемое явление глубже, увидеть пути его развития дальше, чем читатели или слушатели»¹⁹. Таким образом, конфликт подвергается журналистом публицистическому исследованию, творческому осмыслению. Отображаются конфликты с позиции автора, с его оценкой. По нашему мнению, публицистический конфликт — это такая категория журналистского мастерства, которая заключается в умении увидеть и выбрать для освещения столкновение противоборствующих сил, осмыслить и истолковать его, указать пути разрешения противоречия.

Материалистическая диалектика учит, что противоречия бывают антагонистические и неантагонистические. Для нас интересно выяснить, какие противоречия отображал в своем творчестве И. Я. Яковлев. «Исследованиями доказано, — пишет Л. И. Калашникова, — что публицистический конфликт выступает как способ отражения неантагонистических противоречий действительности»²⁰. Верный компас для выяснения вопроса дается марксистско-ленинской философией. К антагонистическим она относит те противоречия, которые возникают между непримиримо враждебными классами, социальными группами и силами. Подобные противоречия вызываются враждебностью коренных интересов противоположных классов. Если иметь в виду освещение в нашей печати лишь современной советской действительности, то выдвинутое Калашниковой положение близко к истине. Однако печать отражает и жизнь за рубежом, и борьбу противоположных идеологий: буржуазной и социалистической. В основе материалов, посвященных этим вопросам, вполне закономерно могут лежать непримиримые конфликты. Антагонизм классовых отношений в капиталистическом мире предопределяет возникновение непримиримых публицистических конфликтов. Следовательно, публицистика может отображать как неантагонистические, так и антагонистические противоречия.

Подход Яковлева к явлениям жизни имел свои осо-

¹⁹ Ученова В. В. Гносеологические проблемы публицистики. МГУ, 1971. С. 37.

²⁰ Мастерство журналиста. С. 155.

бенности, обусловленные его просветительским мировоззрением. Хотя преобладающая часть литературно-публицистической деятельности педагога осуществлялась в условиях царской России, его произведения отображают конфликты лишь одной разновидности — неантагонистические. Публицист думал о народе в целом, без учета непримиримой борьбы враждебных друг другу классов.

Творчество Яковлева охватывает широкий фронт жизненных конфликтов. Основное содержание публицистических выступлений его составляют те конфликты и трудности, которые возникали при царизме в деле распространения просвещения среди нерусских народов Поволжья, в борьбе за подъем их культурного уровня и изменение материальных условий жизни. В публицистике Яковлева сталкиваются такие противоборствующие силы: молодая прогрессивная интеллигенция и царское чиновничество, защитники народа и представители высшего аристократического общества, трудовой народ и духовенство, деятели земства и просветители народа, реакционные чиновники учебного округа («педагогическая бюрократия») и прогрессивные деятели в области народного образования. Таким образом, на одной стороне те, кто болеет за общее дело и стремится к общему благу, а на другой — сторонники сохранения самодержавия в неприкосновенности, защитники своих собственных интересов. Если первые боролись за передовые принципы народного образования, отстаивали самобытную национальную чувашскую культуру, стояли против злоупотреблений властью «сверху» и попустительства этим злоупотреблениям «внизу», добивались лучшей жизни для народа, то вторые проводили политику насильственной русификации «инородцев», ставили всевозможные преграды на их пути к образованию и развитию культуры.

Отраженные Яковлевым публицистические конфликты с учетом их тематики можно разделить на следующие виды: связанные с духовной жизнью (проблемы: народ и школьное образование, народ и его культура); нравственные (человек и его мораль); социально-экономические (народ и материальные условия его жизни). Оригинальность публицистических выступлений Яковлева определена умелой разработкой им жизненных конфликтов. Работу над произведением он начинал с выбора конкретного конфликта действительности.

Для успешного решения этого вопроса публицисту необходимы предварительные знания, правильная ориентация в возникших обстоятельствах, осмысление значения происходящего. Яковлеву не приходилось особо ломать голову в поисках тех или иных конфликтов: с ними в повседневной общественно-гражданской и педагогической деятельности сталкивался он постоянно, но обращал свое внимание в первую очередь на те, преодоление которых отвечало его жизненным задачам. Несмотря на широкие познания и богатый практический опыт, которыми обладал педагог-публицист, он, приступая к разработке конфликтов, детально изучал имеющуюся литературу по проблеме, советовался со своими коллегами.

Следующим этапом в работе над конфликтом было раскрытие его сути. Яковлев превосходно понимал: в конфликты вступают люди, людьми они и разрешаются; следовательно, публицисту приходится писать о людях и для людей; поэтому Яковлев истолковывал конфликт так, чтобы было понятно тем и другим. По его убеждению, всякая мысль должна быть кратка, сжата и ясна, а не растянута и туманна²¹. Своим воспитанникам он внушал: «Не то важно, что ты сказал, а то, как тебя поняли. Поэтому учитесь ясно и точно выражать свои мысли... Неточно выраженная мысль может привести к досадному недоразумению»²². Сам Яковлев всегда помнил это. Относительно его «Очерка возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища» преподаватель словесности Н. И. Колосов заметил, что он «определенен по своему содержанию, чрезвычайно ясен по изложению, и поэтому вполне отвечает своей цели в отношениях, так сказать, логическом и литературном»²³.

Что касается статьи Н. Молчанова и А. Титова «К вопросу о более желательной и более целесообразной постановке церковно-приходской и школьной миссии среди населения инородческого Среднего Поволжья»²⁴, она, как отмечает И. Я. Яковлев, «не отличается особой

²¹ См.: Яковлев И. Я. Моя жизнь. С. 80.

²² И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 104, 106.

²³ ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, д. 34. Л. 1.

²⁴ См.: Миссионерское обозрение. 1899. Ноябрь. книжка. С. 436—451. Дек. книжка. С. 576—588.

определенностью»²⁵. Вначале ее авторы пишут, что «инородческий вопрос современный, живой, требующий всестороннего обсуждения», потом вдруг начинают уверять, что это «вопрос старый, много раз и многими обсуждавшийся... и решается очень просто»²⁶. Замысловат, витиеват и растянут даже заголовок статьи духовных пастырей, тогда как ответ Яковлева на их выпад озаглавлен ясно и определенно: «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье».

Публицист ставит перед собой четкие цели: «Нашей задачей будет, во-первых, определить отношение автора к системе Н. И. Ильминского; во-вторых, разобрать обвинения, выдвигаемые им против людей, участвующих в применении этой системы; в-третьих, наконец, рассмотреть состоятельность предлагаемых реформ»²⁷. Анонимные авторы тоже пишут о системе просвещения и ее деятелях, но без соответствующей последовательности. Ими эти вопросы «постоянно смешиваются и переставляются: речь идет то о людях, то о системе, а иногда в середину обвинения вставлен проект реформы, реформа кончается снова упреком, критика дела начинается с суда над людьми...» — так выразил Яковлев свое неодобрение отсутствию в произведении логической последовательности²⁸.

При раскрытии сути конфликта Яковлевым обращается серьезное внимание на доходчивое изложение жизненной коллизии. В памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» описание пунктов разногласия публицист начинает так: «В указанной статье С. Е. Н., несмотря на ее краткость, есть и критика программы, и строгий, по-видимому, суд над людьми, участвующими в инородческом деле, и проект всех реформ, долженствующих поправить, по мнению автора, недостатки и пробелы инородческой миссии»²⁹. Далее идет подробное изложение разногласий с оппонентами.

Истоками создавшейся коллизии автор считает: 1. Незнакомство оппонентов с делом. «В трех строках автор успел обнаружить все свое знакомство, если не полное невежество», — констатирует Яковлев, имея

²⁵ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 258.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 257.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 256—257.

в виду переводческое дело³⁰. Далее он продолжает: «Проект автора также свидетельствует о его полном незнании. Он говорит, что надо образовать комиссию из русских и инородческих священников при участии светских лиц. Чего же образовывать, когда такая комиссия уже существует в Казани... Над чувашскими переводами точно так же трудится целая группа лиц, составляющих, если автору угодно назвать ее так, особую комиссию»³¹. 2. Неверное понимание вопроса — второй исток коллизии. Указанные два автора «Миссионерского обозрения», например, не уяснили себе суть основных принципов системы христианского просвещения Н. И. Ильминского, из-за чего выступают с требованиями, идущими вразрез с этой системой. 3. Враждебные намерения оппонентов — третий исток коллизии. Они исходят из личных отношений, поэтому Яковлев нисколько не сомневается «в сознательности враждебного намерения их»³².

Статья в «Миссионерском обозрении» явилась «прямым выражением начавшейся с некоторого времени оппозиции со стороны администрации церковно-приходских школ Симбирской епархии современной постановке инородческого дела»³³. Цель этой оппозиции — «ломка системы Н. И. Ильминского». Значение статьи Яковлев видит в том, что она еще раз показала, «откуда, из каких соображений вытекает это противодействие»³⁴, и становится совершенно ясно, чьи и какие интересы выражает противоборствующая сторона.

Затем Яковлевым подводится «окончательный итог тому», чего требуют оппоненты. А требуют они усиления церкви в школьном деле, устранения светских лиц от этого дела там, «где есть некоторая видимость права потребовать этого», хотят запретить светским лицам заниматься переводами книг религиозно-нравственного содержания и т. д. Из нескольких представленных проектов только один предусматривает нечто положительное — создание монастыря, все остальные «требуют разрушения уже существующего дела»³⁵.

³⁰ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 288.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 295.

³³ Там же. С. 256.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 307.

У Яковлева хватило смелости и решительности должному оценить домогательства архиерея и иеромонаха. Во-первых, предлагаемые требования представляют собой «вариации давно опровергнутых и забытых претензий и недоразумений»³⁶. В них нет ничего нового, фактически они ведут к старому. Во-вторых, иные предложения вообще ошибочны. Так, за счет средств, выделяемых на женское училище при Симбирской чувашской школе, учреждать должность епархиального миссионера с целью «личного воздействия без определенной программы деятельности, в гадательном расчете на исключительную личность, есть ошибка...»³⁷. В-третьих, ни одно из высказанных анонимными авторами предложений практически не применимо. «Итак, из трех нововведений, по существу предлагаемых автором, вряд ли полезно хоть одно: первое служит только выражением крайней степени его неуважения к людям, второе невозможно, а с третьим автор опоздал на двадцать два года, т. е. когда возникло женское училище», — с иронией замечает Яковлев³⁸. В-четвертых, статья совершенно незаслуженно, голословно возводит на деятелей народного просвещения чудовищное обвинение. Имя этим обвинениям — «донос и донос ложный»³⁹. Таким образом, в своей оценке конфликта Яковлев исходит из практического значения происходящего.

Яковлевым четко указаны пути преодоления конфликта между выступившими в печати представителями духовенства и деятелями народного просвещения: 1. Надо проявлять доверие не только к человеку духовного звания, но и светского общества; уважения требует достоинство того и другого. 2. Не боясь надуманных обвинений, настойчиво продолжать просвещение народа, так как труд чувашских просветителей «честен и добросовестен»⁴⁰. 3. Добиться помощи в развертывании этого благородного дела, ибо «оно нуждается в средствах, а главное — в новых силах»⁴¹.

Указывая реальные пути решения конфликта, автор обычно выступает в роли арбитра. Однако в ряде случаев Яковлев — публицист не только арбитр, но и дей-

³⁶ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 289.

³⁷ Там же. С. 293.

³⁸ Там же. С. 304.

³⁹ Там же. С. 310.

⁴⁰ Там же. С. 312.

⁴¹ Там же. С. 313.

ствующее лицо. Отображая столкновение противоположных сил, стремлений, интересов в деле распространения народного образования, нередко и сам автор, деятель этой же области, находится в одном из противоборствующих лагерей. Например, в статье «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах» на одной стороне баррикады находится инспектор школ Яковлев, а на другой — земский начальник Яковицкий; в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» противниками публициста оказались Молчанов и Титов. Как правило, у Яковлева автор и противоборствующая сторона совпадают в одном лице в полемических произведениях.

Поиски путей разрешения конфликта и конкретное указание их характерны для многих публицистических выступлений Яковлева. При этом автор идет от раскрытия сути противоречия к обобщениям и выводам, а затем — к перечислению мер, необходимых для разрешения его. Иначе построил Яковлев корреспонденцию «Дружная семья»⁴². Здесь подробно изложена совместная учеба в одной школе детей разных национальностей — русских, татар, чувашей. Все обучаются успешно, живут дружной семьей. Автор вовлек читателя в круг своих мыслей, но выводов и обобщений не дал; к чему зовет — об этом тоже умолчал. Однако корреспонденция написана так, что читателю нетрудно понять позицию автора. Логика его концепции неизбежно подсказывает читателю идею дружбы разных народов. С подобным же расчетом написан историко-этнографический очерк «Чувашский праздник учюк», из концепции которого вытекает мысль о святости, нерушимости народных традиций.

Таким образом, в работе Яковлева над публицистическим конфликтом мы усматриваем следующие этапы: 1. Выбор конфликта для отображения. 2. Раскрытие сути конфликта. 3. Указание реальных путей преодоления противоречия. Чтобы вызвать соответствующий общественный резонанс, автор производит тщательный анализ сути конфликта. Он превосходно понимает, что принцип правдивости публицистического слова требует от автора точного отображения конфликта, а критерий точности не в показе всех сторон и деталей конфликта, а в степени проникновения в суть происходящего. Яков-

⁴² Симбирская земская газета. 1878. 6 авг.

лев умел выделять существенные черты сложного целого. Так, при раскрытии сути конфликта наиболее важными считал следующие стадии: изложение жизненной коллизии; показ ее социальных истоков; уяснение значения возникшей коллизии для сегодняшнего дня, для данного времени; подытоживание предложений и требований противоборствующей стороны; критическая оценка предлагаемого. Выступая за национальное возрождение чувашей, Яковлеву приходилось отображать острые конфликтные обстоятельства, а наличие их придавало его выступлениям стремительность и динамичность.

Выбор темы публицистом фактически означает определение непосредственного предмета отображения — конкретных фактов, явлений, событий действительности и связанных с ними обстоятельств, а в выборе конфликта фиксируются те стороны предмета, которые соответствуют авторскому замыслу. Идея произведения выражается прежде всего в оценке конфликта, в указании путей разрешения его. Именно на этих компонентах разработки конфликта наиболее выпукло проявляется позиция автора. Вместе с тем идея произведений Яковлева начинает вырастать в ходе работы на предыдущих стадиях. Если она стала доступной для читателя, автор специальной оценки конфликта не дает, особо не подчеркивает и возможных путей его разрешения. Выбор темы и конфликта, раскрытие сути конфликта, указание путей его разрешения составляют содержание выступления публициста. Совершенно прав В. И. Здоровега, считающий содержанием публицистического произведения «отобранные автором и отраженные им в соответствии с его общественно-политическими идеалами факты и явления общественной жизни и его мысли, суждения о них»⁴³.

Яковлев не оставил специального труда, в котором были бы собраны, обобщены, сведены в определенную систему высказывания о литературно-публицистическом творчестве, но ценные мысли по этой части находим в письмах и произведениях на другие темы. Вначале рассмотрим те требования, которые предъявлялись им к литераторам. По его убеждениям, любой автор, кем бы он ни был, прежде всего должен изображать жизнь

⁴³ Здоровега В. И. В мастерской публициста. (На укр. языке.) Изд-во Львовского университета, 1969. С. 175.

правдиво, без прикрас. Обязательным условием обнародования произведения является достоверность приведенных фактов. В точности, правдивости выступлений в печати заключена их огромная воздействующая сила. В случае допущения по чьей-либо вине ошибки необходимо сообщить об этом читателям. «Если Вы, милостивая государыня, уважаете свою честь и печатное слово, то, конечно, как лицо, стоящее во главе редакции, обязаны дать немедленно определенные и фактические утверждения по данному поводу»,— требует Яковлев у издательницы Л. Сахаровой ⁴⁴.

Он считает, что все доводы должны быть обоснованными и доказательными. Сомнительные материалы не могут быть одобряемы читателем. «Отвечать на анонимные бездоказательные намеки на страницах газеты я возможным для себя не нахожу»,—заявляет Яковлев клеветникам ⁴⁵. Автор должен излагать материал кратко и ясно, а редакция не может вносить в него произвольные изменения, ведущие к искажению смысла. Когда редакция «Церковного вестника» напечатала извлечение из отчета А. И. Баратынского с существенными изменениями в его содержании, то Яковлев посоветовал автору написать опровержение.

Литератору необходимо умение выделять главное, существенное. Говоря о статье своего сына А. И. Яковлева «Старая и новая постановка инородческого дела», он подчеркивает ее достоинство: в ней «освещена принципиальная сторона» ⁴⁶. Возражая преподавателю русского языка и словесности М. В. Барсову, гимназист Яковлев говорил: между частями сочинения необходима внутренняя связь ⁴⁷.

Яковлев считал, что автору прежде всего необходимо научиться правильно и четко излагать свои мысли. «Не то важно, что ты сказал, а то, как тебя поняли. Поэтому учитесь ясно и точно выражать свои мысли. Неточно выраженная мысль может привести к досадному недоразумению. Ко всякому делу надо прилагать разум»,— советовал он молодым авторам ⁴⁸.

Педагог-публицист требовал от литераторов упор-

⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 4, ед. хр. 27. Л. 9 на об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Яковлев И. Моя жизнь. С. 193.

⁴⁷ См.: там же. С. 80.

⁴⁸ И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968. С. 103, 104, 106.

ного, настойчивого труда. «Хорошо писать — это дело нелегкое, но очень возможное при старании и терпении», — внушал он А. В. Рекееву в одном из своих писем⁴⁹. Перед 25-летием Симбирской чувашской школы Рекеев принялся писать воспоминания о ней. Ознакомившись с черновыми набросками Рекеева, Яковлев откликнулся так: «Любезный Алексей Васильевич! Писание твое положительно интересно и важно для истории нашей Симбир(ской) чуваш(ской) школы, которой ты есть первый воспитанник; твоя судьба есть ее история. Настоятельно прошу продолжать, а написанное пополнять и исправлять. Поверь, выйдет из твоего труда очень, очень интересное произведение...»

Тут же Рекееву даются весьма полезные советы: 1. Пиши подробнее, особенно обстоятельнее изложи главное, фактическое. Написанное неоднократно пересматривай; лишнее, не относящееся к делу, вычеркивай. 2. Пиши в лицах, т. е. приведи подлинные разговоры. 3. Описывай точно и беспристрастно. 4. Для образца прочитай книгу Н. И. Ильминского о крещено-татарской школе, изданную в память 25-летия ее⁵⁰. 5. Постарайся «основательно и сознательно» усвоить грамматику, читай «внимательно хорошие книги»⁵¹, так как литератору без постоянного совершенствования знаний не обойтись.

В письме от 20 июня 1885 г. Яковлев просит Рекеева изложить о возникновении и развитии школы самым подробным образом и написанное неоднократно пересматривать. «...В настоящее лето долго сидеть за твоими записками я решительно не могу. Потрудись хорошенько еще сам исправить, лишнее, не относящееся к делу, опустить, главное же, фактическое изложить обстоятельнее»⁵².

Творческую работу своего первого ученика Рекеева мудрый педагог Яковлев не упускал с поля своего зрения и в последующем. Наконец долгая кропотливая работа увенчалась успехом: воспоминания доработаны и напечатаны в журнале «Православный благовестник» (1910, № 18. С. 254—260).

⁴⁹ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 514. Л. 32.

⁵⁰ См.: Письмо И. Я. Яковлева А. В. Рекееву от 21 авг. 1893 г., И. Я. Яковлев, Письма. Чебоксары, 1985. С. 204.

⁵¹ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 514. Л. 28.

⁵² Яковлев И. Я. Письма. С. 209.

При подсказке своим ученикам и сослуживцам злободневных тем для творческой работы Яковлев исходил из того, нужна она народу или нет. Так, он настойчиво советует Рекееву создать книжку по пчеловодству на чувашском языке. «Ты этим руководством по-чувашски окажешь народу огромную услугу,— они ведь любят пчеловодство»,— напоминает ему Иван Яковлевич. Как он полагает, книга, написанная для народа, прежде всего должна быть доходчивой. «Крайне желательно, чтобы она, эта книжка, была изложена правильным, но простым и ясным языком по-чувашски...— подчеркивает Яковлев.— ... Повторяю, нужно изложить подробно и обстоятельно, но это тебе возможно, потому что, с одной стороны, ты хорошо знаешь пчеловодное дело, с другой — ты владеешь хорошо чувашским языком». Чем же достигается доходчивость книги? Ответ на этот вопрос Яковлев дает 6(19) декабря 1919 г. в письме тому же Рекееву: «При изложении по-чувашски ты обрати внимание на правильность и ясность языка, выражения были бы чисто чувашские, ходячие у чуваш-пчеловодов опытных, а не сочиненные, придуманные искусственно»⁵³.

Трудам всех, в том числе и своих близких друзей, Яковлев давал не лицеприятную, а объективную оценку. «Напечатать можно, и даже хорошо, но необходимо сильно поправить и сократить рукопись твою. Постарайся это сделать»,— предлагает он Рекееву 16 декабря 1910 г.⁵⁴ Дельные замечания своего учителя Алексей Васильевич воспринял без тени обиды, в точности исполнил его пожелание, и рукопись в следующем году увидела свет под названием «Чуваши. Применение системы Ильминского к их просвещению» в казанском журнале «Сотрудник братства св. Гурия» (1911. № 25, 26. С. 385—418).

Неравнодушен был Яковлев и к тому, какая духовная пища подносилась в печати народу. Многим авторам он давал те или иные целенаправленные рекомендации. Так, в воспоминаниях воспитанника Симбирской чувашской школы Н. С. Сергеева говорится: «Весной 1917 года И. Я. Яковлев предложил мне перевести статью «Падение царизма» и послать ее в газету «Хы-

⁵³ Яковлев И. Я. Письма. С. 226, 227, 228.

⁵⁴ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 656. инв. 1921. Л. 55.

пар»⁵⁵. Он говорил, что царь Николай убран не только за беспробудное пьянство, как это было написано в газете «Хыпар», но за все вредные действия и что никакого царя нам не надо»⁵⁶.

Яковлев создает художественные образы с таким же мастерством, с каким рисует документальные персонажи. У него художественный образ, т. е. типизированный, обобщенный, или несколько образов часто составляют основу всего рассказа («Тилить-тилить Мигулай», «На рыбной ловле», «Вихрь» и др.). В произведениях этого жанра показываются представители трудового народа. В этом «ясно видна характерная для всех просветителей демократизация героя»⁵⁷. Иногда автор ставит на центральное место в произведении и документальный персонаж, т. е. отображение конкретного лица из действительной жизни («Протоиерей А. И. Баратынский»). Целая галерея документальных персонажей дается им в мемуарах «Моя жизнь».

Для показа в своих произведениях Яковлев выбирает людей не инертных, а весьма активных. Таких он находит среди тех, кто думает не о себе, а о народе. К ним он относит, например, земского деятеля И. А. Горбунова. «Почетное место в скромной истории Симбирской чувашской школы должно быть отведено и одному простому человеку, но видному общественному деятелю в Буинском уездном и Симбирском губернском земствах, Ивану Афанасьевичу Горбунову... Главной чертой в этом мужике была вера в полезность и необходимость образования и для крестьянина. Ни жизнь его до 1861 года, ни деятельность последующая никогда не были затемнены ничем худым, он умер честным, но бедным человеком, не оставив после себя ни гроша денег», — писал о нем публицист⁵⁸. Тех, кто самоотвер-

⁵⁵ Чувашская газета, издававшаяся в Казани с мая 1917 г. по февраль 1918 г. Она в корне отличается от одноименной газеты «Хыпар», издававшейся в годы первой русской революции. «Хыпар» 1917—1918 гг. был органом Чувашского национального общества. Вокруг газеты сгруппировались буржуазные националисты и эсеровские соглашатели, в результате чего она стала трибуной контрреволюционных сил. Закрыта Чувашским центральным военным советом по требованию революционных масс.

⁵⁶ И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 118.

⁵⁷ Васильев А. В. Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // Чувашский язык, литература и фольклор, вып. 4. Чебоксары, 1974. С. 312.

⁵⁸ Яковлев И. 25 лет Симбирской чувашской школе // ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 32, ед. хр. 14. Л. 3.

женно боролся за народное дело, Яковлев ободрял вдохновенным словом.

Тепло описана им также А. А. Глазова, дочь одного симбирского дворянина, возгоревшаяся желанием помочь чувашской школе. «Это — тип лучшей русской женщины, которая умела оценить в людях то, чего они сами не ясно сознавали, оживить и одухотворить занимавшую их идею, подвинуть слабую волю к деятельности... По ее инициативе, при ее горячем организаторском участии, при ее умении сходитья и влиять на людей разных характеров была оказана и первая самая значительная материальная помощь. Благодаря ее участию была собрана по подписке в пользу первых учеников значительная сумма...» — так отзывается о ней Яковлев⁵⁹. Он страстно заинтересован в судьбах таких героев. Читатель видит: автор относится к ним с особой симпатией.

Яковлев умел несколькими штрихами обрисовать своих героев. Мастерство Яковлева в показе людей отмечено и Н. И. Колосовым: «С глубоким интересом прочитал статью в «Церковных ведомостях». Прекрасно здесь представлены образы Анастасии и особенно Варвары Мироновой»⁶⁰. Полнота и достоверность публицистического персонажа достигается Яковлевым показом его с самых разнообразных граней. Интересен «механизм» отображения им Гаврилы Ивановича Мушкеева, крестьянина деревни Старых Бурундуков Буинского уезда, у которого Яковлев-мальчик жил в период учебы в удельном училище. В мемуарах «Моя жизнь» публицист дает такое описание его внешности: он «среднего роста, коренастый, плечистый, большой силы, вообще отличавшийся цветущим здоровьем»⁶¹. Эти лаконичные данные настраивают читателя видеть в персонаже незаурядного человека. Яковлев подробно рисует отношение своего героя к членам своей семьи, вообще к окружающим его людям. Хотя он суров, строг к себе и другим, в семье не обижал никого, особое сыновье почтение оказывал своей престарелой матери. К мальчику Яковлеву, круглому сироте, относился по-

⁵⁹ Яковлев И. 25 лет Симбирской чувашской школе. С. 2—3.

⁶⁰ ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, д. 34. Л. 1. (Автор, вначале преподаватель русской словесности Симбирской чувашской учительской школы, затем Пермской духовной семинарии, здесь имеет в виду чувашских девушек, пожелавших учиться в Симбирске).

⁶¹ Яковлев И. Воспоминания. С. 50.

отечески ласково, никогда его не наказывал. Смысловую нагрузку вкладывает Яковлев и в описание отношения Мушкеева к домашним животным, которых у него было немало. И здесь перед нами русский крестьянин — настоящий рассудительный хозяин, почтенный глава семьи.

Из особенностей характера героя автор на первое место ставит трудолюбие. Мушкеев не только любил труд — он не мог жить без него. Все делалось им быстро, с усердием и увлечением, всем он подавал пример. Но не всякий труд был ему по душе — признавал только труд физический. Торговлей не занимался — считал ее ниже своего достоинства. К охоте был равнодушен. К наживе никогда не стремился.

Мушкеева всегда тянуло к новому, полезному. У него не было пчел — решил завести. Изучил пчеловодство и устроил образцовый пчельник. «...Не умел делать сети, рыболовные снасти. Захотел и стал делать их сам прекрасно. Понятия не имел о дублении овчин — научился...»⁶². Приучал Мушкеев к труду всех, в том числе и своего квартиранта.

Читатель также узнает о том, как относились к Гавриле Ивановичу односельчане: все к нему обращались почтительно, все его уважали. В конце дается авторская оценка персонажу, представляющему собой «во всех отношениях замечательную личность». Свои суждения публицист выводит из фактов, а выводы подтверждает ими. Основные факты берутся автором из личных наблюдений.

Ярко бросающейся в глаза особенностью публицистического творчества Яковлева является постоянное совершенствование высказанных им самим мыслей. Связывая свои помыслы с тягой народа к лучшей жизни, он неумоимо конкретизирует и расширяет их. Показательна, например, эволюция его мысли о «духовном обрусении» чувашей. В 1870 г. в произведении «Первые шаги Симбирской чувашской школы», он, раскрывая цели своей жизни, пишет: «хочется, чтобы чуваша были просвещены... и слились в одно целое с великим русским народом»⁶³. В дальнейшем выражения «слияние народов», «духовное обрусение» в произведениях Яковлева встречаются все чаще. Пути слияния чувашей с русским народом каждый раз подробнее и кон-

⁶² Яковлев И. Воспоминания. С. 49.

⁶³ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 71.

кретнее раскрываются в трудах «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах» (1894), «О школьном образовании чуваш» (1897). Под слиянием чувашей с русским народом Яковлев подразумевал приобщение их к русской национальной культуре, а это должно было стать важным средством подъема культуры родного народа. Такая идея исходила из признания им высокого уровня русской культуры. Ориентация публициста на передовую русскую культуру отчетливо выражена и в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». «Христианство и просвещение — вот две непосредственные жизненные цели, которых никогда не следует упускать из виду, — указывал публицист. — С государственной точки зрения правильное решение этих двух задач есть наиболее целесообразный способ обрусения, если под обрусением понимать духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего». Здесь же Яковлев говорит о том, что он всю свою жизнь посвятил делу поднятия чувашей «до того культурного уровня, на котором стоит русский народ» ⁶⁴.

Публицист в 1906 г. снова возвращается к этому вопросу. Проблема «обрусения» чувашей получает дальнейшее углубление и обрастает новыми деталями в статье «Что такое чувашская учительская школа? Каково мое отношение к ней?» Автор доказывает: не надо «суживать задачи обрусения до обучения одному только русскому языку: такая постановка задачи была и односторонней, и, как уже опыт неоднократно показал, неблагоприятной» ⁶⁵. Цель заключается в том, чтобы нерусские народности составили с русским народом «одно органическое, нераздельное, неразъединимое целое» ⁶⁶. При достижении этой цели методы насилия совершенно неуместны. «Прежде всего надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии, мысль, столько раз приводившую к самым печальным результатам, — подчеркивает Яковлев, — не надо стремиться обрусить инородцев, а надо помочь им обрусеть» ⁶⁷. Приведенная особенность его творчества свидетельствует о том, с какой настойчивостью добивался Яковлев осуществления тех задач, которые были направлены «к благу народа».

⁶⁴ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 61, инв. 146. С. 258—259, 280.

⁶⁵ Там же, инв. 148. С. 23.

⁶⁶ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 61, инв. 148. С. 23.

⁶⁷ Там же.

Публицист средствами художественной выразительности и приемами полемики пользуется экономно, разумно. К ним прибегает он с расчетом ярче выделить главные, стержневые идеи, точнее поразить противника. Так, очень страшным было для самого Яковлева и для его дела обвинение в сепаратизме. Чтобы опровергнуть эту мысль, он в статье «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах» воспользовался приемом наращивания смыслового значения: «Когда автор бросает в вас упреки, выдвигает против нас в конце концов обвинения в сепаратизме, равносильные обвинению в государственной измене, когда он бросает в нас грязью, мы по необходимости стараемся доказать неосновательность упреков и обвинений, стараемся обнаружить свою невинность... Не было, нет и положительно не может быть подобных тенденций среди чувашей и их просветителей — это факт»⁶⁸. Приведем еще один пример: «...Чувашское племя, окруженное русским и татарским населением, не имеющее исторического прошлого, племя мирное, трудолюбивое, земледельческое, по широте своих воззрений не идущее дальше интересов своей деревни и родных полей, не может представлять для русского народа и Русского правительства предмета опасений со стороны претензий сохранить чувашскую национальность в чистоте и целостности и получить ход самостоятельной чувашской цивилизации, как боязливо думает автор заметки»⁶⁹.

Для опровержения того же обвинения Яковлев применяет удачное сравнение: «Питать мысль о самостоятельном ходе цивилизации даже для этих народностей, имевших свою историю, значило бы обречь себя на вечную мучительную бесплодную погоню за призраками»⁷⁰. Здесь сопоставляются два понятия — «питать мысль о самостоятельном ходе цивилизации» и «вечная мучительная бесплодная погоня за призраками». Сравнение основано на сходстве их бессмысленности. Хотя оно выражено без особых вспомогательных слов и непосредственно входит в конструкцию предложения, сопоставляемые явления не сливаются в одно, легко различаются. Сравнение прекрасно выполняет свое назначение:

⁶⁸ Симбирские губернские ведомости, 1894. 3 дек.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

в сопоставлении со вторым понятием первое становится еще бессмысленнее.

Публицист каждый раз придает сравнению своеобразное синтаксическое оформление. Вот, например, его сравнительные конструкции: «Две школы, заведенные им,— две светлые точки...»; «Я во время этой поездки сделал важное открытие, которое... не менее удивило и поразило меня, чем открытие Америки Колумбом»; лишить недуховных лиц «права вести целые годы подготовительную работу, необходимую в инородческой местности, это значит вынуть из-под здания весь фундамент». В произведениях, предназначенных для детей, сравнения составлены уже из близких им понятий: «Пламя вышиною с дом...», «Хмель висит, будто пальцы перчаток с тычин свешиваются» и др.

Стилю Яковлева характерны развернутые сравнения. Так, одно из них применяет для показа того, как велика разница проникновения в народную психологию с помощью чужого, незнакомого и своего, родного языка: «Горький опыт показал, что в первом случае только предполагалось больше..., но не давалось ничего, а во втором, если предлагалось и меньше..., то оно было доступно народу во всем своем объеме»⁷¹. В следующем примере две отрицательные черты характера одного и того же человека остроумно уподоблены автором одна другой: «Насколько автор склонен хулить других, настолько же он склонен распространяться о собственных достоинствах... Это две стороны медали: вогнутая и выпуклая»⁷².

Как сравнение воспринимается у Яковлева форма синтаксического параллелизма: «К солнышку тянется всякое растение, чтобы получить свет и тепло. Не секрет и не тайна, что и к Николаю Яковлевичу (Шатрову), как к теплому солнышку, тянутся многие за помощью, и — получают»⁷³. Или вот другой пример, заключающий в себе мягкий юмор: «Предводитель дворянства поддерживает свое сословие и его интересы, а выдающийся священник, конечно, должен пеших об интересах духовенства»⁷⁴.

⁷¹ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 272.

⁷² Там же. С. 309.

⁷³ Яковлев И. Война и чувашская школа в Симбирске. Симбирск, 1915. С. 28—29. Н. Я. Шатров — почетный попечитель Симбирской чувашской школы, владелец мануфактурной фабрики.

⁷⁴ Там же. С. 14.

Как мы уже говорили, в публицистическом творчестве Яковлева встречается и жанр памфлета, известного под названием «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Это произведение представляет собой резкое и смелое обличение, направленное против конкретных представителей симбирского духовенства, относившихся враждебно к делу подъема культуры народов и требовавших для себя непомерной власти во всех сферах духовной жизни народа. Рассчитывая на здравый смысл и непосредственные эмоции читающей публики, Яковлев для развенчания корыстных стремлений и хищных appetитов духовных лиц выбрал ярко экспрессивный стиль, который присущ иронии и сатире. Произведение Яковлева явно тенденциозное. Гневно-презрительное отношение его к извращению фактов и лживым словесным хитросплетениям оппонентов выражено рельефно.

Сильны и метки приемы полемики, использованные публицистом в этом памфлете. Чтобы вызвать у читателя чувство недоверия к слову противоборствующей стороны, Яковлев прежде всего дает «очерк приемов противника», т. е. подробный критический анализ тех нечистоплотных приемов, которые он обнаружил в печатном выступлении Молчанова и Титова. Во-первых, они не утруждают себя обоснованием своих мыслей, «Может случиться», «может выйти», «возможно»... — вот на каких предположениях строят они свои рассуждения, тем не менее подают их в категорично-распорядительной форме. Напротив, Яковлев тщательно аргументирует свои мысли, раскрывает суть обвинений оппонентов, рассматривает их конкретные предложения и показывает, к каким результатам они могут привести. Во-вторых, оппоненты пользуются нечестными приемами полемики. Суждения их часто являются ответом на не существующий, ими самими надуманный вопрос. Исходную точку полемики берут из воображения и начинают строить догадки по вопросу, который ни жизнь, ни люди им не предлагали. Поэтому все их «рассуждение висит в воздухе». Например, анонимы упрекают кого-то в обособлении и выделении инородческих приходов «из ряда других по их устройению и управлению». Яковлев вполне резонно отвечает: «Неизвестно, однако, чья же программа имеет в виду «обособление и выделение»⁷⁵. Анонимы снова плетут лишнее, «потому что никто не

⁷⁵ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 265.

предлагал вопроса»⁷⁶. «Стало быть, нечего было огород городить», — дополнил Яковлев, а потом, желая оставаться до конца вежливым, последнее предложение вычеркнул⁷⁷.

К числу нечестных приемов полемики относится также выставление нелепого тезиса и выражение несогласия с ним. Конкретно этот прием выглядит так: анонимы сначала извращают мысль тех, на кого нападают, затем оспаривают ими самими состряпанную чушь. «Автор извращает мысль Н. И. Ильминского, умышленно лишая ее смысла, и старается затем возразить на придуманную им самим нелепость», — отмечает Яковлев⁷⁸ и приводит ряд примеров, иллюстрирующих подобную нечестность оппонентов. По его мнению, авторы, рассуждая так, спорят «сами с собою и больше ни с кем». Несомненно, такая непорядочность свойственна не здоровой полемике, а пасквилю.

В полемических произведениях Яковлев мастерски пользовался особым приемом — доведением аргументов противника до абсурда. Здесь публицист продолжает цепь нелепых рассуждений идейного врага, как бы договаривая за него. Этим он достигает демонстрации всей нелепости и вздорности утверждений своих противников. Данный прием находит неоднократное применение и в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Как бы разделяя опасения оппонентов о «дурных» последствиях «вредного воспитания» питомцев Симбирской чувашской школы, якобы проникнутых враждебным чувством ко всему русскому, Яковлев пишет: значит, выпускники школы сеют в селах и деревнях «крамолу, возбуждают своих единоплеменников-чуваш против русской народности и гражданственности, потрясают государственные основы... Словом, чувашская школа — это такая язва, такое змеиное гнездо, что его как можно скорее и с корнем нужно уничтожить. Вот до чего может договориться наш автор, если будет последователен»⁷⁹. С сомнительным выводом противников публицист вначале будто соглашается, но, продолжив линию мысли средствами преувели-

⁷⁶ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 266.

⁷⁷ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525(2). С. 390.

⁷⁸ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 275.

⁷⁹ Там же. С. 279.

чения, вызывает у читателя сомнение в достоверности высказанной мысли и мнимое обвинение их сводит на нет краткой оговоркой. Тезис о том, что педагоги должны прививать своим ученикам те же убеждения, какие имеют сами, также излагается публицистом по способу логического продолжения мысли оппонентов: «Если мы делаем дурно, то, значит, думали и действовали дурно, вот к чему приводит логика автора. Но это надо доказать»⁸⁰. Удар по противникам снова нанесен последним предложением.

В названном полемическом произведении Яковлев высказывания оппонентов, их доводы умело обращает против них самих, т. е. бьет врагов их же оружием. Вот пример: «Первым недостатком (автор считает) исправления, вносимые в текст переведенных книг. «Мы не знаем, как инородческая масса, например, чуваши, относятся к исправлениям богослужебных книг, но нам кажется крайне ненормальным то явление, если всякое новое издание евангелия на чувашском языке будет являться с исправленным, измененным текстом». Если «мы не знаем», то чего же рассуждать? Но объясним автору, что практикой многих десятилетий показана польза этих исправлений и спокойное отношение к ним народа»⁸¹. Так нанес Яковлев чувствительный удар по противникам, иронически цитируя их же непродуманные слова.

Удачно он пользуется приемом переосмысления рассуждений противника. «Вы пришли к тому, с чего начали», — пишут анонимы в заключении своего выступления. Яковлев же с юмором парирует: «Да, Вы пришли к тому, с чего начали: заключительная страница находится в полном соответствии с первой. Вы приписали нам вымышленные действия и несуществующие намерения... Вы верны себе, выставляя против нас и на последней странице обвинение в «намеренном обособлении своего племени от главной народности в государстве»⁸². В памфлете встречается обыгрывание часто повторяющихся слов оппонентов: «Изъять, изъять, передать...» Изъять и передать нетрудно, но в чем будет состоять это изъятие и передача, к чему то и другое, зачем отрывать от дела тех людей, которые многие годы

⁸⁰ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 278—279.

⁸¹ Там же. С. 286.

⁸² Там же. С. 312.

работали над ним,—остается неизвестным»⁸³. Обыгрывание слов собеседников в споре умаляет значение доводов другой стороны, вызывает у читателя ироническое отношение к ним. Так Яковлев-полемист поражал врага и в этом случае его же оружием.

В памфлете Яковлева находим оригинальный полемический прием, состоящий в мотивированном отказе от дачи ответа на выдвигаемое против него обвинение. К примеру, публицист посчитал излишним разбирать обвинение его в сепаратизме, ибо «оно так старо, так истрепано, основано на таком абсолютном незнании дела, и потому так безвредно, что мы не будем брать на себя труд снова и снова систематически опровергать возводимую на нас нелепость»⁸⁴. Это своеобразный прием умолчания, широко известный в полемике.

Публицистический талант Яковлева обладает яркой творческой индивидуальностью. Изучение творческого наследия его — это интересная и поучительная школа публицистического мастерства. Обращение к значительному опыту основоположника чувашской публицистики учит нас, сколь важно литератору проявить творческую смелость, уметь настойчиво идти к намеченной цели. Точность наблюдений, обилие фактов, раскрытие острых конфликтов и указание путей разрешения их, умение одеть мысль в соответствующую форму, живое яркое слово, близость языка к разговорному, обилие зарисовок с натуры, выпуклые яркие образы, постоянное совершенствование мысли, умение вести полемику — вот сильные компоненты мастерства И. Я. Яковлева — публициста.

⁸³ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье. С. 302.

⁸⁴ Там же. С. 313.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научные принципы периодизации чувашской журналистики еще не разработаны. Отдельные исследователи пытаются ее историю механически втиснуть в рамки отдельных этапов русского освободительного движения. Действительно, история русской журналистики имеет органическую связь с историей русского освободительного движения. Поэтому к ней вполне обоснованно применима периодизация русского освободительного движения, установленная В. И. Лениным. В соответствии с ней мы говорим о журналистике дворянского периода, о разночинской или буржуазно-демократической прессе и, наконец, о пролетарской печати.

Первые чувашские публицисты шли в своем творчестве прежде всего от прогрессивных идей русской общественной мысли, достижений русской публицистики. Под непосредственным влиянием ее чувашская публицистика во второй половине XIX в. выдвинула своей первостепенной задачей широкое развитие просвещения и культуры. Однако периоды развития русской и чувашской журналистики не тождественны и не совпадают во времени. Зарождение и развитие чувашской печати шло несколько иначе. В царской России нерусские народности притеснялись и в области печати. Как известно, русская пресса возникла в начале XVIII века, а чувашская публицистика зародилась лишь через полтора столетия, в середине XIX в. В силу исторически сложившихся условий развития общества во главе русского освободительного движения на первом его этапе находились выходцы из дворян, а выразительницей интересов чувашского народа суждено было выступить первой, весьма немногочисленной плеяде просветителей-выходцев из крестьян и разночинной интеллигенции. Если русская периодическая печать появилась по ини-

циативе самого царя, то чувашская журналистика зародилась как голос в защиту интересов народа, как заступничество за него. Первые чувашские публицисты обрели свой голос благодаря помощи со стороны русских прогрессивных журналистов, которые предоставили им возможность выступить в русской прессе. Чувашский народ не имел своего органа прессы вплоть до первой русской революции.

Разумеется, научные принципы периодизации чувашской журналистики не могут быть разработаны в отрыве от борьбы народа за свое освобождение. В истории чувашской журналистики выделяются следующие три периода: 1. Публицистика периода зарождения чувашского просветительства (1852—1866 гг.). 2. Публицистика периода зрелости просветительского движения (1867—1904 гг.). 3. Пролетарская печать (с 1905 г.).

Перед отменой крепостного права, в период нарастания протеста подневольных крестьян, выдвинулись первые защитники чувашских народных масс — историк, этнограф и публицист С. М. Михайлов (1821—1861) и первый инспектор чувашских школ Казанского учебного округа, этнограф и публицист Н. И. Золотницкий (1829—1880). Решающее условие изменения жизни народа они видели в избавлении его от темноты и невежества путем просвещения. Оба выступали в защиту не только чувашей, но и других народов Поволжья. Однако в публичных выступлениях Золотницкого явно видны миссионерско-русификаторские тенденции, а в публицистике Михайлова чувствовалось более светское направление, резче звучали в ней социальные мотивы.

Публицистика начального периода преследовала ограниченные цели. Просветители первого поколения причину бедственного положения народа видели в темноте и невежестве его, поэтому своей главной задачей считали организацию школьного образования и распространение знаний. Об этом и писали первые чувашские публицисты-просветители. Чувашская публицистика свои первые ростки давала в невыразимо трудных условиях, так как у чувашей тогда не было собственной прессы, отсутствовала и оригинальная письменность.

Второй период чувашской публицистики связан с общественно-педагогической и литературно-публицистической деятельностью И. Я. Яковлева. В этот период чувашское просветительское движение оформилось в

самостоятельную идеологию. Оно значительно расширило рамки своих задач. Теперь публицисты-просветители не ограничивали свои цели распространением школьного образования. Они добивались изменения материальных условий жизни народа, повышения уровня его культуры, просвещения трудовых масс. Просветителями второго поколения создается новая чувашская письменность, на основе которой и получает свое дальнейшее развитие чувашская публицистика.

В чувашском крае просветительское движение продолжалось вплоть до Октябрьской революции. И. Я. Яковлев и его последователи выступали в печати с прежних позиций. Просветительский демократизм публициста и на новом этапе борьбы трудящихся за свои права остался без особых изменений. Хотя деятельность его и в эти годы продолжала играть положительную роль в деле народного просвещения, но была далека от классовой борьбы. Важно также заметить, что с начала XX в. в чувашской общественной мысли тон задают не просветители, а публицисты революционно-демократического направления.

Важную роль в развитии чувашской публицистики сыграла первая чувашская газета «Хыпар» (1906—1907 гг.), последовательно отстаивавшая революционно-демократические идеи. На страницах этой газеты яркими произведениями выступают Т. С. Семенов-Таэр, М. Ф. Акимов, Ф. Н. Николаев (Сергеев), Д. А. Демидов (Юлдаш) и др. Они призывают рабочих и крестьян к активному участию в революционной борьбе. Произведения Т. С. Семенова-Таэра свидетельствуют о том, что он возвысился до понимания революционных идей рабочего класса. В годы первой русской революции Казанский комитет РСДРП наладил выпуск революционной литературы на языках нерусских народов, в том числе и на чувашском. В Чувашии распространялись также листовки и прокламации, издаваемые на чувашском языке. Так постепенно набирала силу чувашская пролетарская печать.

Литературно-публицистическая деятельность педагога И. Я. Яковлева начинается во втором периоде развития чувашской журналистики, продолжается в третьем и новое качество приобретает после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В истории чувашской журналистики она пролегла глубокой плодотворной бороздой. Дело, которому служил Яковлев,

имело широкие масштабы. Для бедных чувашских и русских крестьян Яковлев был не только педагогом-публицистом, но и безотказным мировым посредником, землемером и зоотехником. Служение Яковлева народу шло в трех основных направлениях: работа по просвещению чувашского населения Казанского округа, оказание конкретной помощи трудовому народу в его бедственном положении и литературно-публицистическая деятельность. Последний вид деятельности нашел выражение в составлении букваря и учебных книг, в переводах книг на чувашский язык, в создании произведений детской художественной литературы, в выступлениях в периодической печати, в переписке с официальными лицами и учреждениями. Все это способствовало успешному осуществлению «чувашско-народного» дела в целом.

Тематика литературно-публицистической деятельности Яковлева определена логикой борьбы за улучшение материального положения народа, поисками легальных путей для осуществления этой задачи. Основной целью его творчества являлось распространение просветительских идей, коренившихся на благородных принципах гуманизма. Проявление им заботы об общем человеческом благе выразилось прежде всего в борьбе за поднятие культурного уровня народа. Он был глубоко прав, считая, что в этом деле решающую роль должно сыграть развертывание дела народного образования. Именно эту идею выражал Яковлев в большинстве своих трудов — в рецензии «Сӧлдалык кнеге», в полемических статьях «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах», «О школьном образовании чуваш», в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» и др.

Важным средством подъема культуры родного народа Яковлев считал приобщение его к русской национальной культуре, и оно должно осуществляться, по мысли публициста, на основе сохранения самобытной чувашской культуры и при обязательном использовании материнского языка. В то же время ориентация Яковлева на усвоение чувашами русской культуры исключала замыкание их в узких национальных рамках и была правильной, прогрессивной.

Яковлев неустанно искал те пути, которые, по его соображениям, могли оказать помощь в поднятии уровня крестьянского хозяйства. Эти поиски нашли отражение

в его брошюрах «Отчет о состоянии земледельческой фермы Симбирского общества, переданной в ведение Симбирской чувашской учительской школы, с 15 марта 1893 г. по январь 1894 г.» (1895), «Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы» (1908), «Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 год» (1913), в «Отношении инспектора чувашских школ Казанского учебного округа в Буинскую земскую управу от 3 октября 1899 г.», в статье «Об организации преподавания сельского хозяйства в учительских школах и семинариях» (1912) и др.

Идеи общечеловеческого гуманизма, изложенные Яковлевым, получили дальнейшее развитие в литературном творчестве его учеников. Так, Константин Иванов смело провозгласил: «Нет сильнее человека во вселенной никого!» А последним произведением Таэра Тимкки уже характерна революционная окрыленность. Они пропитаны духом пролетарского гимна Интернационала и призывают рабочих и крестьян отвоевать свое добро и свободу собственными руками. Но их учитель, гуманист Яковлев, признавал только «мирные и законные пути» и «нравственно-честные средства». Безусловно, просветительская программа его не могла привести к коренному улучшению материального положения народа. Были весьма далеки от идеи революционного переустройства общественной жизни и проектируемые им демократические реформы, в частности, план реорганизации местного самоуправления.

Царская цензура и чиновная бюрократия всячески преграждали Яковлеву путь к защите своих идей. Так, ими не были допущены к печати ответ на второе публичное выступление земского начальника С. Яковицкого, памфлет «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Весь тираж отпечатанного «Отчета о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 год» оказался конфискованным. Эти преграды мешали чувашскому публицисту правдиво отображать действительность, открыто высказывать свои суждения по тем или иным фактам. Однако Яковлев оказался человеком негибаемой воли, до конца верным своему призванию и делу своей жизни. Наперекор обвинениям великодержавных писак в «сепаратизме», несмотря на беспрерывные нападки чувашских эсеров и буржуазных националистов,

вопреки ограничению сферы деятельности путем упразднения должности инспектора чувашских школ, гонениям официальных должностных лиц и бюрократической иерархии царизма, Яковлев настойчиво продолжал пропагандировать в печати свои демократические начинания в области просвещения и культуры, мужественно претворяя в жизнь прогрессивные просветительские идеи.

Публицистическое наследие Яковлева — это не только история чувашского просветительского движения, но и своеобразная школа полемического мастерства. Полемичность — характерная черта его стиля. Такая направленность его публицистики была вызвана объективными закономерностями развития общественной мысли в Чувашском крае. Здесь просветительство родилось, выросло и оформилось идейно в боях с многочисленными недругами. Немало схваток с ними пришлось выдержать Яковлеву. Идейных противников — врагов просвещения нерусских народов, великодержавных шовинистов, представителей крайне реакционного духовенства, реакционеров разных мастей и других — он обезоруживал метким, острым словом, поражал логикой своих доводов. Используемые им приемы — «очерк приемов противника», доведение аргументов оппонента до абсурда, поражение врага его же оружием, ироническое цитирование и другие — остроумны и разящи. В полемике с противником публицист не только отстаивал и защищал ранее высказанные им взгляды и убеждения, но и развивал их далее, излагал новые; выдвигал обоснованную программу просветительства. Вершиной полемического мастерства Яковлева явился памфлет «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье».

Велика заслуга Яковлева и его последователей в становлении чувашской журналистики. Вслед за С. М. Михайловым и Н. И. Золотницким он в продолжение десятилетий выступал в защиту родного народа на страницах русской периодической печати. Здесь оттачивал свое перо, вырабатывал публицистическое мастерство, углублял тематику публицистических выступлений. Яковлев — публицист в своих творениях придерживался прогрессивных идей русской публицистики, ее опыта и достижений. Все его творчество прочными нитями связано с традициями русской просветительской публицистики. Отсюда его раздумья о судьбе народа, о его стремлениях. Яковлев учился у русских публици-

стов проникновению в сущность описываемых явлений, совершенству формы, точности и выразительности языка, но вместе с тем он имел свои темы, свой слог и стиль.

Яковлев создал тот прочный фундамент, на котором зародилась и развивалась публицистика на природном чувашском языке. Этим фундаментом стали созданная им оригинальная чувашская письменность и основы литературного языка. Единые языковые нормы создавались в ходе работы над переводами, произведениями художественной литературы и публицистики. Выезжая в чувашские деревни, он лично проверял, как воспринимается народом язык вновь изданных книг. Появление письменности и литературного языка явилось важной предпосылкой создания чувашской журналистики. Другой предпосылкой этого дела служило распространение грамотности и образования на родном языке. Яковлевым было начато на довольно широкой основе издание чувашских книг. Распространение грамотности и книг на родном языке вызвало живую потребность в публицистическом обобщении явлений действительности. Яковлев явился автором первых публицистических произведений, написанных на чувашском языке: «Начинающему учиться грамоте» (1872), «Увещевание» (1896), «От чего зависит здоровая, долгая жизнь?» (1902), «Здоровье, питание, чистый воздух, чистота тела» (1904), «Кирилл и Мефодий, их жизнь и дела» (1905), «Послесловие к книге «Высочайшие манифесты...» (1906) и др. Эти произведения, содержащие в себе идеи просветительства, говорят о том, что отцом чувашской публицистики надо считать И. Я. Яковлева.

В недрах Симбирской школы зародилось и выросло искусство перевода с русского на чувашский язык. Наряду с богослужебными книгами, здесь переводили сельскохозяйственную, медицинскую и художественную литературу. Накопленным в этом деле опытом широко пользовались сотрудники редакции первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть), где часто печатались и переводные материалы.

Деятельность Яковлева по подготовке национальных кадров также создавала условия для развития чувашской журналистики. Многие хыпаровцы — Михаил Акимов, Василий Иванов (Кривов), Тимофей Лаврентьев, Тимофей Семенов (Таэр Тимкки), Ефим Трофимов, Василий Волков и некоторые другие были питомцами

Симбирской чувашской школы. Из стен этой же школы вышли также первые чувашские писатели-публицисты Алексей Рекеев, Никифор Охотников, Иван Юркин, Николай Васильев (Шубоссинни), Степан Авксентьев (Лашман) и др.

Яковлев высоко ценил роль периодической печати в жизни общества, видел в ней одно из средств осуществления своих планов по просвещению народа и стремился к тому, чтобы чуваша имели свою газету на родном языке. Создание первой чувашской газеты «Хыпар» в 1906 г. Яковлев встретил с одобрением. Когда ее закрыли, он задумал создать новую чувашскую газету. «В 1909 г. инспектор Яковлев уговаривает Ивана Николаевича Юркина выпускать в Симбирске чувашскую газету, обещает достать деньги», — сообщается об этом позднее, 12 мая 1918 г., газетой «Сёне пурăнăç» (Новая жизнь).

Огромная, непреходящая заслуга Яковлева — публициста и его последователей состоит в том, что они отстаивали право родного народа на свою собственную культуру, в том числе право на свою журналистику. Лучшие произведения Яковлева не утратили своего значения и поныне. Его творческое наследие ценно и поучительно. Журналисты наших дней охотно пользуются тем богатым опытом, который накоплен их предшественниками — И. Я. Яковлевым и его учениками.

Разумеется, не все написанное Яковлевым равноценно. Нельзя закрыть глаза на то, что в его взглядах были идеи заведомо отрицательные и неприемлемые. Например, культуру русского народа он не представлял без христианской религии, ошибочно понимал роль личности в истории. Именно отсюда исходит преувеличение им значения деятельности народных просветителей. Публицист не связывал осуществление своей программы по улучшению жизни народа с революционными выступлениями масс. Он не понимал, что для организации подлинного народного просвещения необходимо уничтожить эксплуататорский общественный строй.

Яковлев видел: бесчисленные нападки и доносы на него, административный произвол царских властей вызывались тем, что вновь открытые светские школы, выпущенные им книги распространяли знания и свет в народе и в официальных кругах считались опасной для правительства силой. Это ясно видно из его памфлета «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Од-

нако в своих печатных выступлениях, докладных и объяснительных записках все эти искусственно создаваемые трудности на пути просвещения Яковлев квалифицирует как клевету и поклеп на себя, на деятелей народного просвещения и критикует при этом не официальную политику царского правительства, а конкретных своих противников и их идеи. Так делалось не только для того, чтобы вернее отстаивать свои позиции и оберегать единственную в то время чувашскую учительскую школу, без которой было немыслимо развитие какого бы то ни было просвещения в чувашском народе, но и потому, что он не выступал против существующего самодержавного строя, во всех трудностях истинным виновником считал порочные чиновничество и духовенство и установленные ими порядки.

Итак, творческое наследие Яковлева нуждается в критическом осмыслении. Наличие негативных сторон в его творчестве определялось сложными условиями эпохи и той средой, в которой он провел детство, учился и работал. Защитнику интересов трудового крестьянства были присущи колебания и противоречия этого класса.

Однако прогрессивно-демократическая направленность деятельности Яковлева неоспорима. Свою общественно-педагогическую деятельность он умело сочетал с публицистической и неизменно опирался на помощь печатного слова. Его публикации всегда носили целеустремленный характер, пробивали народу путь к просвещению, культуре, науке. Следовательно, они содействовали росту политического сознания широких масс трудящихся, создавали условия для усиления революционного движения. Яковлев был демократом-просветителем, неутомимым борцом за национальный подъем чувашей, поборником дружбы народов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Разработка публицистом идейных основ чувашского просветительского движения	11
1. Отражение формирования мировоззрения И. Я. Яковлева в публицистических выступлениях начального периода (1867—1875 гг.)	—
2. Создание программы по национальному возрождению чувашей (1875—1893 гг.)	32
Глава II. Литературно - публицистическая деятельность И. Я. Яковлева в период нарастания классовых битв и после победы Великого Октября	44
1. Творчество публициста в условиях усиления гонений на чувашские школы и печать (1894—1917 гг.)	—
2. Народно-демократические тенденции в произведениях чувашского просветителя	82
3. Литературная деятельность педагога в советские годы (1917—1922 гг.)	92
Глава III. Особенности публицистического мастерства И. Я. Яковлева	106
Заключение	135

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ТЕНЮШЕВ

И. Я. ЯКОВЛЕВ — ПУБЛИЦИСТ

Редактор А. П. Павлов. Художник В. А. Смирнов. Художественный редактор Г. С. Самсонова. Технический редактор В. П. Окина, Корректор Р. П. Кудряшова, ИБ 2398.

Сдано в набор 18.05.89. Подписано к печати 12.04.90. НТ 31417. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,77. Учетно-изд. л. 8,2. Тираж 2000 экз. Заказ 1597. Изд. № 110. Цена 35 коп. Чувашское книжное издательство, 428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4. Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

35 коп.

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО